

В. Касимовъ

А. М. БОБРИЦЕВЪ-ПУШКИНЪ.

М. М. Бобрицевъ-Пушкинъ

СУДЪ

и

Х. **РАСКОЛЬНИКИ-СЕКТАНТЫ.** С

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

251

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Глава I.	стр.
Общія условія борьбы государства и церкви съ раскольниками и сектантами	1—50
Глава II.	
Средства и приемы борьбы съ отступниками	51—104
Глава III.	
Задача юриста въ дѣлахъ о раскольникахъ-сектантахъ	105—136
Глава IV.	
Судебное изслѣдованіе и экспертиза	137—177
Глава V.	
Законодательство и судебныя рѣшенія	178—207

Судебные дѣятели, будучи поставлены ближе другихъ людей къ текущей дѣйствительности рано или поздно приходятъ къ признанію того, что, сравнительно со скудными фабулами лучшихъ художественныхъ произведеній, наиболѣе неправдоподобное, неожиданное сплетеніе обстоятельствъ и самая суровая, безысходная трагичность въ судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и обществъ наблюдаются именно въ дѣйствительной жизни.

Самая замысловатая интрига романа, хитрая завязка или завязка драмы, лирическая скорбь пѣсни, способная поднять на высшую ступень мысль и чувство человѣка, достигаютъ этого не силой фабулы, а только властью таланта или генія творца-художника; въ самомъ дѣлѣ, вѣдь авторъ беретъ изъ жизненнаго матеріала только несложные, сравнительно, факты, только наиболѣе простые сочетанія психическихъ моментовъ, да иначе и поступать не можетъ.

Не можетъ художникъ поднять и унести съ собой на идеальную высоту и притомъ съ красивой поэтической легкостью балластъ, который подъ силу развѣ наукѣ классифицировать, да и то на самой почвѣ, едва поднявшись надъ нею; немного только повыше, когда ученый начинаетъ творить, общіе контуры уже сливаются въ составляющія цѣль научной работы схематическія очертанія; на фонѣ послѣднихъ кристаллизуется затѣмъ научный законъ, а богатое разнообразіе единичныхъ фактовъ неизбѣжно облекается тогда однотоннымъ сѣрымъ цвѣтомъ и непосредственная убѣдительность самой дѣйствительности исчезаетъ.

Въ особыхъ и болѣе цѣлесообразныхъ условіяхъ находится такъ называемая серьезная публицистика, пользующаяся, почерпаемымъ изъ жизни, научнымъ матеріа-

ломъ въ размѣрѣ, не позволяющемъ ей устанавливать какія либо законосообразности, но за то въ построенияхъ публициста эти формулы предчувствуются, намѣчаются и, что именно важно, факты, группируясь сообразно этимъ только намѣченнымъ схемамъ и въ то же время разрабатываемые—продолжаютъ однако сохранять свѣжесть и окраску дѣйствительности; впечатлѣніе, производимое такой работой на читателя, можетъ поэтому явиться вполне жизненнымъ, убѣждающимъ, благодаря отсутствію лабораторнаго нагроможденія и, что главное, явиться своевременно. Такимъ только способомъ въ вопросахъ крупнаго общественнаго значенія привлекается наука на помощь текущей дѣйствительности безъ риска опозданія.

Сохраняя научное отношеніе къ матеріалу, публицистъ въ установкѣ точекъ зрѣнія, въ суммарной характеристикѣ общественныхъ моментовъ и теченій долженъ, расширяя въ данномъ вопросѣ до предѣловъ логически возможнаго свой личный горизонтъ—не останавливаться робко даже предъ смѣлыми гипотезами, подчинивъ себя только требованіямъ научности въ выборѣ и подготовкѣ матеріала, но затѣмъ, и первѣе всего, оставаясь искреннимъ и самобытнымъ въ построенияхъ.

Рецепты и совѣты такого публициста-популяризатора могутъ все таки, не смотря на всѣ принятія мѣры предосторожности, оказаться слишкомъ субъективными, даже и поспѣшными—это еще не бѣда; суть его дѣятельности не въ нихъ; онъ не законодатель, не практикъ. Важно указаніе новыхъ точекъ зрѣнія на дѣйствительные факты; необходимый результатъ успѣшнаго публицистическаго труда другой: вѣрное освѣщеніе того уголка или отдѣла общественной жизни, на который устремлены х—лучи изслѣдователя-публициста.

Самые лучи и красота ихъ не видны—это рѣдкая счастливая случайность въ публицистикѣ: эта дорогая особенность, эта красота—спутница художественнаго творчества, душа поэтическихъ произведеній, но за то освѣщеніе ядра жизни публицистикой серьезнаго характера представляетъ его вниманію читателя въ дѣйствительныхъ контурахъ и отбѣнкахъ; поднимаемые ею вопросы и проектируемыя рѣшенія носятъ характеръ неотложности и практической важности. Эти

дорогія въ своей необходимости свойства публицистическихъ произведеній являются основными по своему значенію, наличность ихъ опредѣляетъ достоинство и пользу работы, интересъ, ею представляемый.

Съ этой точки зрѣнія занялся я изслѣдованіемъ вопроса объ отношеніи суда къ расколо-сектантству, причемъ мнѣ неизбежно пришлось касаться ряда вопросовъ, въ томъ или другомъ отношеніи пограничныхъ. Центромъ изслѣдованія представляется однако юридическая сторона этой вѣковой тяжбы, чтобы не сказать распри.

Глубоки и грозны русскіе овраги: расколовшись не на двѣ, а на десятки и сотни частей, все дальше расходятся, отдѣлившись другъ отъ друга, холмистые участки русскаго православнаго плоскогорія, все стремительнѣе низвергаются въ темную глубину весенняя вода, роетъ и подрываетъ дно и растутъ овраги и въ глубь и въ ширину и въ длину. Не соединить разошедшихся краевъ, не засыпать глубины, да и бесплодна была бы эта работа тамъ, гдѣ по массѣ условій неминуче было оврагу прорваться, но можно умѣлымъ уходомъ овладѣть весенними потоками, направить ихъ такъ, чтобы они не бороздили и не портили кормилицу землю, для этого необходимъ стоевъ этимъ порывистымъ ручейкамъ, грозящимъ и на плоской, повидимому, поверхности превратиться въ горные потоки, все губящіе и уносящіе на своемъ пути.

Если моя работа поможетъ дѣлу хотя бы только въ томъ смыслѣ, что установится надлежащая, какъ я ее понимаю, точка зрѣнія на наблюдаемое нынѣ все большее и большее усиленіе этого раскалыванія русской земли въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ, то главная цѣль моя будетъ достигнута.

Возможенъ однако и меньшій, за то легче достижимый результатъ.

Такъ какъ главное вниманіе обращено мною на юридическую дѣятельность по расколо-сектантскимъ дѣламъ, соотвѣтственно чему собранъ и рассмотрѣнъ значительный матеріалъ изъ области законодательства и судебной практики, то можетъ быть трудъ мой окажется полезнымъ судебнымъ

дѣателямъ въ ихъ затруднительномъ нынѣ по дѣламъ раскольниковъ-септантовъ положеніи; но для достиженія этого результата предлагаемою книгою необходимо и со стороны этихъ дѣателей снисходительно—внимательное отношеніе къ моей небольшой работѣ, которая именно въ этихъ видахъ, для провѣрки того, насколько сочувственно къ ней отнесутся юристы, и была помѣщена первоначально въ журналѣ „Вѣстникъ Права“—въ видѣ ряда статей въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1901 года.

Приемъ, сдѣланный этимъ статьямъ, даетъ мнѣ смѣлость выпустить мой трудъ отдѣльной книгой.

Авторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія условія борьбы государства и церкви съ раскольниками и сектантами.

Юристу — какъ теоретику, такъ и практику — въ его охранительной дѣятельности естественно прежде всего быть осторожнымъ какъ въ заключеніяхъ своихъ вообще, такъ и въ частности—въ толкованіи, въ примѣненіи или при созданіи закона; но рядомъ съ этимъ неизбѣженъ и рискъ: по поводу разнообразныхъ оберегаемыхъ ими благъ, юристамъ приходится, по необходимости, вѣдать столь многое въ современной усложнившейся до крайности жизни, что имъ самимъ, оберегая другихъ, въ пору своевременно защищаться отъ ряда профессиональныхъ опасностей.

Въ виду совершенной неизбѣжности вторженія въ области, чуждыя юристу, онъ прежде всего рискуетъ впасть въ поверхностность и въ теоріи, и на практикѣ.

Можно основательно познакомиться съ новымъ чуждымъ вопросомъ и, всетаки, не быть въ состояніи правильно помѣстить добытое рѣшеніе въ ряду другихъ истинъ науки или жизни,—правильно—съ высшей, чуждой и потому непривычной точки зрѣнія.

Между тѣмъ рѣшеніе, напримѣръ, сектантскаго вопроса, въ смыслѣ того или другого отношенія къ нему суда, необходимо требуетъ въ то же время оцѣнки и провѣрки рѣше-

нія этого съ точки зрѣнія общегосударственной и спеціально-церковной.

Говорить о вопросахъ государственнаго права и стать на эту точку зрѣнія, сродниться съ вопросами богословія настолько, чтобы ясно представить себѣ и другимъ дѣло подъ этимъ угломъ зрѣнія, нельзя безъ предварительной сложной разработки историческаго и современно-бытоваго матеріала; однако принциповъ, руководящихъ началъ для работы и дѣятельности въ чуждой сферѣ такая подготовка, самая даже добросовѣстная, но всетаки подготовка *ad hoc*,—дать не можетъ; неизбѣжно, необходимо позаимствованіе такихъ, хотя бы публицистическихъ, а по возможности и научныхъ *вѣтъ* у спеціалистовъ государственнаго и церковнаго права, у историковъ и богослововъ.

Намѣтивъ такими *вѣтами* предполагаемый путь, остается на ходу править по нимъ къ будущимъ юридическимъ выводамъ изслѣдованія, соображая насколько курсъ согласенъ съ основными, вошедшими въ плоть и кровь изслѣдователя, принципами судебного права.

Итакъ руководяція начала государственнаго права и богословія должны явиться большими посылками силлогизма, а затѣмъ въ большинствѣ случаевъ удастся и не спеціалисту скомбинировать фактической матеріалъ и сдѣлать первые гипотетическіе выводы; если и придется, можетъ быть, на ходу нѣсколько перестраивать эти лѣса, то всетаки они же помогутъ справиться неспеціалисту по вопросу даже очень спеціальному—по сектантству, на примѣръ, и дадутъ возможность не заблудиться и выйти на вѣрный путь.

Такъ я и поступлю.

Освѣтивъ для начала собранный мною какъ литературный, такъ и бытовой матеріалъ такимъ чужимъ, но усвоеннымъ мною, огнемъ, я дальше уже позволю себѣ включить въ общую схему и спеціально юридическій матеріалъ съ соотвѣтствующими частными выводами; затѣмъ уже увѣренно можетъ быть установлена точка зрѣнія дѣятеля судебного права на этотъ гордіевъ узелъ. Въ самомъ дѣлѣ, права отдѣльной личности сталкиваются здѣсь съ государствомъ какъ

организмомъ; отношенія государства къ церкви загромождаютъ все поле зрѣнія и всетаки гдѣ то внизу подъ этой ледяной, игнорирующей личность, громадой, какъ подъ глетчеромъ, роется и неудержимо пробивается къ свѣту живая струйка стихійно свободной личной совѣсти, бѣгущей съ горы въ долину къ людямъ, на встрѣчу веснѣ.

Юристу говорятъ кратко: стань на встрѣчу со всѣмъ арсеналомъ и добейся того, чтобы это незаконное стремленіе остановилось, чтобы чистая горная вода не смѣшалась съ грязью долины, предупреди движеніе лавины: въ горахъ своя жизнь, своя весна.

Юристу не только позволительно, ему необходимо сперва оглядѣться и рѣшить, не грозитъ ли ему бесплодная работа Сизифа и вправѣ ли онъ предъ лицомъ своей богини отдаться требуемой работѣ. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ содѣйствіе даже небольшой, но во время и добросовѣстно приложенной силы—цѣнно и необходимо; это даетъ мнѣ рѣшимость писать, ибо таково въ настоящее время положеніе сектантскаго вопроса: важность его громадна, значеніе при нынѣшней постановкѣ дѣла государственное; въ частности для юриста, какъ выяснится ниже, отношеніе суда къ сектантству является вопросомъ не только серьезнымъ и неотложнымъ, но вопросомъ, касающимся профессиональной, юридической этики.

Разумѣется само собой, что экскурсіи въ чуждую область должны быть по возможности ограничены.

Въ виду этого я, напримѣръ, совсѣмъ не коснусь общаго вопроса о свободѣ совѣсти, о свободѣ исповѣданія вѣры съ точки зрѣнія правъ личности; со стороны же общественной укажу только на слѣдующія безспорныя юридическія положенія ограничительнаго характера: во имя свободы исповѣданія вѣры никто не вправѣ считать себя свободнымъ отъ повиновенія законамъ даннаго государства, не вправѣ нарушать чьи либо законные интересы; съ другой стороны, *въ правовомъ государствѣ* столь же несомнѣнно право личности избирать или не избирать какую либо вѣру, переходить изъ одной въ другую и совершать по правиламъ своей вѣры до-

машнее богослужение. Всякія дальнѣйшія ограниченія въ этой сферѣ уже явятся посягательствомъ на свободу совѣсти личности, такъ какъ въ защиту такихъ ограниченій не можетъ быть выставленъ какой либо публичный интересъ.

Чрезвычайно благоприятна для моей задачи возможность воспользоваться рядомъ готовыхъ юридическихъ выводовъ по русскому праву, которые въ большинствѣ мною вполне раздѣляются; выводы эти изложены и доказаны въ статьѣ М. А. Рейснера (Вѣстникъ Права №№ 4, 5, 8 и 10 за 1900 годъ) „Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону“.

Въ обстоятельной работѣ г. Рейснера установлены основныя положенія русскаго права по слѣдующимъ вопросамъ: Вѣротерпимость и національный принципъ по дѣйствующему праву, религіозная полиція, вѣроисповѣдное прикрѣпленіе личности и мѣры религіозной полиціи предупрежденія.

Было бы совершенно безцѣльно повторять сложную работу названнаго автора въ виду моего полного согласія съ большинствомъ его положеній, на которыя я поэтому просто сошлюсь въ рядѣ небольшихъ цитатъ.

„Итакъ свобода исповѣданія вѣры по нашему праву сводится къ нѣкоторой религіозной самостоятельности, терпимыхъ въ Имперіи, находящихся подъ управленіемъ государства, духовныхъ обществъ, отсюда же и три основныхъ понятія, входящихъ въ составъ нашего закона о свободѣ вѣры: понятія терпимости, религіозной самостоятельности обществъ и государственнаго ихъ управленія“.

Находя далѣе, что въ законѣ носителями терпимыхъ религій неоднократно указываются племена и народы, а не церкви и секты, въ особенности въ узаконеніяхъ объ иноподданыхъ, гдѣ зачастую даже не дѣлается ближайшаго опредѣленія религіи, а предоставлено „отправлять богослужение по ихъ обрядамъ и обычаямъ“, уважаемый авторъ заключаетъ ¹⁾, „что именно отдѣльнымъ племеннымъ національ-

---

¹⁾ Мораль, право и религія, М. А. Рейснеръ, Вѣсти. Права, апрѣль 1900 г. стр. 3 и 5.

нымъ единицамъ законъ присволяетъ вѣротерпимость, а не религіознымъ общинамъ и союзамъ“.

Относительно раскола же, такимъ образомъ, ясно, что „терпимость его должно считать единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила не религіозной или правовой, а чисто національной терпимости“, „но, прибавляетъ авторъ ¹⁾, „эта терпимость еще очень недавняго происхожденія“; затѣмъ онъ справедливо отмѣчаетъ, что „на расколъ постепенно распространяется дѣйствіе 203 ст. улож. о нак. (о запрещенныхъ сектахъ), въ силу чего расколъ обыкновенно признается въ порядкѣ управленія (все чаще) соединеннымъ съ противонаправственными и гнусными дѣйствіями, становится въ глазахъ администраціи все болѣе вреднымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ и все болѣе прекарное положеніе“.

Всѣ привилегированныя исповѣданія состоятъ въ полномъ подчиненіи у государства; и въ этомъ отношеніи между ними и господствующей церковью никакой существенной разницы нѣтъ ²⁾. Отсюда вытекаетъ наблюденіе государства даже за внутреннимъ строемъ не только православной церкви, но также иностранныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, отчего „въ такомъ вѣншнемъ религіозномъ союзѣ ³⁾ духовная дисциплина неминуемо принимаетъ характеръ также вѣншной и формалистической . . . Само исповѣданіе вѣры становится актомъ безотносительнымъ для внутренняго настроенія вѣрующаго . . . Государство ⁴⁾ своимъ вторженіемъ вноситъ разложеніе въ самую святая святыхъ церковной жизни, такъ какъ, устраняя изъ отношеній къ духовной власти и подчиненія ей элементъ добровольности, искренности и правдивости, убиваетъ всякую внутреннюю нравственную крѣпость союза пастыря и пасомага и замѣняетъ ее только вѣншнимъ и подчасъ лицемернымъ послушаніемъ“ ⁵⁾.

---

¹⁾ Ibid. 5, 6.

²⁾ Ibid. 10.

³⁾ Ibid. 11.

⁴⁾ Ibid. 12.

⁵⁾ Ibid. 12.

Все это справедливо въ равной степени и о нехристiанскихъ группахъ, главою которыхъ въ качествѣ наблюдающаго органа является Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Владѣя такимъ образомъ какъ своею, такъ и иностранною церквями, свѣтскій законъ, въ виду того, что русскій монархъ „ярко христiанскій Государь есть хранитель догматовъ и благочинiя господствующей православной церкви“, устанавливаетъ право пропаганды своей религiи только за православiемъ и специально возлагаетъ на полицию обязанность оказывать православнымъ миссiонерамъ „во время проповѣди всякое вспомошествованiе“ ¹⁾.

Сопоставляя выясненные выше принципы національной религiи съ этой привилегiею пропаганды, М. А. Рейснеръ на основанiи ряда данныхъ заключаетъ, что здѣсь мотивъ религiозный уступаетъ мотиву національному, что законъ смѣшиваетъ здѣсь проповѣдь православiя съ обрусенiемъ ²⁾: Рѣзкимъ доказательствомъ этого и является отношенiе нашего права къ русскому расколу и русскимъ раскольникамъ. Дѣйствительно, расколъ по своему безправiю поставленъ безконечно ниже не только иностранныхъ исповѣданiй, но даже язычниковъ, между тѣмъ съ православной богословской точки зрѣнiя, установившей, на примѣръ, единовѣрiе, расколъ, разумѣется, выше инославныхъ вѣроисповѣданiй, не говоря уже объ язычествѣ. Ясно, что подобное отношенiе къ расколу можетъ быть объяснено только съ націоналистической точки зрѣнiя. „Расколъ отрицаетъ русское народное значенiе за официально признанной государственной вѣрой и, смѣшивая самъ религiю и народность, является соперникомъ господствующей вѣры именно въ качествѣ національнаго истинно русскаго древняго благочестiя“ ³⁾.

Итакъ русская вѣротерпимость не поконится на принципѣ терпимости правовой, она есть терпимость національная.

„Наше право замыкаетъ всѣ духовныя общества въ узко-

---

¹⁾ Ст. 4 уст. дух. дѣлъ иностр. испов.

²⁾ Ib. 43 и 41.

³⁾ Ib. 46.

національные предѣлы, ставить надъ всѣми этими національными союзами право прозелитизма господствующей церкви, которая, не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ національной окраски и находясь въ полномъ подчиненіи государству, сама становится только орудіемъ въ рукахъ государственной политики, а именно орудіемъ ея націоналистическихъ стремленій“¹⁾.

Говоря о религіозной полиціи и вѣроисповѣдномъ прирѣзленіи личности, М. А. Рейснеръ²⁾ справедливо замѣчаетъ, „что общественная безопасность требуетъ подчасъ весьма серіозныхъ ограниченій личной свободы и дѣятельности, и что если единство вѣры и есть конечная цѣль русскаго религіозно-политическаго законодательства, то орудіемъ для достиженія этихъ цѣлей „являются не средства духовно-нравственной пропаганды, сравнительно очень немногія, не приемы культурной политики, а мѣропріятія внѣшнія, чисто полицейскія, мѣры надзора, административныхъ разрѣшеній, мѣры чисто принудительныя, даже репрессивныя и карательныя“³⁾. Таковой порядокъ однако не устраняетъ опасности со стороны отдѣльной вѣрующей личности; правда, законъ нашъ предполагаетъ, что у насъ вѣруетъ не личность, а то или другое національно-духовное цѣлое: народъ, нація, племя, но на самомъ то дѣлѣ религія всетаки остается религіей и единственнымъ ея вмѣстилищемъ является въ дѣйствительности не нація, а отдѣльное человѣческое сердце. И, какъ ни принимаетъ отдѣльный религіозный догматъ подчасъ національную окраску или племенной характеръ, все же въ основѣ ея (религіи) лежитъ личное стремленіе къ высшей абсолютной истинѣ, не знающей ни эллина, ни іудея, а поддерживаетъ (ее) вѣчная жажда и алканіе правды, неустанное исканіе тѣсныхъ вратъ личнаго спасенія... И мало этого: не смотря на всю предусмотрительность, съ которой у насъ отдѣльныя духовныя власти замкнуты въ узкія сферы поднад-

---

¹⁾ Ib. 48.

²⁾ В. Пр. окт. 1900 г.

³⁾ Ib. 1 и 7.

зорнаго служенія, такъ что, казалось бы, ничто не проникаетъ въ души вѣрующихъ помимо оффиціально одобреннаго религіознаго источника, всетаки слишкомъ много остается еще путей, гдѣ будятъ уснувшую совѣсть совершенно непредусмотрѣнныя вліянія и . . . то порождаютъ въ ней тяжкія потрясенія душевнаго разлада, то зажигаютъ сердца пожаромъ „вреднаго религіознаго энтузіазма“ ¹⁾).

Навстрѣчу этой опасности законъ выдвигаетъ категорическое запрещеніе отступитъ отъ православной вѣры „и принять иную вѣру, хотя бы христіанскую“; отпадшіе представляютъ собой, такъ сказать, грѣшниковъ православной церкви „впредь до возвращенія ихъ въ православіе“. Поэтому и въ расколѣ оффиціально значатся не тѣ, что исповѣдуютъ расколъ, и даже не тѣ, которые родились отъ отца и матери, исповѣдующихъ его, а только тѣ, которые по словамъ закона, 19 апрѣля 1874 г. (ст. 9) принадлежатъ къ расколу отъ рожденія, т. е. произошли отъ родителей, въ свое время зачисленныхъ въ раскольники; исключеніе составляютъ признанные раскольниками особо вредныхъ сеетъ, для которыхъ уже необходимъ особый порядокъ перечисленія обратно въ православіе, если они по суду были сосланы въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири и Закавказья. Результатъ всѣхъ этихъ мѣръ таковъ, что съ точки зрѣнія собственно церковной избытокъ количества такихъ православныхъ, очевидно, обратно пропорціональный качеству, едва ли выгоденъ для православія. Къ православію причисляются не только лица, дѣйствительно православныя, но также лица, исповѣдующія фактически и другія, какъ христіанскія, такъ и нехристіанскія религіи. Какъ къ господствующей церкви, такимъ образомъ, принадлежатъ къ православной вѣрѣ и отпадшіе отъ нея протестанты, католики, магометане и евреи, язычники, всевозможные еретики и раскольники. Всѣ эти лица считаются православными, хотя и отрицаютъ истину православія; все это мертвые члены церкви, которые въ дѣйствительности отъ нея отпали, но искусственно

---

¹⁾ Стр. 8 ib.

удерживаются въ организмѣ и, думаемъ, только заражаютъ его“ ¹⁾).

„Въ Россіи только два исповѣданія вполне доступны для не только фактическаго, но и юридическаго перехода къ нимъ всѣхъ остальныхъ російскихъ подданныхъ другихъ исповѣданій и это:—вѣра господствующая и вѣра особо-вредныхъ сектъ ²⁾). Справедливо добавить, что послѣдняя отрываетъ возможность перехода этого въ тѣхъ случаяхъ, когда она проявилась въ совращеніи другихъ или въ изувѣрныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ (203 ст. улож. и 79 ст. проекта новаго уложенія).

„Конечно, заключаетъ М. А. Рейснеръ, закону остается только одинъ выходъ: игнорировать постоянно то, что совершается, считать факты актами ничтожными и недѣйствительными, не смотря на ихъ реальную дѣйствительность, наконецъ, запрещать ихъ, не смотря на полную ихъ недоступность государственному воздѣйствію. Таковы послѣдствія полнаго запрета опредѣленныхъ актовъ религіознаго исповѣданія“ ³⁾).

Переходя къ мѣрамъ религіозной полиціи предупрежденія, нашъ авторъ замѣчаетъ ⁴⁾, что религіозная цензура, которая была призвана предупредить такія явленія, оказалась совершенно безсильной, какъ относительно возникновенія септантскаго движенія вообще, такъ и „появленія особой подпольной религіозной и духовной литературы, которая хранится отъ глазъ полицейскаго обыска со всѣмъ религіознымъ пыломъ различныхъ неофітовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что открытое и свободное столкновеніе съ ересью не только сняло бы съ послѣдняго ореолъ мученичества, но гораздо скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ ухищренія цензурнаго устава, привело бы заблудшихся къ истинѣ“ ⁵⁾ .

---

¹⁾ Ib. 29.

²⁾ 31 ib.

³⁾ Ib. 38.

⁴⁾ Ib. 32.

⁵⁾ Ib. 38.

„И, дѣйствительно, свободная церковь правового государства развивает дѣятельность и энергію, которую мы не найдемъ ни въ церкви, поглощенной государствомъ, ни тѣмъ болѣе въ церковномъ государствѣ ¹⁾).

„Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, идея правового государства еще не проникла въ область церковно-политическаго законодательства, дѣло обстоитъ иначе. Дѣло прямого и свободного подъема религиозной и нравственной жизни здѣсь не находятъ ни достаточнаго числа надлежащимъ образомъ подготовленныхъ свѣтскихъ дѣятелей, ни арены для самостоятельнаго и свѣтлаго служенія. Церковь загромождена оффиціально причисленными къ ней разлагающими ее элементами и ничего не можетъ съ ними подѣлать, такъ какъ она сама не свободна. Масса лицъ, фактически отпадшихъ отъ церкви, живутъ безъ крещенія, причастія и какой бы то ни было нравственной организаціи. Еретикъ и схизматикъ возстаютъ противъ самого государства, такъ какъ на практикѣ политическое начало смѣшалось съ церковнымъ, и, не будучи въ состояніи отличить одно отъ другого, они bona fide принимаютъ государство за церковь и возстаютъ противъ перваго, отрицая второе“ ²⁾).

„Даруя же всеобщую свободу исповѣданія, государство достигнетъ также не только политическихъ, но и глубоко нравственныхъ цѣлей. Оно здѣсь, прежде всего, конечно, спасаетъ себя и свой принципъ отъ громадной опасности. Оно знаетъ, что, смѣшивая религію и государственный принципъ, оно тѣмъ самымъ осуждаетъ себя на политическія осложненія, каждый разъ, какъ возникнутъ религиозные споры или сомнѣнія. Каждый еретикъ, отрицая истину государственной церкви, невольно будетъ отрицать и само государство. Гдѣ церковь и государство слиты, тамъ невольно и неизбѣжно рождается мысль, что не церковь, а государство проповѣдуетъ и защищаетъ данную истину, а слѣдовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое

---

¹⁾ Ib. стр. 1.

²⁾ Ib 4.

ее проповѣдуетъ. Здѣсь церковь, какъ бы, скрывается за государство, и въ глазахъ еретика не церковь обазывается заблуждающеюся и неправой, а само государство. Трудно предвидѣть тѣ страшныя опасности, которыми грозить государственному строю подобное положеніе дѣль. Основы государственной жизни должны стоять внѣ щекошливой сферы религіозныхъ убѣжденій и не долѣжны компрометировать свою устойчивость зависимостью отъ тѣхъ или иныхъ вѣрованій и мнѣній. Государство должно стоять выше среды богословскихъ смуть и церковныхъ раздоровъ¹⁾.

Приведенныя выписки легко могутъ оставить впечатлѣніе теоретическихъ утопій, разграниченій и страховъ, преувеличеній, *bona fide* родившихся подъ перомъ государственника; но такое впечатлѣніе было бы большою ошибкою. Въ русское общество такъ мало проникаютъ свѣдѣнія о расколѣ, что даже юристы иной разъ съ недоумѣніемъ спрашиваютъ себя и другихъ, существуетъ ли дѣйствительно, напр., грозная штунда, да и что она такое? можетъ ли быть, что цифра раскольниковъ-сектантовъ давно перешла число десяти, если не пятнадцати милліоновъ?

Между тѣмъ, не всегда дѣло стояло такимъ образомъ: въ шестидесятыхъ годахъ, въ пору общаго оживленія общественныхъ интересовъ въ связи съ реформами, въ которыхъ московскимъ старообрядцамъ „слышалась ихъ старина“, литература о расколѣ занимала крупное мѣсто, захвативъ затѣмъ и семидесятые года.

Въ журналахъ „Дѣло“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Невскомъ Сборникѣ“, помѣщались статьи Щапова, Вишнякова, Костомарова, Аристова („Время“ 1862 г.), Фармаковского, Максимова и др., а рядомъ съ этимъ появлялись монографіи о расколѣ Нильскаго, Мельникова, Солнцева и др. Въ 1863 г. является капиталный трудъ Н. Варядинова: „Исторія распоряженій по расколу“ въ видѣ отдѣла исторіи М. В. Д., а въ 1875 году Министерство Внутреннихъ Дѣль печатаетъ Собранія постановленій по части рас-

---

¹⁾ Ib. 3.

кола, съ 1734 года, большая часть которыхъ не вошла ни въ Сводъ законовъ, ни въ полное собраніе. Еще въ 1881 г. книгу „Русскіе диссиденты, старовѣры и духовные христіане“, І. Юзовъ начинаетъ словами Гавстгаузена по поводу раскола „Россія должна бы взглянуть на это дѣло очень серьезно, она не воображаетъ, какія опасности грозятъ ей съ этой стороны“, и заканчиваетъ книгу упрекомъ, обращеннымъ къ изслѣдователю Емельянову, утверждавшему въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№№ 3 и 5 1878 г. въ статьѣ „Рационализмъ на югѣ Россіи“), что штунда будто бы возникла на остаткахъ прежнихъ ученій хлыстовъ, скопцовъ. При этомъ І. Юзовъ весьма основательно замѣчаетъ, что „появленіе штундизма легко могли приготовить такіа секты, какъ молокане, духовборцы и, наконецъ, крайняя секта старовѣрія—немолявы, о которыхъ есть свѣдѣнія, что они были въ Одессѣ уже въ 1845 г.“.

Въ этой полемикѣ важно отмѣтить совершенно забытый въ текущей литературѣ о сектантствѣ, но крайне важный съ государственной точки зрѣнія, фактъ, что старовѣріе,—какъ это блестяще доказываетъ книга Юзова (стр. 74—91) въ періодъ существованія немоляковъ рѣшительно вступило на путь рационализма, а слѣдовательно, находится въ родствѣ съ нынѣшней, а тѣмъ болѣе прежней штундой. Неудивительно, что въ той же полемикѣ, гдѣ въ Юзовѣ чувствуется человѣкъ шестидесятихъ годовъ, звучитъ очень опредѣленно нота сочувствія къ штундистамъ.

„Вражда и презрѣніе, которыя возбудили противъ себя хлыстовщина и скопчество во всемъ народонаселеніи, не могутъ не отразиться, говоритъ Юзовъ (стр. 180), на штундизмѣ, если народъ будетъ смѣшивать эти секты. Г. Емельяновъ безсознательно дѣйствуетъ въ руку тѣхъ, которые сознательно стремятся объединить штундизмъ съ хлыстовщиной. Очень можетъ быть, что большая доля вражды и недовѣрія православныхъ къ штундистамъ должна быть отнесена на счетъ этого недоразумѣнія“.

Несомнѣнная симпатія къ штундизму, какъ рационалистической сектѣ, звучитъ въ этихъ словахъ, хотя, по мнѣнію

Юзова, штундизмъ представляетъ собою переходную ступень отъ православія къ молоконамъ, духоборцамъ, немоякамъ, которые „больше рационалисты, нежели сами штундисты“¹⁾.

Рационалистическая штунда не явилась, какъ показали послѣднія дватцать лѣтъ, переходной ступеню отъ молоканъ и другихъ къ православію, а напротивъ, увлекла „русскихъ рационалистовъ далеко въ сторону отъ всякой вѣры, порою въ крайній мистицизмъ, какъ напр. во вновь народившейся вѣтви штунды Малеванщинѣ. Съ хлыстами и свопцами штунду не смѣшали и не смѣшиваютъ, и литературѣ не пришлось пока²⁾, какъ совѣтовалъ Юзовъ, „выяснять это недоразумѣніе“. Да не пришлось ей и вообще долго заниматься штундизмомъ;— потому ли это случилось, что общественное вниманіе обратилось въ другую сторону, или по другимъ болѣе домашнимъ причинамъ, но только постепенно въ послѣдующія дватцать лѣтъ все рѣже проникають въ печать хвалебные отзывы о жизни штундистовъ, о высокомъ значеніи „рационалистической секты“. Большое развитіе получаетъ антисектантская литература, руководимая преимущественно духовными лицами и такъ какъ спеціально духовныя изданія читаются у насъ мало, то общественное вниманіе, дѣйствительно, уже по незнакомству съ новѣйшимъ сектантствомъ, не направляется въ ту сторону, откуда, по Гакстгаузену, грозитъ опасность.

За то все горячѣе указываетъ на эту опасность спеціальная литература; появляется рядъ монографій и брошюръ, общій характеръ большинства которыхъ полемическій на догматической почвѣ;—есть рядъ капитальныхъ сочиненій и объективнаго характера, напримѣръ „Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ“ 1886 года А. Ушинскаго и „Южно-русскій штундизмъ“ священника Рождественскаго, 1889 года, затѣмъ въ 1898 г. появляется большой трудъ П. П. Оболенскаго „Критическій разборъ вѣроисповѣдованія русскихъ сектантовъ рационалистовъ духоборцевъ, молоканъ и штунди-

---

¹⁾ Рационализмъ на югѣ, стр. 179.

²⁾ Есть попытка основать въ литературѣ штундо-хлыстовъ, (Мис. Обзор. іюнь 1901 г. стр. 855), но слабо обоснованная. Объ этомъ рѣчь впереди.

стовъ“. Уже болѣе одностороннимъ по направленію является „Краткій очеркъ штундизма“ священника Стрѣльбицкаго, изданный въ 1899 году. Въ томъ же году обращаетъ на себя вниманіе „Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ ересей“ священника-миссіонера Н. Кутепова; вообще замѣчается преобладаніе основательныхъ историческихъ работъ, среди которыхъ выдѣляется такая монографія какъ „Расколъ на Дону“ г. Дружинина. Есть очень интересное психологическое изслѣдованіе профессора Сикорскаго „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя)“; почтенный профессоръ сдѣлалъ, если не ошибаюсь, первый опытъ подойти съ научной стороны къ ряду психопатическихъ явленій, переходящихъ, напримѣръ, въ Малеванщинѣ, въ эпидемическія формы помѣшательства на почвѣ раскола и сектантства; здѣсь обслѣдованъ на мѣстѣ и анализированъ случай самозарытія старообрядческой семьи Ковалевыхъ съ цѣлымъ рядомъ обитателей Терновскаго сята зимою 1896 года. Строго объективное изложеніе ужасныхъ фактовъ, напоминающихъ ¹⁾ коллективное самоубійство двухъ семействъ, состоящихъ изъ 36 душъ—1827 году въ селѣ Копѣнахъ Саратовской губерніи (Иванъ Юшкинъ и другіе Спасова согласія), приводитъ въ концѣ концовъ проф. Сикорскаго къ слѣдующимъ наставительнымъ строкамъ: „никогда печальное состояніе раскола не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ. Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ братскихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними. Каковы бы ни были понятія о расколѣ съ догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что всѣ держащіеся старой вѣры—дѣти того же добраго русскаго народа, что они строго хранятъ въ себѣ всѣ его народныя

---

¹⁾ Н. Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 221 в. VIII.

черты и остаются вѣрными народному духу даже за предѣлами отечества.

Въ виду этого истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) является самымъ настоятельнымъ и самымъ неоплатнымъ долгомъ церкви и государства¹⁾.

Въ новѣйшихъ брошюрахъ замѣчается, какъ я упоминалъ выше, въ связи съ общимъ характеромъ современной литературы послѣдняго десятилѣтія, строгое отношеніе къ сектантству, въ особенности къ штундизму; таковы брошюры „О штундѣ и протестантствѣ“ г. С.П. 1891 года, „О современномъ русскомъ сектантствѣ протестантскаго характера“ Дмитрія Скворцова 1899 г. и „О штундизмѣ и мѣрахъ борьбы съ сектою“ В. М. Скворцова 1894 г.

Совсѣмъ другую картину представляетъ журнальная литература, въ которой стоитъ особнякомъ въ періодической литературѣ, въ смыслѣ систематическаго противоудѣйствія штундизму—спеціальный ежемѣсячный журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“, редакторомъ-издателемъ котораго состоитъ чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода В. М. Скворцовъ. Другіе журналы, напримѣръ „Вѣстникъ Европы“ во внутреннемъ обозрѣніи (январь 1895 г.), обсуждающіе съ законодательной точки зрѣнія „законъ 1894 г.“, противъ штунды и „Вѣстникъ Права“ (апрѣль—май 1891 г.) въ статьѣ „Бракъ раскольниковъ по закону 19 апрѣля 1874 г.“—подходятъ къ вопросу о штундѣ съ юридической стороны вполне безпристрастно; въ особенности нужно также отозваться о статьѣ „Къ вопросу о южномъ сектантствѣ“ Z. Z. въ журналѣ Странникъ (№ 5 за 1888 г.), написанной, судя по содержанію, священникомъ; здѣсь не отрицается по вопросу о возникновеніи штундизма важность вопросовъ о томъ, *къмъ и какъ* ²⁾ удовлетворялись и должны были быть удовлетворены законныя духовныя потребности народа. Въ 1897 г. (январь „Новое Слово“) появляется статья В. Бородаевской-Ясевичъ „Очеркъ изъ исторіи сектантскаго движенія

---

¹⁾ Эпид. вольт. смерти, 1897 г. пр. И. А. Сикорскаго, стр. 99.

²⁾ Курсивъ автора.

въ Еватеринославской губерніи“; здѣсь чувствуется свѣжая струя въ томъ смыслѣ, что авторъ, по собственному побужденію, на мѣстахъ знакомится съ сектантствомъ (баптизмомъ и штундой); это обстоятельство позволяетъ надѣяться, что на этомъ пути и далѣе будутъ являться факты, которые въ случаѣ надобности могли бы служить коррективомъ всегда возможныхъ увлеченій въ литературѣ борящейся, антисектантской стороны, въ литературѣ миссіонерской. Наконецъ, необходимо указать на богатый матеріалъ для изученія сектантскаго движенія, заключающійся въ сборникѣ, изданномъ въ 1898 г. въ Кіевѣ В. М. Скворцовымъ подъ заглавіемъ „Дѣянія 3-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Казани по вопросамъ внутренней миссіи и расколосектантства, съ приложеніями: постановленій 2-го миссіонерскаго съѣзда въ Москвѣ, правилъ о миссіи, мнѣнія комитета министровъ о штундѣ и кассационнаго рѣшенія Сената о запрещенныхъ сектантскихъ собраніяхъ“.

Въ заключеніе этого отдѣла для иллюстрированія серьезности нынѣшняго положенія и для ближайшаго выясненія состоянія раскола и сектантства, охватившихъ центръ Россіи со всѣхъ сторонъ—съ запада, съ сѣвера и особенно съ востока и юга, причемъ быстро поглощающій остальные секты штундизмъ добрался уже до Орловской губерніи, я позволю себѣ привести выдержки и дать въ видѣ извлеченій рядъ новѣйшихъ фактовъ изъ Миссіонерскаго Обзорнія за 1900 г. (февраль и ноябрь). Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе статья „Мое путешествіе на Уралъ и Уральскіе сектанты“ „еговисты“ извѣстнаго знатока раскола Н. И. Ивановскаго ¹⁾, котораго я лично зналъ въ Казани въ качествѣ эксперта по расколовѣдѣнію еще четверть вѣка тому назадъ; строгая объективность Н. И., также какъ и компетентность его, теоретическая и практическая, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Вотъ что онъ рассказываетъ: въ іюнѣ 1899 г. ему пришлось явиться въ засѣданіе Троицкаго окружнаго суда въ г. Челябинскѣ въ качествѣ эксперта по

---

¹⁾ Миссіонерское Обзорніе, февраль, стр. 264.

дѣлу о казакахъ Новокрещеновъ; по пути въ Самарѣ ему пришлось наблюдать, съ какой энергіей и удачей дѣйствовалъ „бѣгунскій наставникъ“ Савва Анисимовъ для возвращенія одной дѣвушки Елизаветы въ лоно бѣгунства; здѣсь интересно тяготѣніе къ православному вѣнчанію со стороны только что вышедшихъ изъ *бѣгунства* „жиловыхъ бѣгуновъ“, причемъ эти отступники стараются однако, сдѣлать это безъ исповѣди и причастія; особенно послѣднее считается ими за осверженіе; въ данномъ случаѣ мать Елизаветы, содѣйствуя Саввѣ Анисимову и желая удержать дочь въ бѣгунствѣ устраненіемъ соблазнявшаго ее вѣнчанія, запретила ей исповѣдываться и причаститься, и Елизаветѣ пришлось остаться въ дѣвушкахъ, такъ какъ „сводныхъ браковъ“, по благословенію родителей жилые бѣгуны совсѣмъ не признаютъ. Вотъ, далѣе, краткое спокойное изложеніе Н. И. Ивановскимъ дѣла о казакахъ Новокрещеновъ: „обвинялся казакъ Новокрещеновъ въ распространеніи секты, которая по всѣмъ признакамъ есть младоштундизмъ, т. е. штундизмъ, отрѣщенный отъ баптизма. Обвиненіе было предъявлено по 1-й части 196 ст. улож. о наказ., т. е. за совращеніе въ секту извѣстнаго лица. Предварительное слѣдствіе было ведено вмѣстѣ съ тѣмъ и по третьей части той же статьи, т. е. за склоненіе въ секту другихъ, хотя и безъ послѣдствій совращенія.

Но судебная палата оставила послѣднее безъ уваженія и передала обвиняемаго суду только по первой части. Совращенный, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, отказался, какъ и можно было ожидать, отъ того, что былъ совращенъ подсудимымъ, хотя и не отрицалъ, что онъ сектантъ. Черезъ другихъ свидѣтелей подтвердить обвиненіе оказалось невозможнымъ, и подсудимый признанъ невиновнымъ. Между тѣмъ, сколько можно судить, по нѣкоторымъ показаніямъ, пропаганда штундизма не дремлетъ и имѣетъ успѣхи въ прилегающихъ къ Челябинску деревняхъ“¹⁾).

Чувствуется глубокое огорченіе неудачей обвиненія въ пропагандѣ штундизма, о которомъ немного ниже авторъ го-

---

¹⁾ I. с. 268.

ворить: что независимо отъ раскола, Зауралю начинаетъ угрожать новый болѣе страшный врагъ—штунда и другія секты; но тутъ же, говори о томъ, что для борьбы съ расколомъ требуется отчетливое знаніе старопечатныхъ книгъ, профессоръ прибавляетъ, что для борьбы со штундою требуется такое же знаніе библіи, „при этомъ и самые вопросы, говоритъ онъ, совершенно иного рода, требующіе общаго богословскаго образованія, которое, правда, и въ первомъ случаѣ нелишне; очень вѣроятно, что именно это общее богословское образованіе, которымъ владѣетъ Н. И., дѣлаетъ то, что онъ не только не призываетъ „судебныхъ скорпіоновъ“ по поводу рассказаннаго процесса, но даже не вспоминаетъ о нихъ какъ о средствѣ борьбы. Мы увидимъ далѣе, что далеко не всѣ изслѣдователи такъ достойно и безпристрастно касаются судебной дѣятельности: все сказалъ Н. И., не пропустилъ, что палата прекратила обвиненіе по 3-й части 196 ст., но тутъ же упомянулъ, что самый фактъ „склоненія“ оказалось невозможнымъ подтвердить, изъ чего ясно, что и палата, и судъ поступили правильно.

На обратномъ пути, по приглашеніи миссіонера Романовскаго, Н. И. заѣзжаетъ въ деревню Тагиль, гдѣ была назначена миссіонеромъ бесѣда съ представителями „секты еговистовъ или съ послѣдователями общества Деснаго братства“. „Еговисты представляютъ изъ себя, говорится далѣе, секту настолько фанатичную и вредную какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи, что на ней слѣдуетъ остановиться. Они отрицаютъ ученіе о Богѣ, какъ Духѣ, проповѣдуя, что Богъ есть такой же человѣкъ, только „мудрѣйшій изъ всѣхъ мудрецовъ“,—отвергаютъ ученіе о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, какъ едиnorodномъ Сынѣ Божиѣмъ, называя Его „распятымъ Еговою“, „человѣбогомъ“,—признаютъ Его рожденіе отъ Дѣвы естественнымъ, глумясь надъ матерью Господа. При этомъ они отрицаютъ и общественный порядокъ; „чины и красныя штаны „признаютъ“ за дурь и прелесть сатаны“, проповѣдуютъ всеобщее равенство и бредятъ о земномъ 1000 лѣтнемъ царствѣ въ Іерусалимской республикѣ, которое изображаютъ въ самыхъ яркихъ, фантастиче-

скихъ чертахъ матеріальнаго довольства и благополучія“ 1). На этомъ собесѣдованіи, назначенномъ для обсужденія вопроса о Богѣ, какъ существѣ духовномъ, во главѣ его-вистовъ явилась ихъ учительница, бойкая фанатичная его-вистка, лѣтъ тридцати, нѣкая Марья Ручьева. Она постоянно перебивала рѣчь миссіонера и доходила до явныхъ оскорбленій, требуя прочтенія и опроверженія доводовъ, представленныхъ ею въ тетрадкѣ; содержаніе послѣдней, установившее теорію человекобога, сводилось къ ряду текстовъ безъ всякой связи, массѣ историческихъ именъ, напр. упомянута Елизавета Криднеръ съ такимъ примѣчаніемъ: „русская изъ православныхъ... она въ Швейцаріи въ 1814 году накормила 10,000 человекъ одной краюшкой хлѣба“. Вообще нелѣпность содержанія тетрадки заставила миссіонера высказать, что онъ автора считаетъ больнымъ человекомъ. Когда послѣ этого Н. Ив. началъ излагать положительное ученіе о Богѣ, какъ Духѣ, то Ручьева съ единомысленниками ушла съ бесѣды; тогда Н. И. обратился къ присутствующимъ православнымъ со своимъ заключеніемъ, охарактеризовавъ секту еговистовъ какъ богохульную и безобразную, отъ которой остается только бѣжать, при этомъ онъ убѣждалъ ихъ не прельщаться пропо-вѣдуемою сектантами свободою, братствомъ, равенствомъ и полнымъ матеріальнымъ довольствомъ и благоденствіемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что упомянутыя здѣсь: свобода, братство и равенство, не имѣющія, разумѣется, ничего общаго съ завѣ-тами французской революціи, относятся къ, такъ называемому, хилиазму, тысячелѣтнему благоденствію святыхъ, о которыхъ говорится въ 4-мъ стихѣ 20 главы Апокалипсиса: „они ожили и царствовали со Христомъ тысячу лѣтъ“. Ученіе это про-никло въ христіанскую среду изъ Іудейства и связано съ ожиданіемъ вторичнаго пришествія Мессіи. „Съ тяжелымъ чувствомъ оставили мы Тагиль, это свопище всевозможныхъ сектантовъ, — продолжаетъ профессоръ 2), размышляя, чего, чего только нѣтъ на Руси святой и до какихъ уродливостей

---

1) Миссіонерское обозрѣніе 1900 г., февр. 271.

2) *Ibid.* 279.

доходить наше септанство; вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, здѣсь происходилъ *большой соборъ* ¹⁾ бѣгуновъ, на который пріѣзжалъ и главный наставникъ бѣгунства, живущій въ предѣлахъ Ярославля и очень рѣдко оставляющій *невѣдомую* ²⁾ свою резиденцію, Романъ Логиновъ, преемникъ Никиты Семенова, извѣстнаго въ исторіи бѣгунства по составленію „статей, породившихъ внутренній раздоръ и расколъ“. Не поѣхавъ на вторую бесѣду, „чтобъ не мутить болѣе свое чувство и не дожидаться чего либо еще худшаго“, Н. Ив. посоветовалъ миссіонеру Романовскому быть осторожнѣе, такъ какъ съ положительными невѣрами, притомъ фанатично настроенными, „трудно говорить о вѣрѣ“. На прощаніе Егровисты прислали профессору въ Казань посланіе, озаглавленное слѣдующимъ образомъ. „Посланіе Ёгровистовъ Его Превосходительству, Профессору, Доктору смертной заразной Богословіи, езавелевой медицины, Г. Ивановскому“. Начинается письмо словами „ну же Панъ-Шайтанъ, докторъ волшебной медицины... попробуемъ-ка выбить у тебя изъ ушей твоихъ седьмиглавыя заклепки семью ударами 100 пудовымъ молотомъ, и ты услышишь что Ёгова проповѣдуетъ миръ, свободу и благоденствіе всѣмъ народамъ“... При письмѣ приложена была особая тетрадка подъ заглавіемъ „коль въ горло, вбиваемый семью ударами 100 пудовымъ молотомъ истины“.

Интересно сопоставить съ этими изступленными людьми *адвентистовъ*, септантовъ мистиковъ, о которыхъ имѣются интересныя свѣдѣнія въ трудахъ 3-го миссіонерскаго съѣзда ³⁾. Это новое религиозное движеніе въ средѣ штундистовъ Екатеринбургской епархіи тоже характеризуется вѣрою въ скорое пришествіе Иисуса Христа и въ тысячелѣтнее царство праведныхъ. Если прибавить къ этому празднованіе Субботы вмѣсто Воскресенія, то кромѣ этихъ трехъ особенностей во всемъ остальномъ ученіе адвентистовъ представляется тождественнымъ съ ученіемъ баптистовъ, отъ которыхъ и пошло

---

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Дѣянія 3 Вс. Мис. Съѣзд. стр. 143.

это движеніе въ лицѣ баптистскаго проповѣдника Вилліама Миллера, родившагося въ 1781 году. Въ 1-й разъ идеи адвентистовъ были брошены въ среду сектантовъ дѣятельнымъ агентомъ баптистской секты Г. Перкомъ, который не такъ давно, лѣтъ 10 тому назадъ, разъѣзжалъ по югу Россіи и цѣлыми массами распространялъ листы и брошюры съ изложеніемъ своихъ идей. Постоянное напряженіе чувствъ и мыслей въ ожиданіи скорого пришествія Іисуса Христа сильно ослабляетъ жизненную энергію адвентистовъ, отражаясь рововымъ образомъ на ихъ матеріальномъ благосостояніи.

Возлѣ ободранной покосившейся хаты, близъ заброшеннаго огорода сидятъ эти фанатики, забросившіе всякую работу, въ чистыхъ бѣлыхъ сорочкахъ съ непокрытой головой; вялость движеній, медленность рѣчи и взоръ тусклыхъ безжизненныхъ, устремленныхъ въ даль глазъ говорятъ о глубокой апатіи ¹⁾). Вотъ какъ изображается далѣе первый моментъ новаго царства праведныхъ или святыхъ; это—картина страшнаго суда, показывающая, что при высокой степени наивности и невѣжествѣ, сближающихъ ихъ съ Еговистами, эти апатичные сектанты вполнѣ сознательно однако наблюдаютъ обрушающую ихъ жизнь. „Самый процессъ страшнаго суда у адвентистовъ изображается въ чертахъ чисто антропоморфическихъ, говорится въ рефератѣ ²⁾)—заимствованныхъ изъ практики судопроизводства въ окружныхъ судахъ съ предсѣдателемъ, адвокатомъ и присяжными засѣдателями“. „Кто заступаетъ мѣсто ходатая для праведниковъ?“ предлагается вопросъ. Отвѣтъ дается, на основаніи 1 Іоан. 2, 1, въ томъ смыслѣ, что ходатаемъ будетъ Іисусъ Христосъ.— „Будутъ-ли употреблены при судѣ также книги?“ Отвѣтъ, на основаніи Откр. 20, 12, дается утвердительный. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій автора оказывается, что роль присяжныхъ засѣдателей выпадетъ на долю адвентистовъ, потому что изъ всѣхъ христіанъ только они одни имѣютъ право назваться „святими, а святые, по словамъ ап. Павла (1 кор. 6, 2), будутъ судить міръ“.

---

¹⁾ ibid 151.

²⁾ ibid 145.

Въ то время, какъ во слѣдъ нашей древней сектѣ іудействующихъ появляется рядъ субботниковъ на востокѣ и на югѣ,—въ нѣдрахъ еврейской вѣры на юго-западѣ въ Кишиневѣ возникла новая секта ревизионистовъ евреевъ, тяготящихся къ христіанству; по крайней мѣрѣ, въ Миссіонерскомъ Обзорѣніи 1900 г. за февраль А. Я. Дородницынъ, называя основателемъ этой секты недавно умершаго въ Кишиневѣ адвоката Рабиновича, передаетъ о слѣдующемъ случаѣ, имѣвшемъ не такъ давно мѣсто въ Одессѣ . . . Въ многочисленномъ еврейскомъ обществѣ выступилъ ораторъ молодой еврей и произнесъ пламенную рѣчь на ту тему, что оправданіе Дрейфуса налагаетъ на евреевъ обязанность *поразмислить* въ душѣ о другомъ несправедливомъ приговорѣ, произнесенномъ 19 вѣковъ тому назадъ надъ Іисусомъ Христомъ изъ Назарета, *и пересмотрѣть его процессъ*. Хотя большинство стало въ оппозицію, но нашлись и сочувствующіе, а затѣмъ, сообщаетъ г. Дородницынъ, „идея *пересмотра* (revision) суда надъ Христомъ пріобрѣтаетъ многочисленныхъ сторонниковъ, главнымъ образомъ, въ средѣ молодыхъ людей, которые въ еврейскомъ мірѣ получили названіе ревизионистовъ“ ¹⁾. Набрасывая общую картину положенія сектантства и раскола въ Россіи, весьма важно упомянуть теперь же о томъ, что предпринятое сто лѣтъ тому назадъ воссоединеніе старообрядцевъ съ православною церковью въ томъ культѣ, который носитъ общее названіе *единовѣрія*, явилось принципиальнымъ признаніемъ со стороны православной церкви второстепенности обрядовой стороны, слишкомъ долго раздѣлявшей Русское Государство въ дѣлѣ вѣрованія. Дѣйствительно, время беретъ свое, и мы видѣли на приведенныхъ уже примѣрахъ, что постепенное вымираніе уваженія къ обрядности вообще въ человѣчествѣ, и въ Россіи въ частности, въ ученіяхъ даже крайнихъ сектъ, даже старообрядства, какъ будетъ показано ниже, обуславливаетъ нынѣ все больше и больше церковныя разногласія принципиальнымъ, а не обрядовымъ разномысліемъ.

---

¹⁾ М. Об. Февр. 334.

Если теперь возможно даже представить себѣ сближеніе христіанства съ еврействомъ, то не приходится удивляться тому, что въ разныхъ сектахъ, внутренняя догматическая организація которыхъ покоится обыкновенно только на авторитетѣ вожаковъ, все чаще и чаще намѣчаются общія у нихъ догматическія точки, и секты легко сближаются; нельзя не отмѣтить также, что въ раціоналистическихъ сектахъ, имѣющихъ въ литературѣ общее названіе „духовныхъ христіанъ“, въ отличіе отъ старообрядства (Юзовъ), главнымъ двигателемъ въ ихъ непрестанномъ поступательномъ движеніи является освободительная тенденція, свойственная раціонализму. Подъ вліяніемъ все крѣпнущей критической мысли все дальше уходятъ эти секты отъ прежнихъ обрядовыхъ споровъ въ ту область свѣтской мысли и политики, гдѣ имъ легче встрѣтиться другъ съ другомъ; вотъ тотъ законъ, въ силу котораго молоканство, духоборчество и даже мистическія секты, какъ напримѣръ хлыстовцы, мало по малу, какъ принято неправильно выражаться, завоевываются штундизмомъ; особенная сила, приписываемая штундѣ, дѣлать прозелитовъ можетъ поэтому объясняться гораздо проще безъ необходимости предполагать за ея представителями какую-то особую способность вліять на окружающее населеніе; идеи равенства, братства и свободы, почерпаемая изъ Евангелія, въ смыслѣ, напримѣръ, братства и равенства о Христѣ, легко переходятъ на практической почвѣ въ девизъ соціалистическаго характера; отрѣшеніе же отъ земныхъ благъ въ общинѣ Христовой, свободной въ духѣ по правилу „Божіе—Богови“, какъ мы видимъ, нерѣдко является почвой, на которой развивается практический или теоретическій коммунизмъ сектантовъ.

Интересно, что именно на этой почвѣ совершается постепенное сближеніе раціоналистическихъ сектъ не только между собою, но даже со старообрядствомъ въ лицѣ его крайнихъ сектъ. І. Юзовъ упоминаетъ ¹⁾, что секта бѣгуновъ, отдѣлившаяся отъ старообрядцевъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, а въ сущности представляющая собою то же старообрядство,

---

¹⁾ Русскіе диссиденты С.П.Б. 1881 г., стр. 116.

но только не осѣдлое, а самодвижущееся,—комментируя идеи своего основателя Евфимія, доходила до коммунистических утопій, сходясь въ этомъ съ вѣроученіемъ секты „общихъ“, отдѣлившись отъ молованъ. Религіозное міросозерцаніе всѣхъ рационалистическихъ сектъ неразрывно связано съ извѣстнымъ представленіемъ объ общественномъ строѣ; этотъ послѣдній основанъ на тѣхъ началахъ, которыя личными толкованіями сектантовъ выводятся изъ Евангельской заповѣди о любви и равенствѣ христіанъ между собою, и вотъ Юзовъ, цитируя статью В. Л. Фармаковского ¹⁾, повторяетъ за нимъ, что расколъ представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ федераціи политико-религіозныхъ согласій, и что несокрушимую прочность и силу раскольничьей федераціи даетъ, главнымъ образомъ, братство лицъ и общины. Мы выше видѣли организованную силу бѣгунства, и въ настоящее время собирающаго соборы тамъ, гдѣ проф. Ивановскій не безъ основанія нашелъ неудобнымъ и лишнимъ оставаться.

На почвѣ начатаго сто лѣтъ назадъ церковнаго сближенія между православіемъ и старообрядствомъ мы видимъ другую картину: торжественно привѣтствуетъ Святѣйшій Синодъ единовѣрческую церковь въ посланіи отъ 26 окт. 1900 г. по поводу столѣтняго юбилея единовѣрія: „съ величавой торжественностью“ ²⁾ отпразднованъ этотъ юбилей въ Москвѣ, въ Петербургѣ, Перми, Екатеринбургѣ, Самарѣ и т. д., но хроникеръ Миссіонерскаго Обзорѣнія, резюмируя положеніе, говоритъ: такимъ образомъ, въ существѣ дѣла—столѣтняя судьба единовѣрія страдальческая: его ненавидитъ и травитъ, старается стереть съ лица земли сильный своею сплоченностью и капиталомъ расколъ, его не любитъ, не цѣнитъ, не поддерживаетъ православный міръ, смотрящій на единовѣріе или безучастно, или безнадежно, какъ на нѣчто мертворожденное или же свысока, какъ на нѣчто низшее, переходное ³⁾.

---

¹⁾ Отечеств. записки 1866 г. за ноябрь и декабрь, стр. 641.

²⁾ Миссіон. Обзор. ноябрь 1900 г., стр. 597.

³⁾ 601, *ibid.*

Итакъ единовѣріе не нѣчто отдѣльное, оно входитъ въ составъ той же православной церкви, но колеблящихся чадъ его надо защищать отъ „злоствующаго раскола“, надо импонировать этому сильному расколу, и въ самомъ дѣлѣ справедливо отмѣтить, что духовенство, въ особенности Московское, дѣлаетъ это и дѣлаетъ весьма торжественно.

22-го октября „въ прекрасной аудиторіи“ при Сергіевской въ Рогожской церкви открылось первое собесѣдованіе со старообрядцами (всѣхъ бесѣдъ въ 1900 г. было предположено 22). Въ 12 часовъ дня послѣ литургіи въ крестномъ шествіи при колокольномъ звонѣ внесены были въ аудиторію святыя иконы ¹⁾, по совершеніи молебна съ водосвященіемъ преосвященнѣйшій Парфеній, ставъ на устланное краснымъ сукномъ и покрытое ковромъ мѣсто предъ аналоемъ, прочиталъ притчу о сѣятелѣ и далъ краткое разъясненіе. Послѣ всего всенародно было пропѣто пѣснопѣніе церковное. Собесѣдованіе открылъ О. Марковъ. Какъ обыкновенно дѣлаютъ миссіонеры, на далеко не столь торжественныхъ собесѣдованіяхъ съ сектантами, „О. Марковъ изложилъ сначала правильное, основанное на словѣ Божіемъ..... понятіе о Святой Новозавѣтной церкви христіанской православной“, затѣмъ начались пренія: „въ качествѣ возражателя вышелъ, заявившій себя въ прошломъ году внимательнымъ слушателемъ бесѣдъ, старообрядецъ П. Т. Дехтеревъ. Достойно замѣчанія, что онъ нынѣ заявилъ о себѣ, что онъ плохой старообрядецъ, а потомъ, въ порывѣ своихъ разглагольствованій, признался, что онъ старообрядчества не держится, что онъ „космополитъ“ ²⁾. Оспаривая тезисъ о единствѣ вселенской церкви, Дехтеревъ сперва настойчиво добивался отвѣта на вопросъ, принадлежать ли инославныя церковныя общества запада къ единой Соборной и Апостольской церкви, а затѣмъ перешелъ къ вопросу о томъ, что такое государственное право и входитъ ли оно въ понятіе церкви? Почему иногда духовная власть ищетъ помощи у свѣтской противъ

---

¹⁾ Миссіонерское Обозрѣніе, ноябрь 1900 г., 592 стр.

²⁾ Ibid. 594.

раскольниковъ и сектантовъ, почему только церковнымъ мечомъ ученія не борется церковь; затѣмъ „совопроснигъ пустился въ разглагольствованіе о различныхъ статьяхъ законовъ, преслѣдующихъ сектантство, и тутъ-же ополчился противъ съѣзда миссіонеровъ въ Казани“ ¹⁾. Послѣ Маркова заговорилъ начетчикъ старообрядецъ Австрійскаго толка Петровъ, бывшій ранѣе учителемъ единовѣрческой школы (sic). Послѣ того, какъ отецъ Марковъ, возражая Петрову, возстановилъ ясное опредѣленіе признаковъ Святой Церкви, начетчикъ, „обратясь къ публикѣ, началъ смиренную хитрую рѣчь о манерѣ православныхъ собесѣдниковъ и здѣ находящихся“ вести бесѣду не о главѣ, а о хвостѣ, „что де и сегодня они начали бесѣду тоже съ хвоста“ ²⁾. Смыслъ этого замѣчанія былъ тотъ, что, по мнѣнію начетчика, до опредѣленія единства церкви надо было поговорить объ основаніяхъ разногласія съ старообрядцами.

Корреспонденція Миссіонерскаго Обозрѣнія заканчивается меланхолическимъ замѣчаніемъ, что среди слушателей видны были извѣстные старообрядцы Онисимовъ и бывшій секретарь расколическаго архіерея К. Перетрухинъ, „но ни тотъ, ни другой съ возраженіями почему-то не выступили“.

Нѣсколько карриатурный образъ Дехтерева всетаки заставляетъ задумываться надъ тѣмъ, что на собесѣдованіи со старообрядцами, возражатель, выступающій въ присутствіи „извѣстныхъ старообрядцевъ“, развязно заявляетъ, что онъ плохой старообрядецъ и даже вовсе не старообрядецъ, и что онъ космополитъ; между тѣмъ еще въ прошломъ году онъ былъ „внимательнымъ слушателемъ“, нынѣ же, видимо волнуясь „сбиваясь, путаясь и перескакивая, толкуетъ о церковномъ мечѣ и о статьяхъ, преслѣдующихъ сектантство“. Тяготѣніе ли это въ сторону сектантства или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это признаки распадена, безъ перехода въ единовѣріе, старообрядства, дождавагося постыднаго факта въ своей средѣ—появленія подложныхъ мощей.

---

¹⁾ 595 *ibid.*

²⁾ *Ibid.* 596.

Подробныя свѣдѣнія объ этомъ подлогѣ находятся въ Миссіон. Обзор. ноябрь (стр. 625), въ видѣ разоблаченія секретнѣйшаго распоряженія раскольничьяго Московскаго лже-владыки Картушина объ отобраніи изъ моленныхъ новыхъ антиминовъ, въ кои вложены были окружническими лжеепископами подложныя мощи мнимыхъ мучениковъ грузинскихъ, обрѣченные въ одной пещерѣ, но оказавшіеся потомъ трупными останками черкесь и зайца.

Такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи объ отношеніи суда къ сектантамъ и раскольникамъ мнѣ придется преимущественно говорить о штундистахъ, то и здѣсь, въ виду необходимости предварительнаго ознакомленія со штундой въ общей картинѣ современнаго сектантства, я долженъ буду нѣсколько подробнѣе коснуться именно столкновений со штундистами какъ со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей, такъ и со стороны православнаго населенія.

Штундизмъ, оффиціально замѣченный въ Россіи въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, но появившійся гораздо раньше, всетаки моложе всѣхъ остальныхъ крупныхъ сектъ, поэтому ему свойственны и теперь еще въ порядкѣ историческаго развитія такія перемѣны, что едва ли штундизмъ прежній и современный для политика и священника могутъ быть признаны равнозначущими. Въ виду этого, не претендуя давать очеркъ исторіи штундизма, я, оставаясь вѣрнымъ своему плану, дамъ нѣсколько картинъ, наиболѣе характеризующихъ штундизмъ со стороны его настроенія и отношеній къ нему сосѣдей и властей—въ періоды четырехъ послѣднихъ десятилѣтій ¹⁾).

Новѣйшее изслѣдованіе, заключающее въ себѣ историческій очеркъ штундизма, священника Стрѣльбицкаго (Краткій очеркъ штундизма 1899 г.), къ сожалѣнію, изложено недостаточно объективно и грѣшитъ рѣзко обозначающейся политической тенденціей. Почтенный авторъ глубоко убѣжденъ, что насажденіе штундизма на югѣ Россіи слѣдуетъ разсма-

---

¹⁾ Пока я употребляю терминъ „штундизмъ“, какъ наименованіе, принятое въ литературѣ, нисколько не предрѣшая этимъ своихъ окончательныхъ выводовъ и даже отрицательнаго или утвердительнаго заключенія о самомъ его существованіи.

тривать, какъ результатъ нѣмецкой завоевательной политики, продолжающей донныѣ высылать сюда своимъ эмиссаровъ.

Такого рода взглядъ приводитъ его къ чрезвычайно одностороннему выводу: перечисляя ¹⁾ разные опредѣленія этого вѣроученія, онъ, вопреки священнику Рождественскому и другимъ, въ сущности доходить до полного отрицанія за штундой характера религіозной секты. Отличительной чертой штундизма, кромѣ протестантскаго характера, онъ признаетъ его социально-политическую подделку, „въ силу которой онъ является религіознымъ вѣроученіемъ только по формѣ, въ существѣ дѣла скрывающимъ политическія стремленія пропагандистовъ штундизма. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ онъ, догматика штундизма только целена, прикрывающая происки нѣмецкихъ дѣятелей“ ²⁾; такъ какъ при проведеніи такого взгляда автору трудно игнорировать тотъ фактъ, что штундизмъ возникъ первоначально между нѣмецкими колонистами лѣтъ за 10 ранѣе того, чѣмъ онъ распространился между русскими ³⁾, то онъ, не задумываясь, предполагаетъ, что этотъ фактъ долженъ быть признанъ попыткой со стороны нѣмцевъ замаскировать вѣдущейся борьбой съ братствами „штунды“ нѣмецкую политику, направленную на онѣмеченіе русскаго народа ⁴⁾.

Такъ какъ г. Стрѣльбицкій въ исторической части своей работы пользуется почти исключительно матеріаломъ сочиненія свящ. Рождественскаго „Южно-русскій штундизмъ“, вышедшаго за десять лѣтъ (1889 г.) до перваго и содержащаго чрезвычайно добросовѣстно и подробно разработанную исторію штундизма, то я и возьму необходимые мнѣ примѣры изъ этого перво-источника.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ штундизмъ появился въ деревнѣ Карловѣ, Елисаветградскаго уѣзда, но епархіальная

---

¹⁾ Стр. 22. Краткій очеркъ штундизма.

²⁾ Ibid. 22.

³⁾ Ibid. стр. 198. Рождественскій, Южно-русскій штундизмъ, стр. 42 и 43.

⁴⁾ Ibid. 17

власть узнала объ этомъ только въ 1869 году, хотя одновременно съ Карловкой такія же собранія крестьянъ съ сектантскимъ направлениемъ происходили въ уѣздахъ Одесскомъ, Ананьевскомъ и Херсонскомъ; вождемъ любомирскихъ штундистовъ былъ крестьянинъ мѣстечка Любомирки, знаменитый Иванъ Рябошапка, котораго совратилъ въ штундизмъ Старо-Данцигскій колонистъ Мартинъ Гюбнеръ; другой очагъ штундизма замѣченъ въ 1865 г. въ деревнѣ Основа Одесскаго уѣзда; здѣсь главою явился крестьянинъ Михайль Ратушный, который еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, странствуя по монастырямъ и разспрашивая встрѣчныхъ, какъ надо жить по Евангелію, познакомился въ Кіевѣ съ Рябошапкою. Въ 1868 г. мы видимъ штундизмъ въ Кіевской губ., въ селѣ Плоскомъ, Таращанскаго уѣзда, гдѣ пропагандистами явились Цибульскій и Тышкевичъ ¹⁾. Въ 1867 г. реформатскій пасторъ Бонекемперъ выступаетъ дѣятельнымъ распространителемъ братства людей Божьихъ *въ нѣмецкой колоніи* Рорбахъ ²⁾; затѣмъ возникаетъ тѣсное сношеніе между штундистами Основы и Игнатовки съ рорбаховскими сектантами, причемъ уже рядомъ съ Ратушнымъ выступаетъ извѣстный пропагандистъ Балабанъ ³⁾. Этотъ Балабанъ въ 1870 г. въ Таращанскомъ уѣздѣ, „избѣгая отправки казеннымъ порядкомъ“, самовольно оставилъ Игнатовку и перешелъ въ село Чаплинку; здѣсь онъ, пропагандируя штундизмъ, разбилъ въ зданіи волостного правленія икону Святителя Николая ⁴⁾; освобожденный по недоразумѣнію между властями отъ тюрьмы и преслѣдованія, Балабанъ вернулся въ побѣдномъ ореолѣ въ Чаплинку, гдѣ штундизмъ сразу сталъ распространяться, захвативъ и село Косяковку ⁵⁾.

Въ Чаплинкахъ и Косяковкѣ основались два главные толка штунды: въ первомъ—духовная штунда наиболѣе отри-

---

¹⁾ Ibid. стр. 56, 70, 72, 75.

²⁾ Курсивъ мой, Ibid. 58.

³⁾ Ibid. 67.

⁴⁾ Ibid. 79 и 80.

⁵⁾ Ibid. 81 и 82.

пательнаго характера,—въ Косяковѣ—штунда баптистическаго оттѣнка. Толки о штундистахъ распространились по губерніи и начали сильно волновать простой народъ. Споры религіозные происходили на базарахъ, улицахъ, площадяхъ и шинкахъ¹⁾. Въ теченіе всего этого періода епархіальная власть чрезъ приходскихъ священниковъ какъ въ школахъ, такъ и въ церкви защищала православіе; для этихъ дѣятелей было ясно, что штундизмъ шелъ изъ нѣмецкихъ колоній и главнымъ образомъ изъ колоніи Рорбахъ, гдѣ „около 1858 г. было посѣяно зерно ученія о назарянахъ“²⁾; параллельно съ этимъ сектантское броженіе преимущественно баптистическаго характера свирѣпствовало среди херсонскихъ и другихъ нѣмецкихъ колонистовъ³⁾, тутъ были среди менонитовъ свауны, Іерусалимскіе друзья и гуттеры; „лютеранскіе пасторы, говорить Рождественскій, принимали разныя мѣры къ прекращенію народнаго броженія еще въ 1867 г., но всё ихъ старанія остались безъ успѣха. Сектанты придавали болѣе важности и святости своимъ собраніямъ въ домахъ нежели собраніямъ для молитвы въ киркахъ“. На каждомъ сектантѣ лежала обязанность пропагандировать свое ученіе среди лицъ *всѣхъ* христіанскихъ вѣроисповѣданій⁴⁾. Обыкновенно наблюдалось какъ среди русскихъ, такъ и среди нѣмцевъ такое движеніе въ направленіи къ сектантству: сперва совершался переходъ въ баптизмъ, затѣмъ уже отпаденіе въ штунду. Характеризуя религіозное броженіе 1830, 1840 и 1850 годовъ, Рождественскій⁵⁾ „яркимъ выраженіемъ“ его признаетъ „штундизмъ, зародившійся въ 1850 годахъ“ „среди русскаго народа“, и заключаетъ, что развитіе штундизма стоитъ въ тѣсной связи съ этимъ броженіемъ; тутъ-же онъ, характеризуя это броженіе, припоминаетъ, что въ 1830 годахъ въ землѣ войска Донскаго возникла секта немоляковъ (отрасль старо-

---

¹⁾ Ibid. 81 и 82.

²⁾ Одес. вѣстн. 1868 г. 35, рожд. 53.

³⁾ Ibid. 44—46, 48, 50.

⁴⁾ Курсивъ мой, 44. Ibid.

⁵⁾ Ibid. 19.

обрядства, какъ мы узнаемъ дальше), что въ 1845 г. она появилась въ Одессѣ, а что съ 1860 годовъ быстро распространяется по губерніямъ Тверской, Нижегородской, Костромской, Вятской, Пермской и достигаетъ Сибири ¹⁾). Въ этотъ же періодъ маріановская секта (хлыстовская), процвѣтавшая въ 1870 годахъ въ Николаевѣ, Херсонской губ., не удовлетворяясь воспринятыми ею молоканскими воззрѣніями, становится крайне аскетической,—почему на ней можно наблюдать силу того общаго движенія къ аскетизму, которое рѣзко проявилось въ Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ въ этотъ періодъ времени; малороссы—екатеринославцы предавались строгому посту, чтенію душеспасительныхъ книгъ и пѣнію псалмовъ.

Все это вмѣстѣ вліяло на образованіе штундизма, возникшаго отнюдь не одиноко ²⁾).

Вотъ что говоритъ о немолякахъ Юзовъ ³⁾):—основателемъ немолякской вѣры считается донской казакъ Гавріиль Зиминъ, житель Федосѣвской станицы. Зиминъ съ малолѣтства былъ старообрядцемъ, потомъ перешелъ въ беспоповскую секту... Происхожденіе немоляковъ отъ старовѣрія отразилось отчасти и на ихъ міросозерцаніи, такъ напр. всѣ исправленія, сдѣланныя Никономъ, они считаютъ поврежденіемъ истины, а его самого „предуготовителемъ пути развращенія передъ наступленіемъ вѣка духа, по которому пути почти всѣ россійскіе народы нынѣ шествуютъ“; этотъ вѣкъ духа по ученію немоляковъ ⁴⁾ характеризуется отрицаніемъ обрядовъ духовныхъ властей, которыя хотя могутъ считаться наставниками, но наравнѣ съ простолюдинами; „истинные храмы внутри насъ, въ сердцѣ“; крестъ немоляки совершенно отвергають, крещенія и бракосочетанія у нихъ нѣтъ, повиновеніе правительству объясняется только необходимостью. Все это очень напоминаетъ ученіе штунды. 3-й съѣздъ тоже пришелъ къ заключенію, что секту немоляковъ нужно считать *нарождающимся*

---

¹⁾ Ibid. 18.

²⁾ Ibid. 19.

³⁾ Рус. дис. 82.

⁴⁾ Ibid. 84.

на почвѣ раскола рационалистическимъ сектантствомъ, имѣющимъ признаки сходства со старо-духоборствомъ и новѣйшею штундою ¹⁾).

Въ виду этихъ данныхъ г. Юзовъ заключаетъ, что передовая часть безпоповщины проповѣдуетъ религіозный рационализмъ ²⁾, а остальная находится на пути къ нему, что эта послѣдняя не можетъ остановиться на этомъ пути, такъ какъ вражда ко всякой іерархіи не даетъ возможности свозать и закрѣпить ихъ религіозныя воззрѣнія.

„Право свободнаго толкованія священныхъ книгъ въ виду этого, говоритъ Юзовъ ³⁾, вошло въ ихъ плоть и кровь, а тамъ, гдѣ всякій мыслящій человекъ имѣетъ право разрѣшать свои религіозныя сомнѣнія, опираясь на свое собственное пониманіе текста священныхъ книгъ, тамъ рационализму раздолье“...

Раздѣленіе безпоповцевъ на большое количество согласій только помогаетъ, благодаря постоянной борьбѣ мнѣній, дальнѣйшему развитію ихъ ученія, на началахъ свободнаго толкованія священныхъ книгъ и фактовъ окружающей жизни, такъ что вся масса безпоповцевъ мало по малу „превращается въ чистыхъ деистовъ“ ⁴⁾).

Не могу не упомянуть, что до такого же вывода о нарождающемся деизмѣ доходитъ и проф. Титовъ ⁵⁾, говоря о первыхъ сектантахъ Россіи стригольникахъ; основатель ея, Псковскій дьяконъ Карпъ, наименованный стригольникомъ, потому ли что стригъ дьяковъ или потому, что самъ былъ разстриженъ, наглядѣвшись на злоупотребленія въ духовенствѣ, на поставленія на мздѣ, сталъ отрицать значеніе пастырей церкви, затѣмъ, все внѣшнее въ христіанствѣ, всякихъ посредниковъ въ общеніи съ Богомъ, а слѣдовательно, и преданіе апостольское и всѣ таинства, совершаемыя священникомъ. Эти первые раціо-

---

¹⁾ Дѣянія, 198. Курсивъ мой.

²⁾ 90 и 81 *ibid.*

³⁾ 91 *ib.*

⁴⁾ *ibid.* 91.

⁵⁾ Мис. обозр. 96 г. апр., стр. 16, 17; Секта стригольниковъ. Соловьевъ. Ист. Р. съ древн. врем. 1276, 77, 1427, т. IV гла. III.

налисты Руси черезъ сто лѣтъ, воспринявъ отъ ученаго еврея Захарія Свары глубокое уваженіе къ научному образованію, слились съ либерально-философскимъ направленіемъ караимскаго еврейства, образовавъ такимъ образомъ секту жидовствующихъ; къ этой послѣдней применило высшее общество и даже на митрополичій престолъ былъ возведенъ тайный приверженецъ секты архимандритъ Зосима ¹⁾). „Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, продолжаетъ Д. Скворцовъ, русское вольнодумство потерпѣло еще разъ видоизмѣненіе и опять таки въ сторону крайняго развитія отрицанія. Извѣстно, что XVI вѣкъ былъ вѣкомъ крайняго развитія обрядовѣрія,—что особенно выразилось въ постановленіяхъ Стоглаваго собора; какъ бы въ противовѣсъ этой крайности обнаружилась другая—съ особенною силою ожило сектантское вольнодумство. Главными вольнодумцами того времени были нѣкто Матвѣй Бакшинъ и монахи Θεодосій Косой и Игнатій; они имѣли много послѣдователей... Лжеученіе Бакшина было христьянско-раціоналистическою ересью, не имѣвшей ничего общаго съ іудействомъ, хотя и находившейся въ прямой связи съ прежнимъ жидовствомъ ²⁾). Говоря о XVII вѣкѣ, тотъ же авторъ отмѣчаетъ далѣе, что рядомъ съ народившимся расколомъ раціоналистическая мысль продолжала жить и обнаружилась въ сильномъ мистическомъ броженіи, представителями котораго были Кульманъ и Нодерманъ; въ XVIII вѣкѣ получили право гражданства протестантскія идеи, смѣнившіяся затѣмъ въ высшемъ классѣ французской философіей и „вольтерьянствомъ“; такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, сходясь въ этомъ съ свящ. Рождественскимъ—почва для всякихъ отрицательныхъ ученій была подготовлена, и вотъ появляется цѣлый рядъ всякаго рода сектъ въ видѣ духоборцевъ, молоканъ, субботниковъ, хлыстовъ и т. п.—„Не имѣя возможности, заключаетъ онъ, установить и выяснить генетическую связь этихъ сектъ съ сектами XIV и XVI вѣковъ, мы однако должны

---

¹⁾ „О современномъ русскомъ сектанствѣ протестантскаго характ. Дмитрій Скворцовъ 1899 г. стр. 3 и 5.

²⁾ *ibid.* 6 и Солов. I. с. 1546—1553, 1699. IV и гл. III и т. II 445, 501 517, 518.

сказать, что въ нихъ развивались тѣ же противоцерковныя и отчасти противогосударственныя идеи, какія въ сектахъ прежняго времени ¹⁾). Эти историческія данныя позволяютъ, вопреки автору, приписывающему далѣе въ противорѣчіе приведеннымъ выпискамъ возникновеніе штундизма вліянію нѣмцевъ, также какъ свящ. Стрѣльбицкій,—эти факты, говорю я, позволяютъ съ большимъ правомъ на мой взглядъ предположить, что штундизмъ также, какъ молоканство и духоборство, которое самъ Д. Скворцовъ признаетъ отголоскомъ Бакшина и Косого, возникли на чисто русской почвѣ.

Основаніемъ для такого предположенія и, смѣю думать, достаточно твердымъ, является отмѣченный и г. Д. Скворцовымъ фактъ совпаденія главныхъ основаній новѣйшихъ рачіоналистическихъ сектъ съ догматами секты Бакшина, что несомнѣнно также и относительно штундизма.

Сходство положеній послѣдняго съ главными основаніями стригольниковъ, родоначальникъ которыхъ дьяконъ Карпъ началъ также, какъ и штундисты, съ отрицанія церковниковъ, не можетъ быть отрицаемо. Принявъ такое разрѣшеніе вопросовъ, свящ. Стрѣльбицкому не пришлось бы изощряться въ безплодныхъ попыткахъ разгадать загадку, непостижимую для православныхъ людей, какъ онъ думаетъ ²⁾), „какимъ образомъ и чѣмъ собственно сухой и отвлеченный рачіонализмъ протестантства или, что то же, штунды можетъ вербовать себѣ послѣдователей именно въ средѣ крестьянской, наименѣе, казалось-бы, развитой и подготовленной для пониманія и сознательнаго усвоенія себѣ отвлеченностей религіознаго рачіонализма“.

Весьма вѣроятно поэтому, что такъ называемый штундизмъ, основныя положенія котораго, какъ это будетъ доказано ниже, настолько же далеки отъ настоящаго протестантства (не смѣшивать съ баптизмомъ), насколько близки къ основанію старыхъ русскихъ сектъ, представляется продуктомъ русской жизни плодомъ ея старыхъ рачіоналистическихъ

---

¹⁾ *ibid.* 8.

²⁾ Краткій очеркъ штундизма стр. 19.

увлеченій. Вѣроятность правильности такого вывода значительно увеличивается, если вспомнить, приведенное мною выше, свѣдѣніе о немоякахъ и ту струю рационализма въ этой отрасли старовѣрія, которая позволяетъ, вслѣдъ за І. Юзовымъ, заключить, что, дѣйствительно, часть безпоповщины проповѣдуетъ религіозный рационализмъ; мы впрочемъ и сами видѣли уже нѣсколько выше, какъ легко старообрядецъ, „прилежный слушатель бесѣдъ“, послѣ цѣлаго года послѣдовательныхъ назиданій превращается изъ старообрядца въ „восмополита“.

Не имѣя въ виду дать здѣсь догматическое изложеніе штундизма, я чувствую, однако необходимость показать въ подкрѣпленіе сказаннаго выше, главные черты вѣроученій, которыя постепенно сказывались и осѣли въ нынѣшнемъ штундизмѣ; я буду поэтому продолжать прерванный мной краткій историческій очеркъ съ тѣмъ, чтобы закончить предпринятое мной изображеніе современнаго состоянія сектантскаго міра, включая по пути необходимыя данныя также и по содержанію вѣроученія штунды. Если бы въ заключеніе статьи взглядъ мой оказался выдержавшимъ эту пробу и достаточно обоснованнымъ вообще, то грандіозность задачи въ борьбѣ, которую ведетъ православіе въ лицѣ духовенства съ сектантствомъ и размѣры опасности для духовенства этого рационалистическаго наводненія предстали бы очень рельефно, — гораздо нагляднѣе, чѣмъ это можетъ быть достигнуто встрѣчающимися въ литературѣ подробными описаніями затруднительнаго положенія приходскихъ священниковъ въ сектантскихъ округахъ и столеновеній штундистовъ со своими односельчанами и властями. Дѣйствительно, не все равно бороться съ заразой, занесенной иностранцами, заразой, лишенной исторической почвы на мѣстѣ или имѣть врагомъ „гидру рационализма“ и сознавать, что противъ оффиціальной церкви поднялись не только либеральничающіе сектанты диссиденты, но и консервативнѣйшіе старообрядцы, переросшіе, столь дорогую имъ въ свое время, обрядность и переходящіе въ лицѣ крайнихъ своихъ сектъ въ общій и грозный въ будущемъ лагерь *духовныхъ христіанъ*.

Рационализмъ въ области религии, какъ и вообще въ жизни Россіи, особенно пышно расцвѣлъ въ періодъ общаго пробужденія русскаго общества въ шестидесятыхъ годахъ въ связи съ освобожденіемъ народа отъ крѣпостной зависимости; но существенно, что рационализмъ въ области вѣры не могъ проявиться въ невѣжественной средѣ русско-южнаго крестьянства въ разумныхъ и умѣренныхъ формахъ; грубость нравовъ и ожесточеніе русскихъ простолюдиновъ, считающихъ себя „озаренными“ носителями новыхъ „откровенныхъ“ истинъ, не могли, укореняясь—при продолжающемся отсутствіи просвѣщенія—не вызвать въ концѣ концовъ проявленія крайняго фанатизма; дѣйствительно, именно такой ходъ развитія штундизма на русской уже почвѣ покажетъ намъ продолженіе очерка современнаго положенія штундизма, къ изложенію котораго я обращаюсь вновь, послѣ этого длиннаго, но необходимаго для выясненія корней штундизма, отступленія.

Въ представленіи своемъ отъ 8 іюля 1867 года судебный слѣдователь писалъ высокопреосвященному Дмитрію, что крестьяне Ряснополя, Игнатовки и Основы отступили отъ православной церкви, что, принявъ за основаніе Евангельско-е ученіе и посланіе апостольское, они толкуютъ его свободно по своему и ошибочно, не признаютъ святыхъ иконъ, моленія за живыхъ и усопшихъ, почитанія святыхъ угодниковъ, крестнаго знаменія; отвергаютъ посты и обряды православной церкви; принявъ соответствующія мѣры и получивъ рапортъ отъ о. Кирьякова, Высокопреосвященный положилъ такую резолюцію: „секта оказывается вредною, потому что сектанты отвергаютъ всѣ таинства, необходимость священства, поклоненіе святымъ иконамъ, призываніе святыхъ и пр.“; уволенный за нерадѣніе мѣстный священникъ былъ замѣненъ другимъ, а 14 ноября 1867 года благочинный о. Кирьяковъ, послѣ слезныхъ увѣщаній сектантовъ съ его стороны доносилъ, что и нѣкоторые изъ увѣщаемыхъ имъ сектантовъ плакали, говорили, что никогда не были отступниками, что никакого ученія нѣтъ, что они, собираясь въ своихъ домахъ, кромѣ чтенія св. писанія и пѣнія стиховъ духовнаго содержанія, болѣе за собою ничего не чувствуютъ; впрочемъ, про-

должаетъ о. Кирьяковъ, М. Ратушный на мой вопросъ, почему они въ собраніяхъ своихъ не крестятся, отвѣчалъ, что дѣлаютъ это для того, чтобы собранія въ домахъ отличить отъ собранія въ церкви, — „очевидно здѣсь изворотъ“ прибавляетъ о. Кирьяковъ. Совратителями православныхъ, по предположенію отца Кирьякова, могли быть нѣмцы сектанты. Сектанты жаловались ему, что ихъ напрасно держали въ острогѣ, что ихъ только отрываютъ отъ дѣла „разоряютъ“; „изъ такихъ отвѣтовъ, замѣчаетъ отецъ Кирьяковъ, видно, что они, дѣйствительно, неповинны или же ожесточаются частыми призывами“. Распоряженія исправниковъ о слѣдствіи и арестѣ были генераль-губернаторомъ Коцебу признаны незаконными, такъ какъ противорѣчили Высочайше одобренному 15 октября 1858 года *наставленію для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся* ¹⁾. Какъ видно изъ самаго заглавія „*Наставленіе*“, это относилось, строго говоря, только къ расколу, если судить какъ по заглавію, такъ и по содержанію; и кромѣ того, общій духъ его, рѣзко устанавливаемый §§ 1, 2, 3, 11, 12 и въ особенности 6-мъ, „не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что правительство не вмѣшивается въ заблужденія, противныя правиламъ истинной церкви, до указанія Епархіальнаго начальства, почему приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіемъ или доносомъ къ свѣтскимъ властямъ“; съ другой—Епархіальное начальство не можетъ вызвать изслѣдованій свѣтской власти до испытанія надъ совращеннымъ силой духовныхъ увѣщаній къ оставленію заблужденій ²⁾.

Въ нарушение однако этого закона начальники губерніи сообщаютъ о появленіи штундизма Епархіальной власти, а исправники по собственному побужденію, вопреки 1006 ст. уст. угол. суд., производятъ о совратившемся дознаніе. Такимъ порядкомъ въ началѣ 1870 года были арестованы, какъ совратители жителей села Плоскаго, Таращанскаго уѣзда, Па-

---

¹⁾ Рождественскій, *ibid.* 62—64.

²⁾ Собраніе постановленій по части раскола. Петербургъ 1875, стр. 557.

вель Цыбульскій и Тышкевичъ и отправлены въ Таращанскую тюрьму. Въ Таращахъ, Кіевской губ., ихъ увѣщевалъ о. Игнатовичъ. Сектанты, по словамъ о. Игнатовича, сначала отъ всего отказывались и говорили, что они ни въ чемъ не виноваты, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви, а только иногда собираются въ какомъ-нибудь домѣ для молитвы, чтенія Св. Писанія и для пѣнія стиховъ и псалмовъ изъ книги „Приношеніе православнымъ христіанамъ“. Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали нѣкоторыя заблужденія. „Они говорили, что Пресвятая Богородица и Святые—обыкновенные люди, не могущіе ходатайствовать за насъ предъ Богомъ, что каждый человѣкъ долженъ молиться самъ за себя, а не надѣяться на молитвы церкви и святыхъ; что Богу надлежитъ поклоняться только духомъ и истиною, что наружное богослуженіе недѣйствительно, что поклоненіе иконамъ и Кресту—идолопоклонство; мощи святыхъ также не могутъ быть предметомъ поклоненія. Посѣщеніе мѣстъ увеселенія грѣшно, употребленіе спиртныхъ напитковъ—также“¹⁾).

Таково ученіе народившейся секты по официальнымъ даннымъ времени; его легко теперь сопоставить съ приведенными выше взглядами стригольниковъ и другихъ древнихъ сектъ, которыя поочередно возникали, перерождаясь одна въ другую, и затѣмъ исчезали, не вызывая особыхъ потрясеній въ государствѣ; не то случилось со штундизмомъ.

Вначалѣ противъ сектантовъ употреблялись только пастырское слово и воскресная школа; указывающій на это въ рапортѣ, о. Ногачевскій, уже тогда усмотрѣвшій въ штундѣ „революціонное направленіе“, говорить, что иначе поступать нельзя, потому что можно потерять ихъ довѣріе.

Въ 1870 году въ Основѣ и Игнатовѣѣ, почувствовавъ силу, штундисты перешли отъ оборонительнаго положенія къ наступательному, хотя они еще держатъ въ своихъ домахъ иконы, но дерзко отзываются о нихъ. 6-го января во время крестнаго хода штундисты проскакали мимо процессіи въ шапкахъ и со свистомъ. „Штундизмъ вносить въ общество и

---

¹⁾ Рождественскій, *ibid.* 77.

въ семью раздоры“, пишетъ исправникъ. Въ дер. Основѣ школа закрыта потому, что штундисты хотѣли имѣть своего учителя, а православные своего. „Несмотря на запрещеніе, Основскіе штундисты продолжали свои собранія; такія же собранія въ дер. Константиновеѣ въ началѣ 1871 г. привели къ оштрафованію ихъ по 10 руб. каждому; когда здѣсь штундисты также оскорбили глумленіемъ православную погребальную процессію, то православные самовольно наказали розгами 6 штундистовъ, въ числѣ которыхъ была женщина“¹⁾. Въ селѣ Рожвахъ, Таращанскаго уѣзда, также происходятъ собранія и уѣздный протоіерей о. Пахаловичъ, порицая въ рапортѣ митрополиту Арсенію исправника, освободившаго изъ подъ ареста арестованныхъ упрямыхъ еретиковъ, присовокупляетъ, что „народонаселеніе селъ Плоскаго и Рожеевъ нисколько не раздѣляетъ заблужденій сектантовъ; а, напротивъ, относится къ нимъ враждебно, грозя притѣсненіемъ и насиліемъ“²⁾.

Энергія духовенства привлекаетъ на скамью подсудимыхъ за богохульство и кощунство Балабана, Высоцкаго, Коваля и Терещика, впослѣдствіи оправданныхъ; съ другой стороны, Чаплинское общество уже отъ себя запрещаетъ собранія штундистовъ и повергаетъ ихъ аресту.

Арестованный Терещукъ освобождается товарищами 17 ноября 1872 г.; этотъ бунтъ, по выраженію свящ. Дьяковскаго, повторяется 19 ноября, когда штундисты, переколотивъ членовъ волостного правленія, опять освобождаютъ товарищей. О. Дьяковскій проситъ благочиннаго довести объ этомъ до свѣдѣнія исправника и настоять на производствѣ дознанія, такъ какъ „это дѣло чисто политическое“; далѣе онъ требуетъ мѣръ къ укрощенію буйства штундистовъ и къ обезпеченію безопасности лицъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ нимъ. „Необходимость этихъ мѣръ, говоритъ о. Дьяковскій, тѣмъ болѣе ощутительна, что сельское начальство послѣ бунта рѣшительно отказывается отъ наблюденія надъ штундистами“³⁾.

---

¹⁾ Ibid. 65, 68, 70.

²⁾ Ibid. 77.

³⁾ Ibid. 88 и 89.

Въ концѣ марта 1873 года былъ командированъ въ дер. Чаплинку, Косяково и Плоское миссіонеръ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, бывшій прежде миссіонеромъ католикомъ; о результатахъ его миссіи преосвященный Порфирій писалъ митрополиту Арсенію: „извѣщаю васъ, что от. Владиміръ Терлецкій возвращается изъ коммунистической Чаплинки въ свой монастырь, не успѣвъ обратитъ въ православіе ни одного штундиста. Ядовитое дерево не искоренено, ядъ его разольется далѣе по Подоліи, Волини и Литвѣ“¹⁾. „Формальное отдѣленіе отъ церкви кievскихъ штундистовъ началось, говорить о. Рождественскій, только съ 1874 года, когда Лѣсицкій, одинъ изъ главныхъ пропагандистовъ, вышелъ изъ тюрьмы 22 декабря 1874 года; онъ началъ пропагандировать баптизмъ; среди косяковскихъ штундистовъ происходили оживленные споры по поводу баптизма; перекрещиванія пока еще не было, но у штундистовъ въ 1874 году уже появились пресвитеры, въ то же время какъ херсонскіе штундисты начали перекрещиваніе; у кievскихъ—перекрещиваніе началось только съ 1876 года.

Баптизмъ хотя и произвелъ въ средѣ штундистовъ раздѣленіе, однако это обстоятельство нисколько не ослабило сектантскаго движенія²⁾. Въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ былъ на увѣщаніи въ 1886 г. Чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль, о которомъ іеромонахъ Евстафій отзывался такъ: Яковъ Коваль неговорчивъ, назойливъ, какъ оса и на языкъ остръ, какъ коса, дикій, какъ звѣрь и стоетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ дьяволъ во злѣ“, а игумень Таращанскаго монастыря, отказываясь принять на увѣщаніе въ монастырь Ковала, писалъ, что опасно помѣститъ еретика между юною братьею изъ опасенія, чтобъ не потерпѣть братіи отъ него заразы.

Въ Херсонской губерніи въ это время выдвигается борецъ за православіе от. Козакевичъ, дѣйствующій чрезвычайно энергично, но затѣмъ онъ признается, со стороны губерна-

---

¹⁾ Ibid. 77, 88, 94.

²⁾ Ibid. 98, 106 и 109.

тора, нетактичнымъ, возбуждающимъ несправедливое преслѣдованіе и ожесточающимъ поклонниковъ штундизма. Дѣятельность о. Козакевича, по мнѣнію губернатора, можетъ даже служить поводомъ къ распространенію этой секты ¹⁾).

„При колеблющемся положеніи судебной и административной власти въ принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ сектантовъ, Херсонская епархіальная власть могла еще ожидать помощи къ подавленію секты отъ представителей общественной совѣсти, но и эта надежда оказалась напрасною“ ²⁾). По поводу оправданія Вовжажа, привлеченнаго за соvrращеніе въ штундизмъ, пошла молва, что судъ разсматривалъ ученіе штундистовъ и нашель, что оно правильное ³⁾), когда затѣмъ были оправданы Ратушный, Балабанъ и другіе тоже въ Херсонскомъ Окружномъ Судѣ, то, вопреки критическимъ отзывамъ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, статьи „Голоса“ ⁴⁾ и „Дѣла“ ⁵⁾), вспоминая о гоненіяхъ на христіанъ и негодуя на самое возбужденіе преслѣдованія, „завоевывали, говорить о. Рождественскій, сектантамъ общественныя симпатіи и сѣяли непріязненныя къ духовной власти чувства въ довольно значительномъ кругу образованнаго общества“ ⁶⁾).

Въ 1873 году состоялся въ Петербургѣ съѣздъ представителей сектантскихъ общинъ по почину Пашкова и барона Корфа (изъ нихъ послѣдній еще въ 1875 г. посѣтилъ Чаплингу и Косякову). Цѣлью съѣзда было объединеніе сектантскаго движенія, но попытка эта была безуспѣшна, затѣмъ собрались и баптисты 30 апрѣля 1884 года, по догматическимъ вопросамъ съѣхавшіеся въ числѣ тридцати трехъ депутатовъ отъ общинъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерній ⁷⁾).

Центромъ штундизма Херсонской губерніи о. Рождествен-

---

¹⁾ Ibid. 122, 126.

²⁾ Ibid. 128.

³⁾ Ibid. 129.

⁴⁾ Голосъ 108 за 1878 годъ.

⁵⁾ Дѣло 1878 г. № 5 стр. 2.

⁶⁾ Ibid. 133.

⁷⁾ 139 и 143 Ibid.

скій признаеть дер. Игнатовву, съ главою Балабаномъ; въ Чаплинѣ Таращанскаго уѣзда дѣйствуетъ Коваль; изъ виднаго пунета штундизма, предмѣстья гор. Кіева, Деміевки, высланъ вожакъ Андреевъ, въ Косяковѣ-же сказались послѣдствія попытокъ сближенія между разными сектами въ томъ, что здѣсь замѣчается сильное вліяніе баптизма ¹⁾. Оставшіеся лицомъ въ лицу съ распространяющимся все шире сектантствомъ, духовенство принимаетъ рядъ мѣръ уже коллективно черезъ Одесское Свято-Андреевское братство, изъ среды котораго напр., кромѣ официальныхъ миссіонеровъ, выдвинулся миссіонеръ доброволецъ мірянинъ Чепурной. Въ маѣ 1887 г. онъ скончался, не выдержавъ чрезмѣрныхъ трудовъ. Въ іюлѣ 1887 г. состоялся съѣздъ окружныхъ миссіонеровъ, на которомъ приняты рядъ постановленій для объединенія и усиленія миссіонерской дѣятельности; при этомъ съѣздъ ходатайствовалъ предъ правительствомъ, чтобы оно обязало агентовъ „Британскаго библейскаго общества“ избирать несомнѣнно православныхъ лицъ въ книгоноши, такъ какъ послѣдніе заподозрѣны въ пропагандѣ сектантства ²⁾. Израсходовавъ въ 1-й годъ своей дѣятельности (1880—81) только 810 рублей, въ 1887 году братство тратитъ уже до 2500 рублей; также энергично борется противъ штундизма и Могилевское Богоявленское братство, а въ Екатеринославской губ. съ 1885 года дѣйствуетъ миссіонерскій комитетъ; въ Кіевской же губ. съ 1886 года учреждены должности четырехъ противуштундистскихъ миссіонеровъ. Тѣмъ не менѣе число сектантовъ годъ отъ году увеличивается и энергія миссіонеровъ не производитъ на нихъ ожидаемаго дѣйствія. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Рождественскій ³⁾.

„При собесѣдованіи сектанты оказываются крайне упорными въ своихъ заблужденіяхъ. Одинъ изъ нафанатизированныхъ сектантовъ на убѣжденія могилевскаго миссіонера— оставить свои заблужденія, кричалъ: „мучители вы наши! Что вамъ нужно отъ насъ?“

---

¹⁾ Ibid. 144.

²⁾ Ibid. 151—154.

³⁾ Ibid. 163.

Оставьте, ради Бога, насъ въ покоѣ! Вы не будете отвѣчать за насъ: вы намъ благовѣствовали, а мы не принимали и не принимаемъ вашего ученія“! Когда миссіонеръ увѣщевалъ православныхъ не посѣщать сектантскихъ собраній, такъ какъ эти собранія противозаконны и запрещены начальствомъ, котораго сами штундисты не отрицаютъ, то одинъ изъ присутствовавшихъ штундистовъ закричалъ: „я знать не хочу ни становаго пристава, ни исправника, ни губернатора. Я знаю только одного Императора“.

По донесенію кievскаго исправника, отъ 22-го марта 1883 г., во время производства (13 марта) надъ деміевскими штундистами слѣдствія предъ квартирой священника собралась толпа рабочихъ—болѣе тысячи человѣкъ, которые требовали выдать имъ штундистовъ, 22-го февраля 1886 года въ селѣ Турбовѣ, Кіевской губерніи, Сквирскаго уѣзда, умерла православная крестьянка, жена сектанта, Ксенія Пасѣчникова. Сектанты хотѣли похоронить ее по штундистскому обряду. Приходскій священникъ Хотинскій, церковный староста и сельскій староста не позволяли имъ сдѣлать это. Покойница была принесена въ церковь. Когда священникъ началъ обрядъ погребенія въ церковь ворвалась толпа штундистовъ и произвела шумъ и безчиніе. На священника посыпались оскорбленія. Сектанты называли его „чортомъ“ „патлатымъ“ и т. п. ругательными именами, а сектантка Александра Нагорная угрожала „выпустить внутренность священника и разрѣзать его на куски“. Когда священникъ предложилъ перестать осквернять св. церковь и не безчинствовать, сектанты, въ присутствіи цѣлой толпы православныхъ, дозволили себѣ назвать церковь—сараемъ, хлѣвомъ, конюшней и идольской скиніей, иконы идолами, а крестъ Господень шибеницей (висѣлицей). Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не были выпровождены изъ церкви православными. Такого рода дѣйствія сектантовъ, продолжается о. Рождественскій, вызываютъ свѣтскую власть принимать противъ нихъ репрессивныя мѣры. Въ 1886 году турбовскіе сектанты были преданы военно окружному суду. Трое изъ нихъ были сосланы на нѣсколько лѣтъ въ каторгу, а трое—поса-

жены въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. „Такимъ образомъ, судебная административная власть, иронически заключаетъ о Рождественскій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ дѣлѣ подавленія секты приходитъ на помощь власти духовной“¹⁾.

Тревожный симптомъ волненій толпы противъ штундистовъ проявляется до послѣднихъ дней: г. С. П. сообщаетъ²⁾, со словъ миссіонера Лобачевскаго, что въ 1890 году въ деревнѣ Юрашевой былъ многочисленный съѣздъ штундистовъ, который рѣшено было разогнать; населеніемъ и полиціей былъ оцѣпленъ домъ, гдѣ происходило богослужбное собраніе; по словамъ миссіонера, штундисты выставили въ окно ружья и глумились надъ православными и надъ властью. Православные взяли за колья. Дѣло непременно дошло бы до кровопролитія, если бы не энергическое вмѣшательство мѣстнаго начальства и полиціи“. Въ номерѣ 770 газеты „Россія“ отъ 19-іюня 1901 г. напечатана слѣдующая замѣтка.

„По духовному вѣдомству сдѣлано весьма важное и отрядное распоряженіе противъ излишняго усердія въ дѣлѣ преслѣдованіи сектантовъ. Оно уменьшитъ, конечно, возможность такихъ ужасныхъ фактовъ, какой сообщается (сегодня двумя газетами—„Русскими Вѣдомостями“ и „С.-Петербур. Вѣд.“ На-дняхъ,—говорять „Русск. Вѣд.“,—

„штундистъ Шевченко, проживающій въ м. Братолюбовѣ, возвращаясь изъ Кіевской губ., куда поѣхалъ перемѣнить паспортъ, по дорогѣ завернулъ въ Тишковку и остановился въ домѣ штундиста Удодова. Туда же пришелъ еще одинъ тишковскій штундистъ. Въ то время, какъ эти люди вели мирную бесѣду, въ домъ Удодова явился староста, который усмотрѣлъ въ бесѣдѣ трехъ лицъ собраніе штундистовъ для моленія и всѣхъ ихъ отправилъ въ холодную. Вскорѣ въ сельское правленіе явился по своему дѣлу штундистъ Муцеть. Староста и его заподозрилъ въ томъ, что онъ пришелъ провѣдать „братчиковъ“, и также засадилъ его въ холодную.

---

¹⁾ ibid. 164, 165.

²⁾ О штундѣ и протестанствѣ 1891 г. стр. 39.

Ночью Муцетъ жаловался своимъ товарищамъ по несчастью, что ему что-то нездоровится, и отъ пищи отказался. На другой день арестованныхъ освободили, и жена больного Муцета отвезла его въ земскую больницу въ Новоархангельскъ. Черезъ три дня жена Муцета пріѣхала въ Новоархангельскъ и видя, что мужу ея очень плохо, взяла его домой, очевидно, не желая, чтобы онъ умеръ въ больницѣ. Но по дорогѣ въ Тишковку Муцетъ умеръ, какъ полагаетъ врачъ, отъ заворота кишекъ. Когда трупъ Муцета привезенъ былъ въ Тишковку, его хотѣли похоронить внѣ ограды одного изъ трехъ сельскихъ кладбищъ, но собравшаяся толпа крестьянъ воспротивилась этому, причѣмъ принялась избивать сопровождавшихъ трупъ штундистовъ. Въ виду этого трупъ Муцета остался непогребеннымъ. То же самое повторилось на второй и третій день, когда при помощи сельскихъ властей хотѣли похоронить трупъ внѣ оградъ двухъ другихъ кладбищъ. Всего въ Тишковѣ семь штундистовъ. Изъ нихъ пять были избиты; остальные два успѣли избѣгнуть ярости толпы, скрывшись изъ села и спрятавшись въ полѣ во ржи. Нѣкоторые благоразумные крестьяне пытались защитить избиваемыхъ штундистовъ и образумить толпу, но они вынуждены были оставить это намѣреніе, во избѣжаніе опасности самимъ подвергнуться той же участи. Въ настоящее время по этому дѣлу производится слѣдствіе, которое должно обнаружить подстрекателей и главныхъ персонажей этой дикой расправы“.

„Русскій народъ, какъ извѣстно, отличается вѣротерпимостью. Факты, когда эта вѣротерпимость нарушалась имъ, какъ показываютъ ближайшія изслѣдованія, всегда вызывались какими-либо посторонними причинами, напр., экономическими, которыя, однако, ставились ловкими людьми на почву религіозной агитаціи“.

Въ приведенномъ случаѣ опять обращаетъ на себя вниманіе опасное настроеніе и поведеніе православныхъ; если вѣрить предпосланному въ замѣткѣ сообщенію о распоряженіи противъ излишняго усердія въ дѣлѣ преслѣдованія сектантовъ, то нельзя не сказать кстати тутъ же, что по даннымъ исторіи законодательства и административныхъ распоряженій—

общій тонъ отношеній правительства въ штундѣ, за рѣдкими исключениями, въ высшей степени осторожный, а въ послѣднее двадцатилѣтїе мудро-снисходительный; въ свое время я докажу это подробными ссылками, но естественно, нельзя ожидать политической мудрости отъ низшихъ агентовъ власти, тѣмъ болѣе отъ простаго народа. Разумѣется, я имѣю въ виду ерупныя законодательныя мѣры, изъ которыхъ можно съ увѣренностью заключить, что обособленіе сектантовъ въ безправномъ положеніи въ собственномъ ихъ отечествѣ признается, какъ и слѣдуетъ ожидать, слишкомъ неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и прямо опаснымъ не съ точки зрѣнія узко-политической, которую, съ легкой руки свящ. Стрѣльбицева, выдвигаютъ еще другіе изслѣдователи, а—въ виду грозной перспективы народныхъ междоусобныхъ волненій. Достаточно пока указать на законъ 19 апрѣля 1874 г., упорядочивающій въ гражданскомъ смыслѣ бракъ, а также рожденіе и смерть раскольниковъ—и на законы 27 марта 1879 года и 3-го мая 1883 года, изъ которыхъ первый предоставилъ баптистамъ, а второй раскольникамъ вообще творить общественную молитву какъ въ особенныхъ молитвенныхъ зданіяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ. И введеніе такихъ гуманныхъ законовъ не обошлось однако безъ прискорбныхъ замѣшательствъ; вотъ что писать объ этомъ времени извѣстная изслѣдовательница сектантскаго вопроса В. И. Бородаевская-Ясевичъ ¹⁾. Первоначально браки, рожденія и смерти баптистовъ записывались нѣмцами, но записи эти администраціей признаваемы не были, почему баптисты, какъ изъ нѣмцевъ, такъ и изъ русскихъ и католиковъ всѣми способами ходатайствовали о распространеніи на нихъ закона 1874 г. и о предоставленіи имъ права моленія по своему уставу. Когда, какъ бы отвѣтомъ на эти хлопоты, явился законъ 1879 г.; то онъ былъ признанъ не только населеніемъ, но мѣстной и центральной администраціей относящимся ко всѣмъ баптистамъ, не исключая и отпавшихъ изъ числа православныхъ; когда затѣмъ былъ полу-

---

¹⁾ Новое слово. Янв. 1897 г. Очеркъ изъ исторіи сектантскаго движенія въ Екатеринославской губ.

ченъ на мѣстѣ циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Макова отъ 15-го августа 1879 г., составленный въ этомъ смыслѣ, съ указаніемъ необходимости поспѣшить составленіемъ метрическихъ полицейскихъ книгъ, то сразу сложилась на мѣстахъ административная практика, безразлично примѣнявшая этотъ законъ ко всѣмъ мѣстнымъ баптистамъ. Было зарегистрировано, т. е. такъ сказать, узаконено много браковъ и рожденій; въ одномъ изъ донесеній отъ 19 февраля 1891 г., поступившихъ въ Екатеринославское полицейское управленіе отъ низшихъ полицейскихъ властей, значится, что запасный рядовой Горбунцовъ и еще одинъ (несомнѣнно русскій) Перепяткинъ дали росписку въ объявленіи имъ этого циркуляра, немедленно былъ избранъ пресвитеръ Душленко (русскій), но остался неутвержденнымъ, какъ было объявлено, въ виду того, что менѣе половины всѣхъ штундистовъ подписало приговоръ; затѣмъ черезъ очень короткое время въ виду новаго разъясненія пришлось уничтожать все сдѣланное.

Отзываясь съ очень хорошей стороны о жизни и поведеніи, такъ называемыхъ, штундистовъ, которыхъ г-жа Бородавская считаетъ въ сущности баптистами, она также, какъ и приведенные мною выше авторы, констатируетъ важное обстоятельство, что и старообрядцы, поддаваясь общему движенію, постепенно переходятъ въ „баптизмъ“.

Раіонъ, въ которомъ разливается штундизмъ, ею указывается очень широкій: Херсонская, Кіевская, Таврическая губерніи, Кавказъ, Кубанская область и вообще Черноморье.

По Рождественскому ¹⁾, штундизмъ распространился гораздо шире; онъ захватилъ, кромѣ названныхъ мѣстъ, Бессарабію и губерніи Могилевскую, Волынскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую и Орловскую. Что касается числа раскольниковъ и сектантовъ, то, рассматривая рядъ данныхъ, включая и всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, свящ. Рождественскій, насчитавшій очевидно недостаточную цифру, около 50 тысячъ штундистовъ,—при-

---

¹⁾ Ibid., 148 и слѣд.

ходить однако, въ заключенію, что опредѣлить общее число всѣхъ сектантовъ за неизмѣнимъ данныхъ нѣтъ возможности ¹⁾).

І. Юзовъ, посвятившій этому вопросу обстоятельное изслѣдованіе, выяснилъ ²⁾), что невозможность эта зависитъ оттого, что въ иныхъ уѣздахъ инныя цифры десятилѣтіями не измѣнялись, оттого, что записывать раскольниковъ для причта значитъ потерять его въ качествѣ плательщика.

Вспоминая, что въ 1850 г. путемъ сличенія губернаторскихъ и архіерейскихъ цифръ установлена была съ большимъ трудомъ цифра 829,971 раскольниковъ, І. Юзовъ прибавляетъ, что графъ Л. А. Перовскій представилъ рядомъ съ этимъ Государю записку, въ которой утверждалъ, что общее число раскольниковъ достигаетъ 9 милліоновъ. По поводу этой записки въ 1852 г. были назначены для изученія раскола двѣ „Статистическія Экспедиціи“, а затѣмъ съ 1853 года правительство предприняло обширныя работы для изученія раскола, и общій выводъ изъ нихъ былъ тотъ, что раскольниковъ въ десять разъ болѣе, нежели показывалось прежде въ оффиціальныхъ отчетахъ.

Получивъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ цифру въ 9¹/₂ милліоновъ для 1859 г., І. Юзовъ заканчиваетъ свой подсчетъ, какъ надо полагать къ 1878 году, цифрой около 13 милліоновъ. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать два слишкомъ года роста раскола и сектантства. Какова же эта цифра теперь?! Затрудненія въ подсчетѣ общаго числа, кромѣ указанныхъ причинъ, создаются еще тѣмъ, что однѣ секты, какъ напримѣръ штунда—возрастаютъ въ числѣ на счетъ другихъ, поглощаемыхъ ею сектъ, такъ, напр., В. М. Скворцовъ ³⁾ указываетъ на то, что число послѣдователей баптистической штунды изъ года въ годъ вездѣ возрастаетъ на счетъ поглощенія этой фракціею другихъ толковъ штунды и особенно духовнаго, а также молоканства и хлыстовства, какъ равно на счетъ новыхъ совращеній изъ православія. Кромѣ того, „подъ вывѣской

---

¹⁾ Ibid. 149.

²⁾ Рус. Диссиденты, стр. 36—46.

³⁾ О Штундизмѣ и мѣрахъ борьбы съ сектою 1894 г., стр. 13.

баптизма стараются нынѣ выступать и такіе сектанты, которые совершенно не раздѣляютъ его ученія, а дѣлаютъ это въ хитромъ расчетѣ на извѣстный законъ 1879 г. о баптистахъ нѣмецкихъ; наконецъ, въ послѣднее время въ концѣ 1889 г. въ югозападномъ краѣ изъ среды штундистовъ выдѣлились мистики, послѣдователи явившагося въ городѣ Тарацѣ жеспасителя въ лицѣ мѣщанина Кондрата Малеваннаго; „переходъ въ мистическую малеванщину, сходную съ нервно-психическими эпидеміями среднихъ вѣковъ, совершался цѣлыми общинами иногда въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ и представлялъ собой картину стаднаго религіознаго движенія въ народной массѣ“ ¹⁾.

Разумѣется, о значеніи явленій, имѣющихъ характеръ психіатрической, не можетъ быть двухъ мнѣній, какъ бы ни относиться къ вопросу о сектантствѣ со стороны религіозной или со стороны политической; *такіе* „послѣдователи“, разумѣется, подлежатъ леченію, такъ какъ и самъ Малеванный, нынѣ призрѣваемый въ Казанской больницѣ для умалишенныхъ; относительно общественной опасности такого зараженія *психіатрическаго характера*—нельзя быть достаточно внимательнымъ, хотя и тутъ мнительность и горячность могутъ только повредить.

Тѣмъ болѣе въ другихъ случаяхъ чисто психологическаго внушенія, притомъ на религіозной почвѣ—мудрая политика, о которой я говорилъ выше, т. е. умѣренность и справедливость, а слѣдовательно и спокойствіе, должна стоять на первомъ планѣ, опредѣляя тонъ отношеній къ расколо-сектантскому міру. Далѣе мнѣ придется подробно коснуться имѣющихся по этому вопросу данныхъ и выяснить то положеніе, которое нынѣ заняли относительно сектантовъ законодательная и судебная власть.

Заканчивая этотъ очеркъ опасностей, которыми грозитъ сектантство, въ особенности штундизмъ, я еще разъ оговариваюсь, что можетъ быть нѣсколько односторонній по необ-

---

¹⁾ Ibid. 15—16.

ходимости характеръ источниковъ и литературы ¹⁾ предмета, повліялъ на общую картину положенія, придавъ ей излишнюю мрачность,—но съ другой стороны мнѣ можетъ быть удалось на основаніи, думается, вѣскихъ историческихъ данныхъ указать на возможность другой серьезной опасности не религіознаго, а государственнаго характера, создающейся на почвѣ неяснаго и невѣрнаго пониманія государственнаго значенія расколо-сектантства—прямого слѣдствія системы замалчиванія или тенденціознаго освѣщенія дѣйствительныхъ фактовъ.

Если, дѣйствительно, въ процессѣ распространенія штунды играютъ важную роль,—а это, повидимому вытекаетъ изъ историческихъ данныхъ, приведенныхъ выше—раціоналистическое теченіе, охватывающее уже не первое столѣтіе—область не только религіозную, то считается съ этимъ факторомъ призваны, разумѣется, не спеціально духовные элементы государства, а само государство и притомъ не обремененное нуждающимися въ поддержкѣ союзниками; въ этомъ случаѣ важно вспомнить тѣ руководящіе принципы, которыми я началъ эту главу.

Основной и главный общій выводъ изъ нихъ въ связи съ фактическими данными, сгруппированными мною, слѣдующій: въ занимающемъ насъ вопросѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, важно помнить, что у государства есть свои независимые отъ церкви интересы и обязанности, и обратно въ такомъ же положеніи находится и церковь: было бы большою ошибкой и могло бы вызвать очень опасныя послѣдствія—смѣшеніе въ цѣляхъ и въ дѣятельности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ.

---

¹⁾ Сочиненія антисектантскія и официальные источники, представляя собой наиболѣе доступный и удобный для цитированія матеріалъ, проникнуты, если можно такъ выразиться, педагогическимъ духомъ, естественно вреднымъ въ научномъ отношеніи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средства и приемы борьбы съ отступниками.

Смѣшеніе государственной и церковной точекъ зрѣнія, опасность котораго такъ ясна въ теоріи и такъ наглядно подтверждается фактами, приведенными въ первой главѣ, можетъ являться въ разныхъ видахъ въ зависимости отъ того положенія, которое занимаетъ церковь относительно государства, отъ взаимныхъ отношеній между духовной и свѣтской властями. Бываетъ такъ, что духовная власть превращаетъ государство въ послушное орудіе, болѣе или менѣе открыто направляя его къ достиженію своихъ специально-церковныхъ цѣлей,—такъ, на примѣръ, дѣйствовали папы; цѣли эти, разумѣется, могутъ быть и духовныя, и чисто личныя, на примѣръ, преуспѣяніе или обогащеніе церковниковъ и храмовъ. Но бываетъ и наоборотъ, что государство своей силой помогаетъ прочности и устойчивости того или другого вѣроисповѣданія и, объявляя его господствующимъ, смѣшиваетъ свои цѣли съ цѣлями господствующей религіи; въ подобныхъ случаяхъ смѣшеніе интересовъ духовныхъ и свѣтскихъ, а въ особенности принциповъ и приемовъ дѣятельности двухъ столь различныхъ по природѣ факторовъ, какъ церкви и государства, можетъ явиться источникомъ большихъ неустройствъ.

Возможно, на примѣръ, что государство, опекая церковь, направится по пути преслѣдованія вѣроисповѣдныхъ интересовъ и увлечется на этомъ пути до эксцессовъ, уже невыгод-

ныхъ самой церкви; наоборотъ, духовная власть, чувствуя надъ собою руку заботливаго защитника, легко можетъ опуститься до полной бездѣтельности въ духовномъ смыслѣ слова, такъ какъ разсчитываетъ на охрану со стороны свѣтской власти какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ.

Вполнѣ понимая, насколько трудно касаться такихъ темъ въ настоящее время, я, естественно, долженъ ограничиться теоретической почвой; но, съ другой стороны, богатый матеріалъ, который даетъ намъ исторія раскола и сектанства въ Россіи, разрабатываемый совершенно объективно, позволяетъ приводить очень интересные примѣры, поясняющіе и доказывающіе изложенные выше теоретическіе выводы; такое уклоненіе въ исторіи, до извѣстной степени, вынуждено также давно принятою у насъ системою тайны въ дѣлѣ раскола, хотя тайна эта, въ скобкахъ сказать, совершенная фікція для самихъ раскольниковъ и потому едва-ли имѣетъ практическое значеніе; съ другой стороны, секретность принимаемыхъ мѣръ создаетъ большія затрудненія не только для изслѣдователей вопроса, но и для практическихъ дѣятелей, напримѣръ, юристовъ, отъ которыхъ, однако, ожидается не только поддержка духовной власти, но и сочувствіе по ея адресу въ дѣлѣ искорененія раскола—сектанства. *Dura lex sed lex*—и потому въ тѣхъ примѣрахъ, которые я себѣ позволю привести въ этой общей части, я не пойду далѣе 1874 года, руководствуясь тѣмъ что съ момента изданія закона 19 апрѣля 1874 г. о полицейскихъ метрическихъ книгахъ для раскольниковъ государство вступило твердо на путь дѣйствительной, не побазной только вѣротерпимости, почему все предъидущее и теоретически, и практически стало исторіею, разработка которой ни для кого не обидна и ничему повредить не можетъ.

Разумѣется, легко представить себѣ, а можетъ быть, и найти случаи временнаго возврата къ давно и недавно минувшимъ традиціямъ, какъ въ лицахъ, такъ и въ учрежденіяхъ; но эти случаи атавизма, разумѣется, не могутъ быть приняты во вниманіе, какъ исключительное и уже осужденное безповоротнo направленіе. О трудности сохранить равновѣсіе во взаимной дѣятельности русской свѣтской и духовной власти

свидѣтельствуесть вся исторія сектантства и раскола въ Рос-
сiи; какъ въ законодательствѣ и административныхъ мѣрахъ,
такъ и въ литературѣ мы видимъ, что идетъ непрерывная
борьба не только между еретиками и правовѣриемъ, не только
между духовной и свѣтской властью за преимущественное
вліяніе въ этихъ вопросахъ, но какъ государственная, такъ
и церковная власть, каждая, въ свою очередь, испытываетъ
раздвоеніе сама въ себѣ: обѣ колеблются отъ времени до
времени между необходимостью публичности и соблазномъ
тайныхъ мѣръ, стараются въ одно и то же время энергично
вліять на религіозныя мнѣнія, не впадая, однако, въ опасность
показаться „гонителями“. Дѣйствительно, значеніе гоненій,
благодаря которымъ развилось и окрѣпло само христіанство,
слишкомъ хорошо извѣстно, въ особенности церковникамъ.
Но борьба есть борьба и, какъ таковая, легко приводитъ къ
увлеченіямъ.

Въ „Миссіонерскомъ обзорѣніи“ ¹⁾ напечатана интересная
статья подъ заглавіемъ „Церковно-государственныя возрѣ-
нія митрополита Филарета на расколъ и секты“. Высоко-
авторитетный Святитель, многолѣтняя дѣятельность котораго
захватила и періодъ реформъ въ послѣднихъ годахъ цар-
ствованія Императора Николая I, и счастливѣйшіе годы
царствованія Александра II, былъ несомнѣннымъ сторонникомъ
„тѣснаго союза алтаря и престола и ясный противникъ прин-
ципа полной свободы вѣроисповѣданія“, которую онъ называлъ
„избыточествующею вѣротерпимостью“; онъ полагалъ, что
терпимость должна быть ограничиваема справедливостью и
осторожностью, такъ какъ оказывать „чрезмѣрную терпимость
злу“ значитъ подавать ему орудіе противъ добра; онъ былъ
рѣзкій противникъ признанія какихъ-бы то ни было правъ
за раскольниками и, резюмируя взглядъ всего предшествую-
щаго ему періода, утверждалъ, что въ раскольникахъ есть яв-
ное стремленіе къ тому, чтобы образоваться въ „сомкнутую
отдѣльность“ отъ общаго государственнаго устройства.

---

¹⁾ Февр. 1900 г.

Охраненіе православной вѣры со стороны православнаго государства онъ считалъ „кореннымъ правиломъ“, отъ начала существующимъ; вотъ почему весьма многозначительно то указаніе, которое онъ дѣлаетъ на трудность согласовать дѣятельность государства и церкви, рѣзко подчеркивая, что церковь не должна *слишкомъ много успѣвать въ своемъ вліяніи на государство*. „Со времени равноапостольнаго Константина, — писалъ митрополитъ въ 1866 г. къ преосвященному Алексію, въ послѣдствіи архіепископу Тверскому, — государственная власть ограждала миръ церкви оплотомъ государственныхъ законовъ. Потомъ, когда въ Римѣ государственная власть ослабѣла, папы вздумали, не довольствуясь оборонительною помощью государства, наступательно дѣйствовать на государство и *слишкомъ много въ семь успѣли* ¹⁾). Наконецъ, возникло противодѣйствіе, и государства, усиливаясь свергнуть папское иго, начали разрушать и охранительные для церкви оплоты. Предубѣжденные въ пользу западной образованности перенесли такое дѣйствованіе и туда, гдѣ церковь никогда не отягощала государства, а всегда помогала ему“ ²⁾).

Болѣе или менѣе послѣдовательныя въ защиту православія мѣры, направленныя отчасти къ воссоединенію отпадшихъ отъ православія со стороны церкви, отчасти къ пресѣченію распространенія раскола со стороны свѣтской власти, предпринимаются уже, начиная съ 1800 года, и всѣ онѣ имѣютъ признаки указаннаго выше принципиальнаго раздѣленія труда между церковью и государствомъ; можно сказать, что до послѣдняго времени возможное отграниченіе свѣтской власти отъ духовной ревниво наблюдается какъ въ царствованіе Александра I и Николая I, такъ и во всѣ позднѣйшія царствованія, причемъ можно отмѣтить какъ общее правило, почти не знающее исключенія, что почти полное раздѣленіе достигается въ области законодательной и судебной; разные указы слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было вмѣшательства въ судебныя

---

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Письма къ архіепископу Тверскому Алексію, 1. с., 263—269 стр.

дѣла со стороны духовныхъ властей, и важныя законодательныя работы общаго значенія, какъ, на примѣръ, устраненіе изъ 197 ст. улож. о наказ. (законъ 1 мая 1884 г.) перечисленія особо вредныхъ сектъ, происходитъ безъ участія духовнаго вѣдомства; этотъ оттѣнокъ наблюдается такъ старательно, что законъ 4 іюля 1894 г. о штундистахъ, въ проведеніи котораго принимало дѣятельное участіе духовное вѣдомство, проводится мимо государственнаго совѣта ¹⁾).

Съ другой стороны, что совершенно естественно, вопросы чисто церковнаго значенія, какъ, на примѣръ, при установленіи единовѣрія знаменитыми пунктами преосвященнаго митрополита Платона, представляютъ собой непосредственное утвержденіе 27 октября 1800 г. резолюцій митрополита Государемъ, причемъ не видно никакого участія свѣтскихъ установленій. Не такъ стоитъ дѣло съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое, дѣйствуя въ административномъ порядкѣ, соприкасается очень близко къ духовной власти какъ на почвѣ общихъ сношеній съ нимъ, такъ и въ частности при разсмотрѣніи духовныхъ вопросовъ въ специальныхъ комитетахъ; какъ, на примѣръ, 21 іюня 1853 года было учреждено при министрѣ внутреннихъ дѣлъ особенное временное управленіе изъ 5 чиновниковъ—двухъ изъ духовнаго вѣдомства, трѣхъ изъ министерства, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; управленіе это, подчиненное министру внутреннихъ дѣлъ, было ввѣрено тайному совѣтнику камергеру Войцеховичу, управляющему канцелярією Святѣйшаго Синода; это управленіе завѣдывало производствомъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ и, въ частности, вѣдало исполненіе цѣлаго ряда Высочайшихъ указовъ относительно раскольниковъ. Значеніе этого направленія было таково, что въ ту же осень 11 октября было упразднено III отдѣленіе (по департаменту общихъ дѣлъ) въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, возстановленное, впрочемъ, 7 февраля 1857 г. Надо сказать, что рядомъ съ этимъ дѣйствовали во всѣхъ главныхъ пунктахъ распространенія рас-

---

¹⁾ Вѣстникъ Европ. Январь 1895. Внутреннее обозрѣніе.

кола и сектантства постепенно учреждаемые, начиная съ 3 ноября 1838 года, секретные совѣщательные комитеты „подѣламъ, касающимся до сектаторовъ, раскольниковъ и отступниковъ отъ православія“; при этомъ „для преподаванія твердости и согласности принятымъ мѣрамъ противъ ихъ заблужденія“ епархіальный архіерей и начальникъ губерніи должны были имѣть личныя секретныя совѣщанія, приглашая при случаѣ и предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ; въ этотъ же комитетъ входилъ и жандармскій штабъ-офицеръ; надъ всѣмъ этимъ, однако, уже съ властью не только совѣщательною, но и исполнительною, продолжалъ стоять секретный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, учрежденный 14 марта 1825 года и соединившій въ себѣ дѣятельность преосвященнаго Кіевскаго митрополита Евгенія, управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министра народнаго просвѣщенія. Неясно, впрочемъ, продолжалъ-ли существовать именно этотъ комитетъ этого состава до 1858 г., такъ какъ въ періодъ между 1853 и 1855 годомъ недолго дѣйствовалъ еще „особый комитетъ“; во всякомъ случаѣ, въ указѣ 5 декабря 1834 г. упоминается въ примѣчаніи, что административныя дѣла объ отступникахъ отъ св. вѣры, предположенія о новыхъ узаконеніяхъ, о мѣропріятіяхъ и дѣлахъ, подлежащихъ особой тайнѣ, вносятся къ министру внутреннихъ дѣлъ въ особо учрежденный въ С.-Петербургѣ секретный совѣщательный комитетъ, который заключенія свои представляетъ на Высочайшее утвержденіе, а въ указѣ 17 апрѣля 1855 г. тоже говорится о секретномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго, куда переданы всѣ дѣла и бумаги особаго комитета 1853 года. 20 января 1858 г. секретному комитету по дѣламъ о раскольникахъ было Высочайше указано, что онъ „занимается гораздо болѣе разсматриваніемъ многочисленныхъ частныхъ случаевъ, чѣмъ рѣшеніемъ общаго вопроса о системѣ дѣйствій правительства въ отношеніи къ расколу и что самое существованіе комитета какъ бы изъясняетъ раскольниковъ отъ зависимости ихъ отъ общихъ для всѣхъ подданныхъ Государя Императора правительственныхъ и судебныхъ учреждений и тѣмъ, самъ на-

рушая общую систему и единство управленія, образовавъ изъ раскольниковъ какое то особое сословіе“; въ отвращеніе сего, комитету было Высочайше повелѣно обсудить цѣлый рядъ вопросовъ объ ограниченіи его дѣйствій разсмотрѣніемъ общей системы по изслѣдованію различныхъ толковъ раскола и по составленію статистики и описанія раскола черезъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ предметомъ; затѣмъ имѣть въ виду предоставить всѣмъ дѣламъ „о расколѣ“ и о раскольникахъ общее законное теченіе, т. е. „дѣла законодательныя вносить подлежащимъ министрамъ въ Государственный Совѣтъ, въ высшій административный комитетъ министровъ, а судебныя вести обыкновеннымъ порядкомъ черезъ общія судебныя мѣста“. Всѣ эти пункты было Высочайше повелѣно обсудить въ собраніи комитета, *„не прилашая въ оное духовныхъ членовъ“*, и рѣшеніе послѣдовало въ изложенномъ выше смыслѣ, причемъ комитетъ призналъ, что *„при обсужденіи общихъ правительственныхъ мѣръ въ комитетѣ въ отношеніи къ расколу, само собою разумѣется, надлежитъ избѣгать всякихъ принудительныхъ и насильственныхъ средствъ“* ¹⁾.

Замѣчательно, что еще въ Высочайше утвержденномъ 3 февраля 1825 г. положеніи *комитета министровъ* было постановлено въ длинномъ рядѣ правилъ, противъ жидовской ереси направленныхъ, чтобы губернскія начальства, въ огражденіе распространенія секты, дѣйствовали безъ всякаго участія духовной власти. Съ другой стороны, обязанности духовной власти, перечисленные въ особомъ отдѣлѣ, сводились къ употребленію „способовъ убѣжденія, священнымъ правиламъ нашей религіи собственнымъ, къ обращенію отступниковъ паки въ нѣдра церкви“; здѣсь-же было указано, что, рядомъ съ образованіемъ дѣтей въ училищахъ, рекомендуемымъ какъ средство къ отвращенію вѣрозаблужденій, приходскіе священники „не должны домогаться какими либо явными дѣйствіями или усиліями къ обличенію отступниковъ; имъ надлежитъ только пользоваться приличными случаями къ краткому увѣщанію, а въ распоря-

---

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

женіяхъ, принадлежащихъ къ гражданскому начальству, не должны они принимать *никакого участія*“.

Не слѣдуетъ думать, что эти несомнѣнно мудрыя указанія, которыя могли бы служить программой и для нынѣшняго времени, обязаны своимъ существованіемъ только высокогуманному, нѣсколько сантиментальному направленію личности Александра Благословеннаго, такъ какъ, во первыхъ, всю 2-ю половину царствованія Александръ былъ уже другой,—это было время господства Аракчеева—и мы какъ бы слышимъ голосъ послѣдняго въ 13 пунктѣ „обязанностей гражданского начальства“ ¹⁾ дословно слѣдующаго содержанія: „какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращать его ищутъ, и что именно средство сіе употребляютъ, какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и субботники, въ отношеніи православной вѣры, то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жида, ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ или придерживающихся Моисеева закона не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того въ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“ ²⁾.

Дѣло въ томъ, что безъ исключенія во всѣхъ царствованіяхъ вездѣ звучитъ одинъ и тотъ же мотивъ по отношенію къ расколу; призывъ къ осторожности, неспѣшности и умѣренности дѣйствій, а вмѣшательство духовныхъ лицъ въ судебныя дѣла энергически устраняется; такъ, напримѣръ, указомъ 14 марта и 15 апрѣля 1835 г. признано неудобнымъ участіе депутатовъ съ духовной стороны при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ о раскольникахъ; изъ указа Правительствующаго Сената отъ 21 мая 1849 г. видно, что управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру юстиціи о

---

¹⁾ Положеніе комитета министровъ 3-го февраля 1825 г.

²⁾ Ibid.

томъ, вопреки указамъ, въ судебныхъ мѣстахъ допускаются депутаты съ духовной стороны, и ссылался при этомъ па строгій выговоръ за такое упущеніе, сдѣланный членамъ Олонецкой палаты Сенатомъ. Въ частности, даже по отношенію къ духовнымъ миссіонерамъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 4 апрѣля 1837 года изъяснено, что духовные миссіонеры отнюдь не должны уклоняться отъ данныхъ имъ инструкцій и выходить изъ постановленныхъ для нихъ предѣловъ; „о замѣчаемыхъ-же ими неправильныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ доводятъ тоѣмо до свѣдѣнія своего духовнаго начальства, не преслѣдуя ихъ доносами гражданскому начальству“.

Нечего и говорить, что присутствіе въ судебныхъ совѣщаніяхъ духовныхъ депутатовъ Уставами 1864 г. совершенно отстранено, но въ Уставахъ получили зато полное право гражданства термины духовное начальство и духовное правительство. Сопоставляя полное запрещеніе миссіонерамъ въ 1837 году возбуждать дѣла противъ раскольниковъ съ тѣмъ, что по указу 1825 года приходскіе священники не должны „домогаться какими либо явными дѣйствіями или усиліями къ обличенію отступниковъ“, нельзя не видѣть въ этихъ указаніяхъ, что миссіонерское дѣло съ точки зрѣнія внутренней политики Императора Николая I не терпитъ насилія, и что пользованіе, въ цѣляхъ обличенія со стороны приходскаго духовенства, обращеніемъ къ власти, разумѣется, дискредитируетъ самое увѣщаніе представителя духовнаго начальства, превращая его въ приказъ; само собою понятно, что приказу не свойственно смягчать душу, а приказывающему неудобно терпѣть ослушаніе. Отсюда, казалось-бы, ясно, что исторія законодательства нашего должна была естественно привести, да и привела къ учрежденію особыхъ, не изъ членовъ епархіи, миссіонеровъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ; но она, къ сожалѣнію, не довела до конца устраненіе епархіальнаго духовнаго начальства отъ несвойственной ему миссіонерской дѣятельности. Весьма вѣроятно, что именно въ этомъ и кроется причина того особеннаго озлобленія противъ приходскаго духовенства и недовѣрія къ нему, которое такъ раздражаетъ духовное правительство и его представительство.

Выше мы уже встрѣчались съ тѣмъ, что, какъ вслѣдствіе смѣшенія властей гражданской и духовной, такъ и въ пылу борьбы противъ сектантовъ, легко зарождается чувство раздраженія противъ заблудшаго сына Церкви, который невольно представляется такому миссіонерствующему начальству послушникомъ. Весьма и весьма трудно удержаться при этомъ условіи на высотѣ проповѣдника, дѣйствующаго только силою убѣжденія и покоряющаго еретика главнымъ образомъ любовной заботой его о душѣ обращаемаго. Но прямая опасность и для дѣла, и для лицъ возникаетъ тамъ, гдѣ, увлекаясь борьбой, противникъ сектантовъ, миссіонеръ—будь онъ духовный или мірянинъ, или изслѣдователь—начинаетъ видѣть въ сектантѣ врага не только религіи, но даже и государства и, кстати, чуть не личнаго; еще неудобнѣе и опаснѣе, если онъ отнесется къ нему непріязненно, какъ къ представителю ненавистнаго принципа, напр. раціоналистическаго или соціалистическаго; тогда, разумѣется, и борьба окажется бесплодною, а такой боецъ и сторонникамъ своимъ не безъ основанія покажется неудобнымъ и нежелательнымъ союзникомъ; ближайшимъ послѣдствіемъ указаннаго выше раздраженія явится смѣшеніе въ одно цѣлое подъ общимъ именемъ *врага* и сектанта, и мистика, и глубоковѣрующаго „простаца“—раціоналиста и изувѣра, и умалишеннаго; совершенно ясно, что представители послѣднихъ двухъ группъ сектантовъ, т. е. изувѣры и больные, могутъ оказаться фактически среди искренно вѣрующихъ членовъ секты; но, разумѣется, миссіонеръ, какъ и сдѣлалъ Н. И. Ивановскій, не будетъ стараться убѣждать первыхъ; какъ умалишенный, такъ и изувѣръ не сектанты, а больные; къ нимъ примѣнимы мѣры полиціи, мѣры призрѣнія, мѣры медицинскія, а не духовныя; тотъ дѣятель, у кого по какимъ бы то ни было причинамъ смѣшались эти типы или религіозное, полицейское или политическое значеніе сектантства въ одно неразрывное цѣлое, при воспроизведеніи въ рѣчи или въ книгѣ общей картины сектанства, находится въ очень опасныхъ условіяхъ и рискуетъ затѣять бесплодную борьбу съ врагомъ, стоящимъ внѣ его сферы, какъ миссіонера, а въ наилучшемъ случаѣ, если дѣло до борьбы не дошло,

дать невѣрное представленіе слушателямъ или читателямъ, какъ объ общей картинѣ *вражескаго* лагеря, такъ и о задачахъ своей дѣятельности.

Въ виду этихъ соображеній, представляется небезынтереснымъ познакомиться нѣсколько съ полемической литературой въ лицѣ наиболѣе компетентныхъ представителей какъ духовной, такъ и свѣтской фракціи.

Въ устраненіе всякаго личнаго характера, я остановлюсь не надолго на двухъ коллективныхъ трудахъ: во первыхъ,— общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія церкви, существующаго въ Кіевѣ съ 18 ноября 1893 г., и, во вторыхъ,— на дѣяніяхъ третьяго Всероссийскаго миссіонерскаго съѣзда, изданныхъ, первое, какъ и второе, въ 1888 году въ г. Кіевѣ подъ редакціей дѣятеля печати, редактора-издателя „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода В. М. Скворцова. Дѣлать теперь же самому какой либо выводъ изъ этихъ трудовъ, богатыхъ догматическимъ содержаніемъ, было бы безцѣльно въ данномъ случаѣ, такъ какъ насъ интересуетъ характеръ, настроеніе каждой изъ этихъ группъ дѣятелей, соединившихся предъ лицомъ сектантскаго міра ради одолѣнія его.

Счастливый случай позволяетъ мнѣ воспользоваться тѣмъ, что каждому изъ этихъ изданій предпосланы рѣчи, о которыхъ съ нѣкоторымъ правомъ можно заключить по ихъ мѣсту, что онѣ отвѣчаютъ настроенію, по крайней мѣрѣ, большинства дѣятелей этихъ группъ.

Въ первой книгѣ подъ заглавіемъ „восемь миссіонерскихъ собесѣдованій“ на первомъ мѣстѣ помѣщена статья секретаря общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія свящ. Прозорова подъ заглавіемъ „вмѣсто предисловія“; во 2-й книгѣ „Дѣянія съѣзда“ напечатана произнесенная въ день открытія съѣзда рѣчь дѣлопроизводителя послѣдняго, В. М. Скворцова, избраннаго затѣмъ предсѣдателемъ комисіи по разработкѣ вопросовъ о новѣйшемъ сектантствѣ.

Вотъ что говоритъ свящ. Прозоровъ: „отличительной чертой штундизма является фанатическая ненависть къ церкви и непримиримая вражда къ православнымъ; каждому штун-

дисту внушается, что въ православной церкви всѣ—отъявленные грѣшники, пьяницы, воры и т. п., а въ штундѣ всѣ непорочны сердцами, всѣ святы . . . .

„Когда спрашиваютъ штундиста, въ какой церкви принадлежалъ онъ до перехода въ штунду, штундистъ отвѣчаетъ не иначе, какъ только такъ: прежде онъ былъ воромъ, пьяницей и любодѣемъ, а теперь сталъ непорочнымъ членомъ братства, исповѣдующаго Евангельскую вѣру . . . .

„Самообольщеніе поразительное, гордость и самопревозношеніе чисто фарисейскія“.

„Правда, трезвость и трудолюбіе подкупаютъ въ пользу штундистовъ . . . . Всякая секта въ началѣ своего существованія держится на извѣстной нравственной высотѣ, въ виду новизны и исключительности своего положенія . . . . Но съ увеличеніемъ членовъ нравственность падаетъ“.

„Какъ и всякая секта, штундизмъ начинается съ гордости, держится своеволія и разнузданности религіозной мысли, питается ненавистью и враждою къ православнымъ . . . . Не прогрессъ въ немъ и не культурное развитіе, а патологическое состояніе и болѣзнь духовная, болѣзнь опасная, такъ какъ развивается она не на религіозной только почвѣ, но и на социально-экономической“.

„Русскій колоссъ мощенъ вѣрою православною . . . . Болѣзнь причинена ему штундизмомъ, этою новинкою шестидесятыхъ годовъ, которая вышла отъ нѣмцевъ . . . . Понравилась эта новинка прежде всего тѣмъ, кого призывала она отвергнуть авторитетъ Православной Церкви и созданнаго имъ государства и руководствоваться въ религіозной и обще-государственной жизни указаніями лишь своего разума и велѣніемъ только своей личной воли“.

По тѣмъ же вопросамъ, въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько подробнѣе высказался В. М. Скворцовъ, сдѣлавъ заключенія, что, въ виду органической вѣковой связи между собой, *все вопросы вѣры и церкви у насъ на православной Руси въ то же время суть и вопросы государственные.*

Призывая къ работѣ членовъ съѣзда противъ раскола и сектантства, онъ тоже говоритъ о томъ, что „могучій колоссъ россійской державы прежде всего и болѣе всего обосновался

на твердынь православія“ . . . „Горе, если въ православной Руси наступитъ господство принциповъ ненормальной свободы и совѣсти и пропаганды сектъ—какъ того желаютъ враги Церкви и Отечества! Это будетъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ подкоповъ подъ кремль Руси“ . . . Затѣмъ, установивъ положеніе, что „войнамъ первѣе всего нужно знать, гдѣ *вражій станъ* ¹⁾ и что въ немъ предпринимается“, В. М. Скворцовъ указываетъ, что враждебныя противъ миссіи вылазки чаще всего идутъ со стороны тѣхъ интеллигентовъ, которые укрѣпились на верху горы общественной жизни, и поясняетъ, что большинство въ обществѣ „теплохладно“ къ православной вѣрѣ и церкви, а далѣе говорить о такой части общества, для которой „всѣ вѣры и секты превосходны, одно лишь православіе никуда не пригодно, потому что держать народъ въ страхѣ Божиѣмъ, въ повиновеніи закону и правительству“. Далѣе, В. М. Скворцовъ говоритъ, что „накопилось довольно фактовъ, указывающихъ, что сектантскія лжеученія, разрушая религіозное міросозерцаніе народа, создаютъ въ народной средѣ благопріятныя условія для развитія противогосударственныхъ идей“.

Что касается собственно штунды, то В. М. Скворцовъ указалъ на нѣкоего крестьянина Ч., проповѣдника штунды, послѣдователи котораго учинили во имя идей рядъ преступленій, и очертилъ противоправительственный характеръ штунды; затѣмъ, онъ подѣлился со съѣздомъ свѣдѣніями о недавнемъ „сюрпризѣ изъ міра сектантства мистическаго“, члены котораго, принадлежащіе къ новой сектѣ, крещеніемъ признаютъ самоубійство по примѣру Іуды; вспоминая по пути толстовщину и тираспольскихъ изуверовъ, В. М. Скворцовъ заключаетъ такъ: „Нашъ долгъ предостеречь стражу и Отечество, что отдѣлившееся отъ единства Церкви, укоренившееся въ свободѣ мыслей, сектантство наше представляетъ собою и въ государственномъ отношеніи горючій матеріалъ, который при анархической искрѣ, подобной духоборческой, способенъ съ теченіемъ времени въ любомъ мѣстѣ разразиться страшнымъ

---

¹⁾ Курсивъ мой.

политическимъ пожарищемъ, загубить свѣжую атмосферу духовно-политическаго міросозерцанія нашего православнаго населенія и тѣмъ сыграть въ руку враговъ церкви и отечества“.

Въ виду той приподнятой нѣскольбо высоты, съ которой смотритъ В. М. Свѣрцовъ на задачу миссіонера, мысль моя невольно обращается къ тѣмъ простецамъ, вродѣ Чепурнаго, о которыхъ съ такой благодарностью вспоминають антисектантскіе писатели.

Въ „Миссіонерскомъ обзорѣни“ за февраль 1900 г. разсказана М. Беринскимъ (стр. 347) встрѣча его въ Петербургѣ на имперіалѣ конки съ рабочимъ-проповѣдникомъ.

Дѣло началось съ того, что этотъ человѣкъ въ неряшливомъ костюмѣ, перекрестившись, началъ пѣть „Господи возвахъ“ на 5-й гласъ; „голосъ былъ тихъ, но пѣніе было безупречно правильное и умиленное, слышна была молящаяся душа“. Пассажиры притихли, иные перекрестились, „изъ разговора выяснилось, что это простецъ особаго рода“; твердость рѣчи свидѣтельствовала, что подъ этой невзрачною наружностью скрываются и чувства глубокія, и умъ развитой. На вопросъ, „знаетъ-ли онъ писаніе, онъ отвѣтилъ: умудряетъ Господь неуча, по милости Божіей, понимаю кое-что и таланта въ землю не зарываю, служу и Богу, и немощной братіи“.

— „Какой“?

— „Иже рекутся мудріи быти, а сами объюродѣша. Всякіе тутъ есть: и старообрядцы глаголемые, и пашковцы, и іудей попадется. Говорю съ каждымъ по сердцу, отъ Евангелія, и не безъ плода бесѣда бываетъ“.

— „Ты значить миссіонеръ“?

— „Не миссіонеръ, а собесѣдникъ“.

Этимъ лѣтомъ въ родной деревнѣ, недалеко отъ Москвы, скончался Е. А. Антоновъ, дѣятельный членъ миссіонерскаго братства Св. Митрополита Петра. Его особенно чтили въ заинтересованныхъ кругахъ, какъ сильнаго борца съ расколомъ, уважаемаго и популярнаго въ *обоихъ лагеряхъ*. Судьба этого человѣка довольно своеобразна. Родомъ изъ крестьянъ, принадлежа къ раскольникамъ австрійскаго толка, Е. А. Анто-

новъ числился любимымъ ученикомъ и наставникомъ раскольничьяго архіерея Антона Шутова; но вдругъ въ 70-хъ годахъ Антоновъ обратился въ православіе, прилѣпился къ борцу съ расколомъ, архимандриту Павлу, и такъ же сблизился съ этимъ, какъ раньше съ Шутовымъ. Его жизнь за послѣднія 20 лѣтъ прошла въ непрерывныхъ диспутахъ и обличеніи ереси.

Предъ нами прошелъ рядъ миссіонерствующихъ типовъ бойцевъ за православіе, отъ профессора до простолудина простеца, какъ говорится въ антисектантской литературѣ, и мы ясно видимъ рѣзкую разницу въ настроеніи, съ одной стороны, дѣятелей болѣе или менѣе далеко стоящихъ отъ литературы и интеллигентныхъ теченій и, съ другой, настроеніе группы, стоящей ближе къ интеллигенціи и болѣе слѣдящей, такъ сказать, теоретическую сторону дѣла. Необходимо разобраться въ томъ, откуда у этихъ послѣднихъ, какъ мы видѣли на крупныхъ примѣрахъ секретарей съѣздовъ и обществъ, а дальше увидимъ и въ постановленіяхъ съѣздовъ, настолько значительная степень горечи по адресу и властей, и образованнаго средняго класса, что, разумѣется, весьма трудно и ожидать встрѣтить у миссіонеровъ этого типа незлобивость и простоту, съ которыми „не миссіонеръ, а собесѣдникъ“ подходитъ къ сектанту, „говорить съ каждымъ по сердцу, отчего и не безъ плода бесѣда бываетъ“.

Чувствуется затаенная обида, можетъ быть правильная, можетъ быть неосновательная, но во всякомъ случаѣ искренняя.

Священникъ Прозоровъ въ указанномъ уже выше предисловіи къ брошюрѣ: „Восемь миссіонерскихъ собесѣдованій“ такъ прямо и начинается съ заявленій о томъ, что „публичными преніями о вѣрѣ опровергается и злонамѣренная клевета на православную церковь, будто она со своими представителями духовными и свѣтскими преслѣдуетъ за вѣру и повторяетъ времена гоненія на христіанъ, причѣмъ мучениками за вѣру и благочестіе являются разнаго рода сектанты, особенно штундисты, а гонителями—православное духовенство“, затѣмъ, анализируя эту „клевету“ и высказавъ по пути, надо думать, исключительно личное мнѣніе, что кому Церковь

не мать, „тому и Богъ не Отецъ“, священникъ Прозоровъ ¹⁾ замѣчаетъ, что насколько въ потаенныхъ углахъ можно съ успѣхомъ клеветать и рисоваться мученичествомъ, настолько же легко, если не легче, на „стогнахъ и перекресткахъ трубить о штундистскихъ добродѣтеляхъ и беззаконіяхъ православныхъ“; злонамѣренность же клеветы усматривается имъ въ томъ, что совѣсть критикановъ не возмущается при наказаніяхъ за кощунство или пропаганду со стороны католика или протестанта, „но если за то же самое судятъ и подвергаютъ наказанію штундиста, хлыста, скопца, тогда говорятъ, что это—насиліе надъ религиозной совѣстью и преслѣдованіе за вѣру“... На публичныхъ собесѣдованіяхъ, продолжаетъ нашъ авторъ— все это опровергается и дѣйствительность представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ, и пресловутыя штундистскія добродѣтели являются „фарисейскимъ самопревозношеніемъ и возмущающимъ душу лицемѣріемъ, а столь заманчиво рекламирующее штундистовъ мученичество оказывается только разчитаннымъ измышленіемъ и злою клеветою на православную церковь и ея ревнителей“. Такое открытое обращеніе къ, дѣйствительно, единственной защитѣ отъ клеветы, къ гласности, разумѣется, разчитываетъ на прямой и искренній отвѣтъ, который я постараюсь дать на твердой, утоптанной временемъ почвѣ, на почвѣ историческихъ фактовъ, разумѣется, не отъ лица штундистовъ или другихъ предполагаемыхъ виноватыхъ, а какъ „старый дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый, который спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“.

Мнѣ это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что я лично не допускаю, чтобы Церковь могла нынѣ считать гоненіе дѣйствительнымъ средствомъ и ореолъ мученичества, настоящей или кажущейся, полезнымъ элементомъ въ дѣлѣ борьбы за религію; ниже я обстоятельно докажу, что это такъ и на самомъ дѣлѣ.

Наша нынѣшняя жизнь,—не штундистская, о которой я судить не берусь,—а окружающая насъ современность, преимущественно въ интеллигентныхъ образованныхъ слояхъ, какъ

---

¹⁾ Ibid. IV.

общественныхъ, такъ и бюрократическихъ—и чѣмъ выше, тѣмъ больше—болна принципиальнымъ лицемѣриемъ и, думается мнѣ, въ этомъ отношеніи вполнѣ неизлѣчима. Дѣйствительно, даже лучшіе люди, люди идеи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ниже своихъ идеаловъ, но, любя и спасая этотъ идеаль, сознательно стараются сами, какъ представители и исповѣдники его, казаться лучше, т. е. лицемѣрятъ; остальной *Gesinde*, люди толпы, люди дѣла—въ узкомъ смыслѣ этого слова,—отъ альфы до омеги побуждаются къ лицемѣрію простымъ расчетомъ; именно они больше другихъ ради сохраненія свободы дѣйствій должны заботиться о показной сторонѣ своей репутациі, такъ какъ такимъ типамъ не дана внутренняя порядочность, а нравственный кредитъ, хотя бы внѣшній, купленный изворотливостью поведенія, необходимъ въ жизни. Но я глубоко убѣжденъ, что въ словахъ священника Прозорова звучитъ не мотивъ лицемѣрія, онъ дѣйствительно глубоко оскорбленъ тѣмъ, что считаетъ злонамѣренной клеветой, и вполнѣ, можетъ быть, искренно думаетъ, что та ограниченная гласность, которую даютъ сами и которую пользуются собесѣдованія, можетъ достаточно опровергнуть предполагаемое имъ обвиненіе; я даже готовъ допустить, что предубѣжденіе противъ Цервыи, будто бы требующей гоненія, существуетъ; но для признанія наличности злого намѣренія необходимо, чтобы отсутствовала всякая почва въ нашемъ историческомъ прошломъ и въ нашей дѣйствительности для образованія самаго предубѣжденія.

Итакъ, разсмотримъ вопросъ, есть-ли основаніе думать, что гоненія входятъ въ расчеты цервыи, и не существуетъ-ли, въ виду предполагаемаго мною отрицательнаго отвѣта на вопросъ, такихъ данныхъ въ теоріи и практикѣ охраненія православія, которыя породили и укрѣпили такой невѣрный для нынѣшняго времени, какъ я думаю, взглядъ на русскихъ церковниковъ.

Возьмемъ самый невинный случай, напр., въ литературѣ, гдѣ строго объективный изслѣдователь, священникъ Рождественскій ¹⁾—я намѣренно не касаюсь полемистовъ—и тотъ

---

¹⁾ Южно-русс. штундизмъ, стр. 165.

съ чувствомъ особаго удовлетворенія говорить о каторгѣ, объ административныхъ высылкахъ, о надзорѣ полиціи и тому подобныхъ мѣрахъ, которыми „судебная и административная власть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ дѣлѣ подавленія секты приходятъ на помощь власти духовной“; самый терминъ подавленія въ устахъ священника уже соблазнителенъ. Посмотримъ приводимые имъ факты, наводящіе на такія же размышленія.

Командированный въ 1873 году въ село Чаплинку, Косяковку и друг., миссіонеръ іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, не успѣвъ обратить въ православіе ни одного штундиста, лично подалъ заявленіе генераль-губернатору о необходимости выслать главныхъ руководителей штунды; на это заявленіе, переданное въ министерство внутреннихъ дѣлъ, послѣднее отвѣчало отказомъ, объяснивъ, что не признаетъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ этихъ лицъ, такъ какъ „высылка сектаторовъ изъ одной мѣстности въ другую, какъ административная мѣра, нерѣдко принимавшаяся въ прежнее время, всегда приносила одинъ только вредъ; сектаторъ, благодаря своей высылкѣ, пріобрѣталъ въ глазахъ своихъ послѣдователей гораздо большее значеніе, чѣмъ то, какимъ онъ пользовался до высылки, и въ то же время, находясь вдали отъ своихъ послѣдователей, не прерывалъ сношеній съ ними. Кромѣ того, въ мѣстѣ ссылки онъ пріобрѣталъ новыхъ послѣдователей“ ¹⁾. Этотъ отвѣтъ, разумѣется, остался неизвѣстенъ штундистамъ и православному обществу, а въ село Чаплинку въ половинѣ 73 года былъ назначенъ для надзора за штундистами и для прекращенія пропаганды полицейскій чиновникъ Поповъ. Вотъ что писалъ объ немъ („Вѣра и разумъ“ 1886 г. стр. 414) бывшій слѣдователь г. Шугаевскій: „я не могъ не выразить своего удивленія относительно такого выбора: представьте себѣ пожилого человѣка, почти непрерывно пьянаго, неразвитого, грубаго и самодура, да вдобавокъ еще нечистаго на руку... Скоро патріархъ штунды, какъ прозывали его потомъ, проявилъ свои доблести. Съ суровостью началъ онъ преслѣдовать собранія штундистовъ, разгонялъ ихъ,

---

¹⁾ Ibid., 95—96.

билъ, арестовывалъ, кого и на какой срокъ вздумается. Конечно, этимъ онъ не прекратилъ штундистскихъ собраній, а только заставилъ устраивать собранія въ другихъ селахъ или даже въ томъ же селѣ, гдѣ жилъ блюститель порядка, но только поосторожнѣе и поскрытнѣе“ ¹⁾. И такъ, вотъ что было въ Киевской губерніи.

Въ Херсонской губерніи въ половинѣ семидесятыхъ годовъ выдѣлился борецъ за православіе, священникъ мѣстечка Любомірки отецъ Казакевичъ; дѣйствуя путемъ пастырскихъ увѣщаній, онъ въ то же время слѣдилъ за нарушеніями закона со стороны сектантовъ и возбуждалъ по этому поводу дѣла, вступая въ пренія съ сектантами; причемъ думалъ поколебать вѣрованія ихъ пасторскимъ словомъ, онъ, „въ сожалѣнію“, прибавляетъ священникъ Рождественскій, „не могъ успѣть въ этомъ“.

„Дѣятельность отца Казакевича, продолжаетъ нашъ авторъ, вызвала неудовольствіе со стороны свѣтскихъ властей“. Губернаторъ въ февралѣ 1876 года писалъ высокопреосвященнѣйшему Іоаннію о неактивности дѣйствій Казакевича по отношенію къ штундистамъ, относительно которыхъ онъ постоянно возбуждаетъ несправедливыя преслѣдованія, и въ заключеніе губернаторъ говоритъ, что подобное поведеніе священника Казакевича не только не можетъ быть полезно въ дѣлѣ пресѣченія штундизма, но, ожесточая поклонниковъ послѣдняго, можетъ служить даже поводомъ къ распространенію этой секты ²⁾; затѣмъ губернаторъ домогался удаленія Казакевича изъ Любомірки, гдѣ послѣдній пробылъ, однако, до 1880 года ³⁾.

Вотъ впечатлѣніе, произведенное на должностныхъ лицъ въ двухъ главныхъ пунктахъ распространенія штундизма, лицъ административныхъ и судебныхъ, дѣятельностью двухъ священниковъ, исполнявшихъ по своему разумѣнію добросовѣстно свои обязанности; какое же впечатлѣніе должно было произ-

---

¹⁾ Ibid., 97.

²⁾ Ibid., 126.

³⁾ Ibid., 127.

вести на мѣстныхъ жителей назначеніе Попова туда, гдѣ дѣйствоваль отецъ Терлецкій, и какъ могло сзаваться въ общественномъ мнѣніи оставленіе отца Казакевича въ Любомірѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ, вопреки мотивированному выше мнѣнію губернатора о его вредности.

Предѣлы моей задачи не позволяютъ мнѣ уклоняться въ сторону отдѣльныхъ примѣровъ; я считаю долгомъ только категорически указать на то, что въ увлеченіи борьбы, съ такими явленіями и впечатлѣніемъ отъ нихъ мирится рядъ дѣятелей миссіонерства, мирясь въ то же время съ увлеченіемъ въ духѣ первыхъ распространителей христіанства; такъ, напримѣръ, ректоръ казанской духовной академіи, архимандритъ Антоній, въ своей рѣчи по окончаніи третьяго миссіонерскаго съѣзда увѣщаетъ миссіонеровъ помнить, что безъ скорбей и подвига не можетъ быть плода духовнаго, что не надо робѣть предъ возстающей на проповѣдника ожесточенной злобой и что проповѣдникъ съ благодареніемъ и упованіемъ долженъ нести свой апостольскій крестъ, „пустъ его святые порывы—говорить онъ ¹⁾—встрѣчаются издѣвательствомъ, пустъ любовь его клеимится, какъ лицемѣріе, пустъ его ревность обзывается жестокостью: если все это удостоишься претерпѣть, то знай, что этотъ самый внутренній вопль наболѣвшей души есть крикъ возрожденія въ жизнь духовную для многихъ“. Заключается эта рѣчь призывомъ „вдавать плечи свои на раны и ланиты на заушенія (Ис. 50, 6), ибо всякій разъ Господь воздастъ намъ за это пріобрѣтеніемъ брата“. Вотъ несомнѣнно апостольское миссіонерское настроеніе; но по отношенію къ успѣху дѣла чувствуется сомнѣніе въ томъ, чтобы такое воинствующее смиреніе и негодующее самоотверженіе въ концѣ концовъ смягчили и обезоружили озлобленнаго сектанта. Духовная литература подтверждаетъ наше сомнѣніе въ плодотворности упомянутой психологической странности воинствующаго смиренія, указывая въ обличеніе ея на то, что наибольшій успѣхъ имѣютъ проповѣдники простецы не-іерархи, что самый санъ духовный, принадлежность въ духовнымъ вѣдомствамъ и

---

¹⁾ Дѣянія 3 Всероссійскаго М. С., стр. 39.

духовному начальству, самъ по себѣ является элементомъ, раздражающимъ сектанта; едва-ли здѣсь на первомъ планѣ можетъ быть поставлено въ качествѣ причины впечатлѣніе гоненій, встать сказать, и прежде встрѣчавшихся большею частью въ формѣ обращеній къ свѣтской власти; пусть ненависть сектантовъ диктуется гоненіями, если бы даже назвать такимъ именемъ различныя административныя мѣры, имѣющія цѣли чисто свѣтскія, но вѣдь такая ненависть обратилась бы прежде всего противъ власти свѣтской, даже при предположеніи въ духовенствѣ вдохновителей этихъ мѣръ; да сектанты, можетъ быть, по слову архимандрита Антонія, дѣйствительно „обываютъ жестокостью эту ревность“; но это будетъ всетаки недостаточно для ненависти противъ церковниковъ въ качествѣ именно гонителей.

Исторія учитъ, что мученикъ гонимый можетъ возлюбить и гонителя искренняго фанатика, но никогда не можетъ послѣдовать сближенія тамъ, гдѣ проповѣдникъ заподозрѣвается въ лицемѣрїи, въ личномъ невѣрїи въ свою тезу, въ томъ, что самъ онъ волею въ овечьей шкурѣ—и вотъ въ этомъ пунктѣ не мимо идетъ слово архимандрита Антонія, что „любовь его клеймится какъ лицемѣріе“; въ этомъ, очевидно, „тѣ раны на плечи и заушенія ланить“, о которыхъ съ такою болью вспоминаетъ ораторъ; только при такомъ толкованіи, въ связи съ очерченнымъ выше общественнымъ лицемѣріемъ нашего времени, можно психологически понять безнадежный тонъ и духовной литературы, и цитированной рѣчи, такъ какъ, вѣдь, трудно представить себѣ на самомъ дѣлѣ, чтобы властно поставленное въ русской жизни православное духовенство испытывало обратно физическія гоненія со стороны сектантовъ; вотъ съ нравственной стороны—дѣло другое. Повторяю: суть не въ бывшихъ издавна и значительно ослабѣвшихъ сравнительно гоненіяхъ, бесплодность которыхъ сознаетъ и духовенство; я позволю себѣ далѣе дать рядъ историческихъ справокъ, рисующихъ постепенное созрѣваніе теорїи бесплодности гоненій—этой единственно правильной теорїи—въ сознаніи и свѣтской, и духовной власти.

„Для истребленія раскола—говоритъ Юзовъ—употребляли

сожиганія въ срубахъ, закалчиванія, вѣшанія за боги на крюкъ . . . вообще всѣ средства были испробованы; государство налагало двойные налоги, ограничивало гражданскія права, каждый чиновникъ ¹⁾ имѣлъ неограниченное право на карманъ раскольника, а между тѣмъ расколъ не ослабѣлъ, не уменьшился, но, напротивъ того, все глубже, все сильнѣе вкоренялся въ жизнь народа“ (Сборникъ Правительственныхъ Свѣдѣній „о расколѣ“ Кельсиева, томъ IV, стр. 325). Для государства стало очевидно, что его прежняя система прямого и беззащитнаго истребленія раскольниковъ не выдерживаетъ критики ²⁾.

20 января 1762 г. Императоръ Петръ III именнымъ указомъ запретилъ преслѣдовать раскольниковъ, такъ какъ въ имперіи „и иновѣрные яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники христіане точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ которыхъ они и бѣгаютъ за границу ³⁾. Правда, духовная власть—что вполне естественно для противной стороны, выражалась языкомъ уголовныхъ уставовъ—особенно въ лицѣ такихъ людей, какъ Никонъ, и вообще духовныхъ XVII-го столѣтія, отставала отъ этого предубѣжденія позже свѣтской власти: во время путешествія Никона за мощами митрополита Филарета въ Соловки въ 1652 г. Никонъ принуждалъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей держать себя по-монашески. Царь Алексѣй Михайловичъ унималъ религиозное рвеніе Никона на томъ основаніи, что „никого де (онъ) силою не заставитъ Богу вѣровать“ ⁴⁾. Въ интересной статьѣ „Русскіе католики въ концѣ XVII столѣтія“ А. Б—ина ⁵⁾ рассказывается эпизодъ объ одномъ изъ многочисленныхъ тогда русскихъ католиковъ, діаконѣ Петрѣ: тогдашній патріархъ Андріанъ выра-

---

¹⁾ I. с. введеііе.

²⁾ I. с. 4.

³⁾ Собраніе Постановленій по части раскола кн. 1-я, стр. 586.

⁴⁾ Истор. Вѣстн. Май 1886 г. Царь Алексѣй Михайловичъ. С. Платонова, стр. 273.

⁵⁾ Истор. Вѣстн. Севт. 1886 г. стр. 596 и 598.

зился о немъ такимъ образомъ: „Онъ стоитъ за кальвиновъ, лютеровъ и пашежниковъ; я боленъ, а то бы онъ давно былъ сосланъ; да и теперъ это такъ ему у меня не пройдетъ, я нарочно для него соборъ соберу“; такой соборъ былъ собранъ, и вотъ что пишетъ Петръ своему отцу о послѣдствіяхъ. „Въ Константиновѣѣ (т. е. въ Константиновской башнѣ въ Кремлѣ) при дыбѣ стоятъ учителя нѣмцы (т. е. бояре); вмѣсто евангелія огонь и вмѣсто апостола кнудомъ просвѣщаютъ. О! коль бесполезно ихъ учительство!“, восклицаетъ Петръ. Порицая противохристіанское мучительство, Петръ имѣетъ въ виду не одного себя, онъ вспоминаетъ о людяхъ, которыхъ тогда у насъ болѣе всего притѣсняли за вѣру, о раскольникахъ: „О Боже—пишетъ онъ—даждь кратчайшій образъ и нашимъ государямъ архіереямъ о простачкахъ нашего рода капитанамъ, чтобъ они, какъ духовные, исправляли ихъ духомъ вротости; или пускай спасаютъ ихъ страхомъ, но восхищаютъ отъ огня“. Онъ обращается съ этой же просьбой и къ патриарху: „молю ваше архипастырство, да потщитесь ихъ спасти отъ огня“.

Духовный соборъ 1666 г. постановилъ наказывать раскольниковъ „не токмо церковнымъ наказаніемъ, но и царскимъ—сирѣчь городскимъ закономъ и казненіемъ“. Начались гоненія и жестокости. Вотъ что писалъ по этому поводу старовѣръ протопопъ Аввакумъ: „чудо! какъ-то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнудомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнудомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить“. Когда затѣмъ и государство вмѣшалось въ распрю народа съ церковнымъ управленіемъ, то мятежныя движенія, произведенныя въ началѣ расколоучителями въ сферѣ собственно церковной, скоро перенесены были ими въ сферу гражданской народной жизни, и во главѣ „бунтовъ“ стали являться и дѣйствовать, уже чисто въ духѣ демократическомъ, возмутители народные Хованскій, Стенька Разинъ; таковы же были и стрѣльцы подъ знаменемъ Никиты Пустосвята, когда на Петра I смотрѣли какъ на антихриста; появилось понятіе

о его печати, сопротивление переписи и податямъ и вообще установилось противогосударственное направленіе раскола и сектантства; таковы были послѣдствія гоненій XVII вѣка.

Въ ряду особо вредныхъ сектъ уже съ XVI вѣка выдѣляется секта іудействующихъ; затѣмъ постепенно присоединяются въ ней другія, во главѣ которыхъ уже со 2-й половины XVII вѣка становится скопчество; на него направлены главные удары. Еще въ 1849, 1850 и 1851 годахъ мы видимъ относительно скопцовъ то, что иначе не можетъ быть названо, какъ гоненіемъ, но уже исключительно отъ лица свѣтской власти и притомъ съ очевиднымъ злоупотребленіемъ со стороны исполнителей предначертаннаго; при этомъ предписанное употребленіе позорящихъ наказаній имѣеть въ виду отнюдь не религіозныя цѣли, а чисто государственныя и видимо стремится оградить населеніе отъ безумцевъ, „добровольно выбросившихъ себя изъ числа мужчинъ“.

При этомъ исполненіе обряда, состоявшаго въ томъ, чтобы водить по селенію оскопившихся въ женской одеждѣ и дурацкой шапкѣ, предписывалось возложить на *благоразумнаго* чиновника ¹⁾. 14 января 1850 г. такая нравственная мѣра признается общимъ правиломъ, и начальникъ Орловской губерніи въ своемъ донесеніи ²⁾ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на народъ этой шутовской процессіей. Крестьянки въ одной изъ деревень пѣли при этомъ свадебныя пѣсни, съ извительнымъ примѣненіемъ ихъ къ скопцамъ, а дѣти, съ крикомъ и свистомъ забѣгали впередъ скопцовъ, бросая въ нихъ грязью и всячески издѣваясь надъ ними. Между тѣмъ родственники одного скопца въ то время, какъ проводили его мимо двора ихъ, плакали отъ стыда; а дѣдъ другого скопца, выйдя изъ толпы народной, горько укорялъ внука, что онъ нанесъ такое посрамленіе всему своему семейству и роду, причемъ прибавилъ еще, что онъ, чрезъ оскопленіе себя, продалъ душу свою чорту. То же чувство негодованія выражали и другіе пожилые крестьяне, говоря, что

---

¹⁾ Указъ 2 ноября 1849 г. Собр. Постановл. стр. 405. Курсивъ мой.

²⁾ Ibid. 411.

скопцы своимъ отвратительнымъ преступленіемъ обезчестили все ихъ общество, и притомъ присовокупляли, что они заслуживали бы гораздо строжайшаго за то взысканія, что правительство слишкомъ еще въ нимъ милостиво и что если бы этихъ безумцевъ поручили имъ, то они распорядились бы съ ними иначе. Такимъ образомъ—заключаетъ губернаторъ въ своемъ докладѣ о наказаніи скопца—эти первые опыты представили доказательства, что мѣра сія способна достигать цѣли, состоящей въ томъ, чтобы возбуждать въ народѣ презрѣніе и омерзѣніе къ скопчеству; но рядомъ съ этимъ онъ признается, что скопцы остались равнодушными и нераскаянными и заявляли, что терпятъ ради спасенія души, такъ что никакого благотворнаго дѣйствія на нихъ не замѣчено, а „впрочемъ,“ и мѣра эта предполагалась не для нихъ, а для народа“, — меланхолически заванчиваетъ докладъ. Въ обстоятельномъ изслѣдованіи П. С. Усова о знаменитомъ „этнографъ-беллетристѣ“ Мельниковѣ - Печерскомъ (Историческій Вѣстникъ за 1884 г.) мы находимъ болѣе искреннее, можетъ быть, описаніе впечатлѣнія на народъ отъ подобной же процессіи.

Какъ извѣстно, выдвинувшись на служебное поприще громаднымъ трудолюбіемъ и знаніями по расколу, Мельниковъ при 3-хъ министрахъ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Перовскомъ, генераль-адъютантѣ Бибииковѣ и С. С. Ланскомъ, производилъ въ 50-хъ годахъ рядъ изысканій по Нижегородской и другимъ губерніямъ, богатые результаты которыхъ, представленные въ министерство внутреннихъ дѣлъ, не опубликованы, къ сожалѣнію, но въ приведенной статьѣ мы находимъ нужный намъ эпизодъ. Въ 1851 году было предписано Нижегородскому губернатору одного подсудимаго скопца въ Лувояновскомъ уѣздѣ одѣть въ бабій сарафанъ и показать народу на базарѣ. Въмѣсто того, чтобы это исполнить подъ рукою такъ, „чтобы никто не догадался, что на подобную мѣру послѣдовало Высочайшее соизволеніе“, мѣстное начальство облекло это исполненіе въ такіа фѳормы, которыя съ самаго начала не предвѣщали ничего добраго. Для того, чтобы одѣть скопца въ сарафанъ, командировали слишкомъ за двѣсти верстъ старшаго полицеймейстера Нижняго Нов-

города, Зенгбуша. Зенгбушъ, нарядивъ скопца въ сарафанъ, хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ тѣмъ, что, какъ онъ выразился, кажется, даже въ рапортѣ своемъ, „пригласилъ народъ плевать скопцу въ глаза“. Но на многолюдномъ базарѣ не было смѣха: смущенная толпа, вслѣдствіе распространившейся молвы о казни, ожидала появленія палача и висѣлицы. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ, и раскольники; и нераскольники, смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно въ уѣздный городъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ подаваніи ему калачами и деньгами. „Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры не только не уменьшились въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но даже увеличились; чрезъ нѣсколько времени хлысты явились даже въ церковномъ клирѣ одного селенія Лукояновскаго уѣзда“. Не только сознаніе бесполезности гоненій съ точки зрѣнія церковной, поэтому присущей и свѣтской, и духовной власти, но даже вредъ репрессивныхъ мѣръ неоднократно констатируется въ духовной литературѣ, причемъ, напр., на 3-мъ съѣздѣ занялъ много времени вопросъ о томъ, что однимъ изъ прямыхъ слѣдствій запрещенія штундистамъ общественаго моленія закономъ 4 іюля 1894 г. явилось въ средѣ штундистовъ стремленіе именовать себя баптистами; если въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя утверждать, что данное обвиняемое лицо—по ряду судебныхъ процессовъ за послѣднее время—дѣйствительно штундистъ и, слѣдовательно, ложно выдаетъ себя за баптиста, такъ какъ въ этомъ, собственно говоря, и заключается суть конкретныхъ рѣшеній, то самый фактъ пользованія такой уловкой въ большинствѣ или хотя бы и меньшинствѣ случаевъ сомнѣнію не подлежитъ; дѣло, однако, не такъ просто, какъ кажется, и кромѣ мотивовъ самосохраненія или, вѣрнѣе, сохраненія вѣроисповѣдной свободы, штундисты и для достиженія пропагандистскихъ цѣлей и необходимой для этого свободы нерѣдко именуютъ себя въ судахъ баптистами. Такое стремленіе, можетъ быть, частью и подсказанное имъ со стороны, находитъ почву и въ томъ, что такъ называемый староштундизмъ (Кюсяковскій толкъ),

дѣйствительно, испыталъ на себѣ сильное вліяніе баптизма и нѣкоторыми изслѣдователями, напр. В. М. Скворцовымъ, этотъ толкъ даже именуется штундо-баптизмомъ, такъ что послѣдователи этого толка, не обязанные въ качествѣ обвиняемыхъ помогать правосудію детальнымъ разъясненіемъ своей вины, могутъ съ нѣкоторымъ правомъ уступать указанному соблазну, именуя себя баптистами; кромѣ того, и 3-ій съѣздъ призналъ нужнымъ распространить названіе штунды на всѣ ея, какъ онъ называетъ, фракціи ¹⁾, т. е. баптизмъ или староштундизмъ, пашковщину и духовную штунду или младоштундизмъ.

Борясь такимъ образомъ противъ несоотвѣтствующихъ наименованіямъ предметовъ, съѣздъ подводитъ подъ штунду рядъ лицъ, которыя съ полнымъ убѣжденіемъ не назовутъ себя штундистами даже при искреннемъ сознаніи; дальше мы встрѣтимся и подробно рассмотримъ еще другіе случаи неправильнаго именования разныхъ сектъ, напримѣръ хлыстовъ, съ прибавкою слова *штундо*, чѣмъ, какъ и въ предъидущихъ случаяхъ, устанавливается серьезное неудобство для судебного разслѣдованія и преслѣдованія. Подтвержденіе основной моей мысли, что самое преслѣдованіе въ сознаніи высшихъ представителей церкви и государства не считается полезнымъ и удобнымъ для дѣла церкви, мы находимъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Свят. Синода за 1896 и 1897 г.г., гдѣ говорится подробно о штундѣ и ея заступникахъ съ той точки зрѣнія, что, благодаря стремленію „къ энергичной и настойчивой пропагандѣ своего лжеученія штундизмъ значительно усилилъ и распространилъ (эту свою) вредную дѣятельность“; при этомъ въ отчетѣ упоминается, что особенно важно для провѣрки нашей мысли, законъ 4 іюля 1894 г., воспретившій собраніе штундистовъ для богомоленія, причемъ, вслѣдствіе именно этого репрессивнаго закона, „штундисты — какъ указываетъ отчетъ — стали причислять себя къ послѣдователямъ другихъ признанныхъ сектъ“.

Въ этомъ же отчетѣ указывается и на главную опасность

---

¹⁾ Дѣянія 143.

сектантскаго движенія, на народившееся сочувствіе къ нему интеллигенціи, выразившееся въ попыткахъ „объединить религиозное разномысліе толковъ на почвѣ социалистической и нигилистической“; рядомъ съ этимъ поставлены и пропагандисты анархическихъ ученій, возвеличиваемые во имя свободы убѣжденій и выставляемые „страдальцами“ за эту свободу. Ясно, что и такой высокоавторитетный источникъ признаетъ, что репрессивный законъ 1894 г. не достигъ цѣли, а даже отдаляетъ отъ нея, что мученичество, воображаемое или дѣйствительное, можетъ служить сильнымъ орудіемъ въ рукахъ неблагонамѣренныхъ людей, и что главная опасность отъ штундизма и сектъ вообще, это—ихъ противогосударственный характеръ; отсюда совершенно ясно, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ соображеній такого высокого государственнаго значенія, что гоненія за вѣру не только не стоятъ у насъ на первомъ планѣ, но и не считаются полезными и даже нужными въ арсеналѣ орудій нашей внутренней политики.

Не разъ въ предшествовавшемъ изложеніи мы встрѣчали болѣе или менѣе энергичное нападеніе на интеллигенцію и общество вообще и на судебное и даже административное вѣдомство въ частности; до извѣстной степени слышатся такія обвиненія и въ дѣятельности третьяго съѣзда, который ¹⁾ справедливо, съ церковной точки зрѣнія, отмѣчаетъ однако, что особую вредность сектъ надо усматривать въ отгѣнкахъ ученія противообщественныхъ, социальнo-политическихъ, и потому секты представляются опасными не столько для церкви, сколько для государства, почему логически правильно съѣздъ и подчеркиваетъ въ своихъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ, что первыми и главными мѣрами для уврачеванія духовнаго недуга собственно православная миссія церкви признавала *прежде всего главнымъ образомъ мѣры духовнаго порядка, памятуя завѣты „пастыря добраго“, полагающаго душу за овцы, пастыря вроткаго и смиреннаго сердцемъ, иже видѣвъ народы, яко бязу смятени и отвержени Милосердова о нихъ* (Мѡ., 9, 36).

---

¹⁾ Ibid. Дѣянія 217.

Совершенно правильно признавая, что интересы политическіе не входят въ задачу церкви и чужды идей религіозныхъ, съѣздъ говоритъ какъ-бы въ успокоеніе „сектофильствующему лагерю, что ничего новаго въ области репрессивныхъ мѣръ съѣздъ не изыскивалъ, но только разъяснилъ предусмотрѣнное законами, т. е., то, что „по беззаконію исполнителей и супостатовъ церкви не проводится въ жизнь, а остается только на бумагѣ“ ¹⁾. Далѣе при анализѣ самого понятія *особо вредныхъ сектъ* мы увидимъ, какіе именно толки и по какимъ причинамъ признаются съѣздомъ особо вредными и, слѣдовательно, по закону 1894 года—если предположенія съѣзда пройдутъ—лишатся права религіозныхъ собраній; при этомъ случаѣ мы, слѣдовательно, увидимъ, проектированы-ли или нѣтъ съѣздомъ новыя репрессивныя мѣры. Какъ бы то ни было, какъ второй, такъ и третій съѣздъ въ области миссіонерской, въ строгомъ смыслѣ слова, проектируетъ рядъ упорядочивающихъ мѣръ, направленныхъ къ усиленію миссіонерскаго служенія ²⁾, къ повышенію нравственныхъ качествъ миссіонеровъ ³⁾ и, наконецъ, въ 13 § ⁴⁾ правилъ объ устройствѣ миссіи и способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ съѣздъ излагаетъ слѣдующее наставленіе, продиктованное, очевидно, полнымъ принципіальнымъ признаніемъ вреда гоненій и необходимости миссіонерской кротости и пользованія правомъ обращенія къ свѣтской власти со стороны духовной только въ цѣляхъ самозащиты; этотъ пунктъ заслуживаетъ того, чтобы привести его въ подлинникѣ: „Во время собесѣдованій миссіонеръ, въ отношеніи къ раскольническимъ и сектантскимъ совопросникамъ и вообще къ раскольникамъ и сектантамъ, долженъ соблюдать потребныя проповѣднику и защитнику истины душевное спокойствіе, кроткое обращеніе и снисходительное терпѣніе, не смущаться ихъ дер-

---

¹⁾ Ibid. 217.

²⁾ Ibid. 270.

³⁾ Ibid. 356.

⁴⁾ Ibid. 361.

зостаями, но братолюбиво обличать ихъ неприличіе, не отвѣчая безумнымъ по безумію ихъ. Къ содѣйствію полицейской власти для собственной защиты или охраненія на собесѣдованіяхъ порядка и тишины миссіонеръ можетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, станеть яснымъ, что присутствующіе на собраніи раскольники и севтанты угрожаютъ произвести беспорядокъ или причинить насиліе“¹⁾).

Итакъ, гоненія нынѣ принципиально не допускаются, что, впрочемъ, категорически установлено еще статьею 60 уст. о пред. и пресѣч. прест., въ сводѣ зак. изд. 1842 г. т. XIV. Ссылаясь на эту статью, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 ноября 1849 года указываетъ, что изъ дѣла одной солдатки и сына ея вантониста видно, что солдатка эта умерла отъ ранъ, которыя она и сынъ ея нанесли себѣ, будучи потребованы уѣзднымъ судомъ къ увѣщанію, между тѣмъ изъ дѣла оказалось, что люди сіи, состоя издавна въ расколѣ, не обвинялись ни въ какихъ закономъ воспрещенныхъ дѣйствіяхъ по содержимой ими ереси. Указаніе министра по этому поводу сводится къ тому, чтобы судебныя и полицейскія мѣста не привлекали къ отвѣтственности людей, не подлежащихъ никакому взысканію по существу производимыхъ дѣлъ²⁾. Въ циркулярѣ того же министра отъ 29 марта 1849 г. указывается, что долгое содержаніе раскольниковъ подъ стражею за проступки несерьезные представляется нежелательною строгостью, которая, порождая въ раскольникахъ мысль, что ихъ преслѣдуютъ за мнѣнія о вѣрѣ, служила единственно къ большому отчужденію ихъ отъ церкви³⁾. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 апрѣля 1845 г. напомнимся преосвященнымъ Высочайшая воля, чтобы духовенство, при благоразумномъ и осторожномъ образѣ сношеній съ раскольниками, не выходило ни въ какомъ случаѣ изъ круга чисто духовныхъ дѣйствій, обращалось не презрительно и не

---

¹⁾ Ibid. 361.

²⁾ Свод. Пост. 339.

³⁾ Ibid. 403.

враждебно, а вротко и миролюбиво, нигдѣ не раздражал, ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ, и присоединять къ православію только изъявляющихъ свободное, искреннее желаніе на это ¹⁾).

Слѣдовательно, по закону и по руководящимъ взглядамъ вѣдомствъ и правящихъ ими, у свѣтской власти—свое особое дѣло, у духовной—также; злоупотребленія низшихъ агентовъ, притѣсненія по поводу выдачи паспортовъ или исполненія требъ—предполагая, что они наблюдаются—насъ въ данномъ случаѣ не касаются и, очевидно, не могутъ входить въ высшіе виды тѣхъ властей, которыя не преслѣдуютъ цѣлей пропаганды силою и которыя признаютъ содѣйствіе гражданской власти духовной только въ смыслѣ защиты миссіонеровъ или огражденія православнаго населенія на мѣстахъ отъ вредной въ государственномъ отношеніи пропаганды. Безпочвенными и безцѣльными поэтому являются нападенія на „сектофильствующій лагерь“, на незаконныхъ исполнителей и супостатовъ церкви, а такъ какъ дѣйствій безъ причинъ не бываетъ, то надо искать причинъ этого раздраженія. Досаднѣе всего становится людямъ, когда имъ приходится сѣтовать самимъ на себя или убѣждаться, что предпринятая мѣра, на которую возлагались особенныя надежды, на практикѣ не оправдываетъ сужденій; если неудача происходитъ отъ недостатка самой мѣры, то людямъ, проведшимъ ее, а также и стремящимся пользоваться ею, разумѣется, досадно вдвойнѣ, и естественно въ такомъ случаѣ переносить вину на другихъ.

Законъ 4 іюня 1894 года, о которомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ подробная рѣчь, включивъ въ свой текстъ всевозможные признаки штундизма какъ антирелигіозные, такъ и антигосударственные, естественно отнесся очень строго къ нему лишивъ штундистовъ права общественнаго и даже частнаго, моленія, а, въ сущности, права собраній для этой цѣли членовъ секты. По смыслу закона 1894 года секта эта отрицаетъ всѣ таинства и обряды, не признаетъ никакихъ властей, отрицаетъ присягу и военную службу, проповѣдуетъ

---

¹⁾ Ibid. 354.

соціалистическіе принципы: общее равенство, раздѣлъ имущества и т. п. Допустить распространіе ученія, „подрывающаго въ корнѣ основныя начала общественности, православной вѣры, русской народности и государственнаго строя“, позволивъ собираться исповѣдникамъ такого ученія подъ предлогами религиозными для пропагандированія его, было бы очень опасно и вредно, но тѣмъ важнѣе строго наблюдать за пользованіемъ низшей администраціей и судами такимъ грознымъ оружіемъ, направленнымъ къ охраненію столь серьезныхъ интересовъ и притомъ не въ сферѣ мысли, а именно дѣйствія.

Правительствующій Сенатъ по дѣлу Головки (рѣш. Угол. Кассац. Департ. № 1 за 1900 г.) отнесся поэтому съ особымъ вниманіемъ къ вопросу и призналъ во имя основныхъ положеній судебного права, что, во первыхъ, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ убѣдиться въ принадлежности обвиняемыхъ къ такой именно вредной сектѣ, т. е. констатировать ad hoc самое существованіе такой секты, и что, во вторыхъ, отзывъ духовной консисторіи, на основаніи 119 и 766 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть относимъ къ числу установленныхъ доказательствъ, правильность коихъ не подлежитъ провѣркѣ суда. Рѣшеніе это состоялось, какъ видно изъ его текста, по подробномъ пересмотрѣ всѣхъ позднѣйшихъ законовъ и рѣшеній Правительствующаго Сената по расколосектантскимъ дѣламъ; Правительствующій Сенатъ не задавался въ данномъ случаѣ вопросомъ, существуетъ или нѣтъ секта, описанная въ законѣ 1894 года, но требуетъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ фактическая виновность подсудимаго въ принадлежности его къ такой сектѣ была провѣрена, ради того, чтобы одно подведеніе даннаго лица подъ дѣйствіе названнаго закона теоретической, такъ сказать, экспертизой безъ конкретнаго иллюстрированія ея фактами дѣла не привело къ тяжкому судебному грѣху, къ осужденію человѣка не за поступки, а за приписываемыя ему мнѣнія; въ противномъ случаѣ, какъ легко видѣть, достаточно было бы въ сообщеніи духовной консисторіи назвать человѣка штундистомъ, чтобы лишить его права, принадлежащаго въ

Россіи даже язычнику, а, слѣдовательно, въ сущности обвинить его въ государственномъ преступленіи, такъ какъ центръ тяжести закона 1894 года разумѣется въ политической его сторонѣ.

Очень вѣроятно, что индивидуальныхъ случаевъ, отвѣчающихъ обширной, чисто эклектической формулѣ, опредѣляющей штунду въ этомъ законѣ, можетъ даже вовсе не оказаться, во всякомъ случаѣ, какъ заставляетъ думать практика, окажется очень мало, но было бы несправедливо, въ виду этого, сѣтовать на юристовъ и другихъ исполнителей за то, что они дѣлаютъ свое дѣло добросовѣстно; естественная досада на неудачу, разумѣется, не должна переходить въ язвительныя обвиненія; вѣдь для опроверженія послѣднихъ передъ лицомъ даже не юристовъ вполне достаточно указать на Высочайшія повелѣнія даже Николаевского времени, напр., 9 марта 1840 года, которымъ отрицательно рѣшенъ вопросъ о передачѣ въ судебное мѣсто дѣла о нѣкоемъ раскольникѣ изъ села Зеленцова въ виду того, что жители этого села издавна состоятъ въ селѣ безпоповщины, и что относительно ихъ не обнаружено *никакихъ противозаконныхъ дѣйствій* ¹⁾; а вотъ и резолютивная часть, возлагающая на обязанность начальниковъ губерній: „давать дальнѣйшее движеніе судебнымъ порядкомъ такимъ лишь слѣдствіямъ, по коимъ обнаружено *явное нарушеніе существующихъ законовъ, сопровождаемое вредными послѣдствіями*; тѣ же слѣдствія, къ коимъ привлечены одни лишь давнишніе раскольники, и такіе, кои не замѣчены и не изобличены ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, ни въ соvrрашеніи православныхъ, ни даже въ публичномъ отправленіи богослуженій и другихъ требъ, и вообще всѣ случаи, подходящіе подъ правила терпимости, и доносы, ведущіе къ обремененію дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и къ стѣсненію правоспособныхъ людей безъ важныхъ послѣдствій, сами бы собою прекращали, не представляя въ министерство внутреннихъ дѣлъ“.

---

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

Въ самомъ дѣлѣ, что доказываетъ это повелѣніе, какъ не ту же судебную истину, которая лежитъ въ основѣ рѣшенія по дѣлу Головки: наказывать не за идеи, а за поступки; эта истина вполне приложима и къ отношеніямъ, которыя такъ горячо затронулъ архимандритъ Антоній, говоря о томъ, что сектанты клеймятъ любовь проповѣдника, какъ лицемѣріе¹⁾; такое обвиненіе, дѣйствительно высказываемое сектантами, должно, чтобы быть справедливымъ обвиненіемъ, стоять въ несомнѣнной связи не съ личной вѣрой проповѣдниковъ, не съ принципами, которые исповѣдуютъ вообще отдѣльные представители православія, а съ тѣми или другими ихъ двусмысленными, ясно доказанными дѣйствіями; точно также и ненависть къ низшимъ агентамъ власти со стороны штундистовъ должна была прежде всего родиться изъ ихъ дѣйствій на мѣстахъ возникновенія и развитія сектантства; разумѣется, изслѣдуя этотъ вопросъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо именно въ этомъ пунктѣ, приходится оставаться на исторической почвѣ и пользоваться не современными, а историческими данными.

Если прослѣдить отношеніе къ сектантамъ или, точнѣе еще, раскольникамъ въ періоды царствованія Императоровъ Александра I и Николая I, губернаторовъ и полиціи въ ихъ дѣятельности, то мы увидимъ, что возвышенные принципы въ области религіи Александра I и полныя государственнаго и юридическаго содержанія мѣры Императора Николая I могли доходить до сознанія мѣстнаго населенія вообще и до раскольниковъ и сектантовъ въ частности только въ искаженномъ видѣ; между тѣмъ именно по дѣйствіямъ второстепенныхъ агентовъ народъ судилъ и осуждалъ сперва близкую къ нему власть священниковъ и полицейскихъ, затѣмъ губернаторовъ и архіереевъ, а затѣмъ, подымаясь постепенно выше, составлялъ неблагоприятное мнѣніе и о центральной власти, — совершенно не освѣдомленный, въ виду такого порядка или, вѣрнѣе, беспорядка, о томъ, какіе возвышенные принципы исповѣдуетъ высшее правительство. Я дамъ въ видѣ примѣровъ главные факты изъ исторіи такъ называемыхъ бѣглыхъ

---

¹⁾ Дѣянія 39.

поповъ и параллель между высочайшими указами о раскольникахъ Тамбовской и Нижегородской губерній съ тѣмъ, что, на самомъ дѣлѣ, не взирая на самые категорическіе указы, происходило въ этихъ мѣстахъ. Надо сказать, что секретность центральныхъ распоряженій по расколу всегда имѣла цѣль не дать поводъ раскольникамъ считать себя государствомъ въ государствѣ, такъ сказать обособиться; всякія мѣры по расколу предлагалось вводить постепенно, осторожно, чтобы не раздражить, не вызвать недоразумѣній и безпокойствъ на мѣстѣ, не дать повода думать, что воздвигаются гоненія; но зато, съ другой стороны ¹⁾, самая тайна была разсчитана на то, чтобы мѣры не имѣли характера гоненія, ибо психологическій смыслъ гоненія—его гласность; между тѣмъ на мѣстахъ отдѣльныя репрессивныя мѣры нарочито разглашались, вопреки приказу о благоразуміи; отсюда возникало озлобленіе противъ власти вообще, а по отношенію къ бѣглымъ попамъ и дьяконамъ, переходившимъ къ раскольникамъ изъ-за денежныхъ выгодъ, естественно росло у послѣднихъ чувство презрѣнія; въ то же время подлинныя указы общаго характера, остававшіеся неизвѣстными раскольникамъ, изошрялись въ придумываніи способовъ сохранить достоинство этихъ священнослужителей-отступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не отсюда-ли, чтобы не вспоминать о стригольникахъ, пошла по сектантскому міру мысль о лицемѣрии духовенства и вообще зародилось и окрѣпло антиправительственное направленіе, вѣрнѣе настроеніе всѣхъ сектъ вообще, ибо во всѣ времена, какъ и нынѣ, сельскій обыватель видитъ въ ближайшемъ полицейскомъ чинѣ и приходскомъ священникѣ начальнига и по немъ судить о центральной власти. 31 января 1832 г. секретный комитетъ при слушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ о бѣглыхъ попахъ разсуждалъ, что оставленіе бѣглыхъ поповъ у раскольниковъ не соотвѣтствуетъ ни достоинству господствующей православной церкви, ни гражданскому устройству, но что, въ виду правилъ 1822 г., такое снисхож-

---

¹⁾ Собр. Постанов. 215 указъ 10 марта 1838 г., стран. 225 и 226. Указы 11 марта и 9 апрѣля 1838 г.

деніе по необходимости было уже допущено, почему благо-разумно, оставя въ покоѣ прежнихъ бѣглыхъ поповъ, какъ давно живущихъ на мѣстахъ, принять мѣры только къ тому, чтобы не появлялись у раскольниковъ новые бѣглые попы. Но уже черезъ два года бѣглые попы оказались настолько безцеремонными, что понадобилось Высочайшее повелѣніе отъ 4 января 1834 г. о недозволеніи ни по какому случаю оставаться въ Москвѣ пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ „такъ называемымъ раскольниковымъ и бѣглымъ попомъ, а еще менѣе допускать имъ исправленіе требъ на Рогожскомъ кладбищѣ“; между тѣмъ каждый бѣглый попъ изъ числа вновь появившихся уже въ то время старательно розыскивался и подвергался на мѣстѣ секретному полицейскому надзору, а также принимались мѣры къ вызову обратно бѣглыхъ поповъ отъ раскольниковъ съ оказаніемъ имъ въ семь случаевъ пособій, что неформально и объявлялось этимъ попомъ; впрочемъ, приэтомъ наблюдалось, чтобы такой возвратившійся попъ, лишенный сана священническаго, не могъ явиться вновь въ мѣстѣ прежняго служенія ¹⁾).

Особенную заботу причиняла правительству такъ называемая *исправа* надъ вновь поступающими къ раскольникамъ бѣглыми священниками; она заключалась въ томъ, что новопріемлемый священникъ, надѣвъ эпитрахиль, поручи и фелонь, по исповѣди у священника монастырскаго, такъ же бѣглаго отъ російской церкви, громогласно читаль на амвонѣ предъ собраніемъ братства, обратясь къ западу лицомъ, отрицаніе отъ ереси, какъ именовалась православная церковь; это явленіе до такой степени было неприятно власти, „представлялось, естественно, столь постыднымъ и прискорбнымъ для православной церкви, что, въ нарушеніе основного правила о неимѣніи прямыхъ сношеній съ раскольниками, губернаторамъ было предписано въ 1836 г. обязать старшинъ или „какъ раскольники ихъ называютъ, настоятелей Иргискихъ монастырей подписками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ ²⁾“. Въ одной Черниговской губ.

¹⁾ Собр. Постановл. 138, 141 и 149.

²⁾ 158 *ibid.*

въ мартѣ 1837 г. у раскольниковъ оказалось 30 бѣглыхъ поповъ и іеромонаховъ. Дерзость раскольниковъ въ этомъ отношеніи доходила до того, что они подавали прошеніе на Высочайшее имя о дозволеніи безпрепятственно принимать къ себѣ священниковъ и дьяконовъ изъ всѣхъ російскихъ епархій.

Съ изъятіемъ этихъ духовныхъ лицъ изъ-подъ надзора православнаго духовнаго начальства ¹⁾, 5 мая 1839 года Высочайше утвержденнымъ журналомъ секретнаго комитета постановлено не допускать наименованія расколичьихъ *священниковъ*, а вмѣсто того писать—остающійся у раскольниковъ попъ или исправляющій у раскольниковъ духовныя требы ²⁾.

Къ 1858 году бѣглые попы временно перевелись у раскольниковъ и появились лже-попы и лже-епископы изъ Австріи, почему было запрещено расколичкамъ поповской секты явное отправленіе духовныхъ требъ чрезъ лже-поповъ, но ихъ розыскивать не стали, точно также съ 1864 года за лицами, исполняющими духовныя требы у раскольниковъ, кто бы они ни были, не признавалось духовнаго сана, но, очевидно, побѣги поповъ продолжались, такъ какъ 16 авг. 1864 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы на будущее время не допускать переходовъ къ расколичкамъ поповщинской секты священнослужителей православной церкви съ отпаденіемъ отъ православія ³⁾.

Разумѣется, въ наше время живо только общее впечатлѣніе о тѣхъ ужасныхъ фактахъ изъ жизни церковниковъ, которые причиняли столько заботъ свѣтской власти; не касаясь современныхъ намъ явленій въ этой области, я уклонюсь даже отъ краткаго пересказа, по именамъ, годамъ и мѣстамъ, богатаго фактическаго матеріала изъ періода давно прошедшаго,— до таковой степени тяжелое впечатлѣніе производятъ картины долгаго ига, за послѣднія двѣсти, триста лѣтъ тяготѣвшаго какъ надъ крестьянами, такъ и надъ помѣщиками по поводу

---

¹⁾ Ibid. 199 и 219.

²⁾ Ibid. 260.

³⁾ Ibid. 547 и 614.

безплодной, но жестокой борьбы духовенства и власти съ бѣглыми попами монастырей, селеній и цѣлыхъ губерній, въ видѣ недобросовѣстно веденныхъ слѣдствій и судбищъ, возникавшихъ на почвѣ тираннически веденныхъ увѣщаній.

Интересующимся деталями, которыя даже въ настоящее время неловко перепечатывать, можно указать, напр., на статью И. И. Дубасова „Тамбовскій край въ концѣ XVIII и началѣ XIX“—особенно на конецъ статьи—въ октябрьской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1884 г., гдѣ приводится много фактическихъ данныхъ, и въ частности на стр. 125 и слѣдующихъ—о бѣглыхъ и небѣглыхъ попахъ.

Достаточно сказать, въ виду избранной мною системы—по возможности пользоваться только исторіей законодательства и административныхъ мѣръ, что рисующаяся при разсмотрѣніи этого матеріала картина нравовъ есть только слабое воспроизведеніе того ужаснаго быта, который, утверждая расколъ въ его упорствѣ, обосновалъ ненависть его къ духовенству и недовѣріе къ искренности послѣдняго, а затѣмъ и противоправительственное направленіе раскольниковъ и сектантовъ. Однимъ изъ крупныхъ по своимъ послѣдствіямъ общихъ фактовъ такого рода являлась развивавшаяся параллельно съ расколомъ система вразумленій и увѣщаній.

Центральная власть, въ рядѣ указовъ, настаивая на томъ, чтобы эти увѣщанія производились со всею кротостью, должна была, однако, защищаться отъ необычайнаго усердія мѣстнаго духовенства и епархіальной власти по возбужденію дѣлъ; такъ, напримѣръ, въ 1838 г. тамбовскій гражданскій губернаторъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ о встрѣтившихся ему затрудненіяхъ въ исполненіи поступающихъ къ нему во множествѣ отъ тамбовскаго преосвященнаго Арсенія требованій о принятіи такихъ мѣръ въ отношеніи молоканъ, „кои противны существующимъ постановленіямъ“; преосвященнымъ было предъявлено требованіе о начатіи 517 слѣдствій при депутатахъ съ духовной стороны; затѣмъ были требованія, напр., о принужденіи „молоканъ“ принимать священниковъ, объ отобраніи у молоканъ малолѣтнихъ для крещенія и тому подобныя; относительно такихъ то требованій въ этотъ

періодъ, несомнѣнно чуждый послабленій, было предоставлено начальнику губерніи отозваться, „почему сіи требованія исполнены быть не могутъ“.

Механизмъ увѣщанія, насколько его можно возстановить изъ указовъ 43-го и 50-го годовъ, сводился къ тому, что несдавшіеся на увѣщанія приходскаго священника, по указанію настоятеля прихода, высылались въ консисторію по ея спеціальнымъ требованіямъ. При неудачѣ увѣщанія на мѣстѣ иногда предварительно назначался увѣщателемъ благочинный, тоже имѣвшій право вызова, причемъ рекомендовалось не вызывать изъ деревень болѣе десяти человѣкъ вдругъ; особенно разработаны были эти правила въ указѣ 28 апрѣля 1850 года, по которымъ приходское духовенство осуществляло спеціальныи духовныи надзоръ за прихожанами съ помощью при случаѣ командированныхъ наказнымъ атаманомъ сыскныхъ членовъ для наблюденія „за неувлонностью отъ духовныхъ увѣщаній“. Всѣ эти сношенія начальствъ дѣлались секретно, а рядомъ съ этимъ священники „со всею кротостью и терпѣливостью“ открывали совращенному ошибочность его мнѣнія, рискуя, разумѣется, нравственными невыгодами отъ обнаруженія затѣмъ одновременныхъ съ увѣщаніями секретныхъ сношеній съ епархіальнымъ начальствомъ; двусмысленность положенія усугублялась еще тѣмъ, что въ случаѣ успѣха убѣжденія прекращалось уголовное преслѣдованіе совершившагося, что могло являться лишнимъ мотивомъ въ увѣщаніяхъ вразумителя. Относительно упорныхъ епархіальныи архіерей назначалъ особые долгіе сроки; бывали также командировки въ судебныи мѣста особыхъ духовныхъ увѣщателей, и здѣсь также при успѣхѣ увѣщанія прекращались дѣла. Только въ 1863 году Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по представленію управляющаго министерствомъ юстиціи, была измѣнена статья 75 устава о предупр. и пресѣч. преступленія въ томъ смыслѣ, что увѣщанія производятся безъ отвлеченія увѣщаемыхъ отъ мѣстъ ихъ жительства; этимъ измѣненіямъ соответствуетъ и нынѣ дѣйствующая ст. 21 устава духовныхъ консисторій. Есть указанія въ литературѣ на то, что, будто бы, это ограниченіе не всегда соблюдается на прак-

тикѣ, въ особенности въ Сибири; чтобы не погрѣшить въ фактахъ, сошлюсь на лично мнѣ извѣстный случай, бывшій въ 1873 или 1874 году въ С.-Петербургѣ. Въ 13-мъ слѣдственномъ участіи гор. С.-Петербурга производилось въ то время слѣдствіе о матросѣ изъ кантонистовъ еврей Михаилѣ Бейлинѣ, я не помню, въ чемъ именно онъ обвинялся; но при слѣдствіи выяснилось, что, нанимаясь въ услуженіе, онъ постоянно ложно именовалъ себя не православнымъ, какъ значилось въ его паспортѣ, а утверждалъ, что онъ прирожденный іудей; въ виду такого заявленія, ему обыкновенно отказывали отъ мѣста, такъ какъ онъ не соглашался на прописку себя въ качествѣ православнаго; рядомъ съ этимъ возбуждалось слѣдствіе, если не ошибаюсь, по 185 или по 1416 статьѣ; слѣдствіе, разумѣется, кончалось ничѣмъ, но возникало вновь производство, далеко не первое, объ увѣщаніи этого іудея; состояло увѣщаніе въ объясненіи этому старому фанатику духовнымъ лицомъ православной церкви, что онъ еще мальчикомъ-кантонистомъ крещенъ въ православіе и поэтому долженъ быть православнымъ; для выслушанія этихъ вразумленій еврей принужденъ былъ ѣздить отъ двухъ до трехъ разъ въ недѣлю изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ ему былъ назначенъ увѣщатель; я не спрашивалъ этого еврея, какія чувства питаетъ онъ къ православному духовенству, но онъ уже старался говорить мнѣ, что со времени окончанія имъ военной службы, гдѣ шла та же борьба, ему выданъ былъ указъ объ отставкѣ съ отмѣткой, что онъ православный, и что съ тѣхъ поръ онъ периодически то ищетъ мѣсто, потому что ему нечѣмъ жить, то, потерявъ его, подвергается увѣщаніямъ ¹⁾. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ детально привести примѣры того, насколько независимо другъ отъ друга шли на

---

¹⁾ Насколько сильное впечатленіе производило безвыходное положеніе не счастнаго старика можно видѣть изъ того, что бывшій въ то время секретаремъ прокурора С.-Петербург. судебн. палаты К. Ив. Масленниковъ написалъ цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ, что крещеніе мальчика безъ согласія родителей или опекуновъ недействительно съ канонической точки зрѣнія; интересная работа эта не помогла, однако, фанатику въ его стремленіяхъ возвратиться въ нехристіанскую вѣру, и трудный подвигъ обращенія его въ православіе продолжался, надо думать, до смерти еврея.

дѣлѣ отношенія раскольниковъ къ губернскому и уѣздному начальству, съ одной стороны, и спеціальныя Высочайшія указы, съ другой стороны; интересныя подробности эти могутъ быть найдены желающими въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ сентябрьской книжкѣ 1886 года „Судъ надъ тамбовскими духоборцами въ 1803 году“, слѣдовательно въ царствованіе Императора Александра I и въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1884 г. въ статьѣ „Этнографъ-беллетристъ“, стр. 41 и слѣдующія; послѣдній случай относится къ царствованію Императора Николая I. Вратцѣ содержаніе обоихъ случаевъ слѣдующее: Въ 1802 году въ Троицкую Дуброву, Тамбовской губерніи, въ 46 верстахъ отъ губернскаго города, поступилъ священникомъ нѣкто Агѣевъ; входя насильно къ сектантамъ съ крестомъ, онъ, какъ они увѣряли, билъ ихъ, и они обратились въ губернію за покровительствомъ и защитою; страпчій Муратовъ и дворянскій засѣдатель фонъ-Менихъ произвели пристрастное слѣдствіе, за которое были потомъ осуждены; но до этого, а именно 30 марта, судъ приговорилъ Шапкина и Антюфѣева за грубое и дерзкое съ Агѣевымъ обращеніе и за еретическія (духоборческія) собранія къ ссылке въ Колу по наказаніи кнотомъ, куда и отправлены немедленно; остальные духоборцы были 13 апрѣля 1803 года „нещадно“ высѣчены плетью, въ томъ числѣ Петръ Дробышевъ и Филиппъ Дубасовъ; первый ранѣе умеръ отъ побоевъ этихъ, и тѣло его было 16 апрѣля 1803 года крестьяниномъ Зотомъ Музасѣевымъ привезено на дворъ тамбовскаго губернатора; къ этому времени въ Троицкой Дубровѣ умеръ еще одинъ изъ наказанныхъ Филиппъ Дубасовъ Большой, между тѣмъ уже 21 февраля 1803 г. состоялось спеціально по этому дѣлу Высочайшее повелѣніе, смыслъ котораго не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что виноватымъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ былъ признанъ священникъ Агѣевъ, „зашибавшій хмѣлемъ“ по докладу слѣдственной комисіи ¹⁾). Въ указѣ упоминалось, что въ селеніяхъ, гдѣ есть духоборцы, надо опредѣлять священниковъ

---

¹⁾ Собр. Постан. 25.

добрыхъ, кроткихъ и благонравныхъ, и что хотя надлежитъ наблюдать, чтобы раскольники не позволяли себѣ оказывать священникамъ презрѣніе или грубости, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси они причиняли соблазнъ, но что доколѣ не обнаружено будетъ въ духовоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно по единому смыслу ереси судить и обвинять ихъ въ семь преступленій, но должно, оставляя ихъ въ покоѣ во внутреннемъ ихъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны; при этомъ подтверждалось къ свѣдѣнію духовнаго начальства, чтобы взаимно избѣгаемы были, сколько можно, встрѣчи съ таковыми раскольниками, какъ то посѣщенія въ ихъ домахъ и тому подобные случаи, къ спорамъ и раздору поводъ подать могушіе. Въ статьѣ „Этнографъ-беллетристъ“ цитируется изъ отчетовъ П. И. Мельникова министру внутреннихъ дѣлъ случай, какъ правитель канцеляріи губернатора Сомовъ скрылъ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 іюня 1850 года за № 2808, результатомъ чего было то, что Высочайшее повелѣніе отъ 10 іюня 1850 года о порядкѣ записыванія въ 9-ю народную перепись женъ и дѣтей раскольниковъ беспоповскихъ сектъ сдѣлалось извѣстнымъ въ губернскомъ правленіи только черезъ 5 мѣсяцевъ по его полученіи, т. е. въ то время, когда его исполнить уже нельзя было, такъ какъ народная перепись уже два дня тому назадъ была закончена; сдѣлано было это Сомовымъ, какъ разъясняетъ авторъ, по подкупу раскольниками, отражавшими отъ себя серьезный ударъ; дѣло въ томъ, что указомъ этимъ предписывалось при 9-й народной переписи въ отношеніи раскольниковъ беспоповской секты, „кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей прижитыхъ внѣ брака“, этихъ незаконныхъ женъ и дѣтей, вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ они принадлежатъ по рожденію; ясно, что такіа семьи не сходили бы съ рекрутской очереди, и раскольники не могли не испугаться. Вотъ каковы были дѣйствія исполнителей, каково было значеніе законовъ въ указываемое время; не даромъ на Руси сложилась поговорка, что законы святы, да исполнители лихіе супостаты; несомнѣнно, что такой вы-

водъ слагался исторически, т. е. а posteriori, въ моментъ же злоупотребленій эти тайные, неизвѣстные раскольникамъ законы тоже имъ святыми не представлялись. Упомянутый здѣсь законъ, однако, приводитъ насъ къ разсмотрѣнію одной изъ очень тяжелыхъ мѣръ, несомнѣнно вызывавшихъ въ умахъ раскольниковъ представленія о гоненіяхъ; на самомъ дѣлѣ, однако, мѣра эта, послѣдовательно проводившаяся въ теченіи десятилѣтія до новѣйшаго времени, гоненій въ виду не имѣла, а направлялась къ тому, чтобы не дать раскольникамъ и сектантамъ сложиться въ особое общество, устроивъ себѣ правильную брачную жизнь въ сторонѣ, такъ сказать, отъ православныхъ духовныхъ властей.

Нельзя не сказать, когда уже это дѣло прошлое, что признаніе законными женъ и дѣтей раскольниковъ вносило въ жизнь элементы анархіи въ чрезвычайной степени и, разумѣется, чрезвычайно способствовало ожесточенію раскольниковъ-сектантовъ противъ свѣтскихъ властей, отъ которыхъ непосредственно исходили эти распоряженія; вотъ краткій очеркъ этой тяжелой эпопеи, заканчивающейся, можно сказать, только въ самые послѣдніе годы.

22 апрѣля 1835 года Государственному Совѣту пришлось разсматривать по дѣлу о раскольникѣ Молодовѣ вопросъ о томъ, примѣнимы-ли къ нему смягченія, дарованныя Высочайшимъ манифестомъ 22 августа 1826 г.; Государственный Совѣтъ не нашель нужнымъ постановлять по этому поводу новый законъ, предполагая, что не найдется другого такого приговора, какъ о Молодовѣ, въ теченіи десяти лѣтъ неисполненнаго, и ограничился разрѣшеніемъ вопроса для этого частнаго случая въ томъ смыслѣ, что манифестъ не долженъ быть примѣняемъ, такъ какъ вводимое имъ смягченіе относится къ наказаніямъ, а не къ полицейскимъ мѣрамъ предосторожности; особый интересъ этого рѣшенія въ томъ, что въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ Совѣту, съ которымъ послѣдній согласился, были въ 4-хъ пунктахъ сосредоточены главныя положенія, опредѣляющія въ историческомъ ходѣ узаконеній о раскольникахъ отношеніе государственной власти къ раскольни-

камъ по 1835 годъ; указывалось, во 1-хъ, что рѣшенія уголовныхъ палатъ по дѣламъ раскольниковъ не могутъ считаться окончательными, какъ завершаемая административною властью, и что, вообще говоря, раскольники не могутъ быть лишены общей милости, Высочайшимъ манифестомъ дарованной, когда присуждаются къ наказаніямъ за какия-либо гражданскія (sic) или уголовныя преступленія. Далѣе указывалось, что собственно дѣла по предмету отступленія отъ вѣры и совращенія православныхъ въ расколъ совершенно изъяты изъ особаго круга дѣлъ уголовныхъ, что всѣ прежнія, изданныя на счетъ раскольничьихъ сектъ, узаконенія, въ коихъ полагались вѣроотступникамъ тѣлесныя казни и другія строгія наказанія, напр. ссыла въ каторжныя работы, въ большей или меньшей степени ослаблены, а нѣкоторыя даже совершенно отмѣнены; наконецъ, въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ такъ резюмировалась отвѣтственность раскольниковъ: правительство въ отношеніи къ раскольникамъ, обвиняемымъ по суду въ распространеніи своей ереси или воспрещенныхъ законами публичныхъ обязательствъ оной, исключая наставниковъ и послѣдователей сектъ, соединенныхъ изувѣрствомъ и фанатическими покушеніями на жизнь, принимаетъ лишь мѣры исправительныя и полицейскія—удаленіе изъ обществъ лицъ, производящихъ оскотленіе надъ собою и другими, относительно же прочихъ ересей практикуется преслѣдованіе только распространителей и совратителей или отдачу въ военную службу, или ссылкой въ закавказскія провинціи; слѣдовательно, заключаетъ представленіе министра, въ отношеніи къ раскольникамъ, для преслѣченія способа усилить свое религиозное заблужденіе и распространять оное между легковѣрными простолюдинами, опредѣляются не наказанія, постановленныя общими законами, а лишь особенныя предосторожности, имѣющія цѣлью отчужденіе ихъ отъ обществъ, на которыя они имѣютъ вредное вліяніе ¹⁾).

Надо сказать, что рядомъ съ этимъ искусственнымъ отчужденіемъ, желательнымъ для правительства, постепенно воз-

---

¹⁾ Своѣъ Постан. 145.

нивало отчужденіе и обособленіе группъ раскольниковъ въ смыслѣ для правительства нежелательномъ, такъ какъ, о чемъ уже говорено выше, такого образованія какъ бы отдѣльнаго государства въ государствѣ власти боялись больше всего.

Мотивы для дѣйствій, вызывавшихъ такое отчужденіе, не могли поэтому подсказываться государственными интересами, а имѣли характеръ церковный; такъ, напримѣръ, далеко, впрочемъ, не сразу, власти, озабоченныя регистраціею раскольниковъ для цѣлей исчисленія, ввели метрическія книги у расколичьихъ священниковъ (52 ст. свода уставовъ благочинія, часть IV); выпиши изъ этихъ книгъ—и это уже совершенно шло въ разрѣзъ съ общей политикой игнорированія раскольниковъ,—расколическое духовенство должно было представлять гражданскому начальству; поэтому, когда псковскій губернаторъ предписалъ полиціимейстеру Солецкаго посада выдать расколичамъ просимыя ими книги для вписыванья рождающихся, умирающихъ и брачующихся, то указомъ 17 января 1836 года это распоряженіе губернатора было отмѣнено съ указаніемъ, что расколичики посада Сольцы—безпоповцы и что они, „не бывъ тревожимы въ исполненіи ихъ обрядовъ, не должны, однако же, быть къ тому одобряемы и нельзя имъ даже давать вида, что дѣйствія ихъ правильны“; въ виду этого, было рѣшено книгъ не выдавать, а рождаемыхъ и умершихъ расколичковъ (брачующіеся были выпущены) записывать въ особыя книги въ мѣстной полиціи. Здѣсь интересенъ пропускъ брачующихся, такъ какъ „нельзя было давать вида“, что расколичичій бракъ правиленъ, и до 1874 года этотъ религіозный мотивъ, ставившій расколичичій обрядъ ниже языческаго, дѣйствовалъ неуклонно, вызывая народненіе сотенъ тысячъ незаконныхъ женъ и дѣтей. Въ устраненіе обходовъ этой мѣры, подвидыши и обратившіяся въ православіе дѣти отдѣлялись отъ родителей; но это продолжалось недолго. Уже въ 1837 году рѣзко сказалось нежеланіе свѣтской власти идти навстрѣчу рѣшительному объявленію всѣхъ расколичьихъ супружествъ и дѣтей незаконными. Подобное домогательство рижскаго епископства было оставлено безъ послѣдствій; епископъ, мотивируя свой проектъ, писалъ, что

раскольники живутъ въ развратѣ, „перемѣняютъ женъ, сколько имъ угодно; бѣдныя матери тоскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями“; но такая рѣшительная мѣра признана была неудобною, и, дѣйствительно, едва-ли она остановила бы раскольничьи браки, какъ доказываетъ позднѣйшее время, когда эта мѣра была принята ¹⁾. Черезъ 8 мѣсяцевъ мы уже видимъ, что въ связи съ этимъ предпринимается насильное окрещеніе этихъ незаконнорожденныхъ дѣтей и изъ нихъ мальчиковъ отбираютъ въ кантонисты, а дѣвочекъ—въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ 1839 году Нижегородская консисторія дозволила лицу, обратившемуся въ единовѣріе, вступить во второй бракъ, объявивъ его сожитіе съ первою женою блуднымъ, такъ что ребенокъ оказался незаконнорожденнымъ; когда затѣмъ черезъ два мѣсяца возникъ по инициативѣ рижскаго военнаго губернатора вопросъ о томъ, что слѣдовало бы допустить крещеніе младенцевъ по раскольничьему обряду, такъ какъ раскольники не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, то губернатору было разъяснено, что „не слѣдуетъ возбуждать такіе вопросы, и желать точности въ такихъ предметахъ, которые негласно допускаются, какъ изытіе изъ общихъ законовъ, единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ или въ надеждѣ, что они, почувствовавъ благодать къ нимъ правительства, обратятся на путь истины ²⁾).

8 декабря 1846 года подтверждается значеніе полицейскихъ свидѣтельствъ для женъ и дѣтей раскольниковъ Рогожскаго кладбища, *поповской* секты, а также и то, что такія же свидѣтельства должны для безпоповцевъ удостовѣрять незаконность семействъ ихъ; это начало, далѣе, стоитъ твердо и примѣняется черезъ годъ для города Риги и затѣмъ упоминается въ указѣ 28 апрѣля 1850 года, гдѣ встрѣчается такое выраженіе о дѣтяхъ раскольниковъ, внесенныхъ въ 8 ревизію, что они вписываются въ качествѣ дѣтей отъ родителей, признанныхъ мѣстнымъ начальствомъ сожительствующими супружески какъ мужъ и жена, хотя вѣнчанныхъ толь-

---

¹⁾ Ibid. 207.

²⁾ Ibid. 232, 256 и 264.

ко по расколу; этотъ же порядокъ дѣйствуетъ и при производствѣ въ 1850 году въ 9-й переписи ¹⁾). Особнякомъ стоитъ попытка (указъ 16 апрѣля 1841 г.) остановить увеличеніе числа записныхъ раскольниковъ, составивъ сектѣ безпоповцевъ „однажды и навсегда“ семейные списки, причемъ „никакая уже прибыль по онимъ не допускается, и вновь рожденныхъ дѣтей они обязываются крестить въ православной вѣрѣ“ и по смерти или выbitii избранныхъ ими наставниковъ другихъ уже не избирать. Такое категорическое воспрещеніе, очевидно, осталось на бумагѣ, тѣмъ болѣе, впрочемъ, что оно касалось только Новороссійскаго военнаго поселенія. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить отраднaго явленія, наблюдаемаго съ 1840 по 1860 и дальнѣйшіе годы и дѣйствующаго въ качествѣ основного принципа, а именно, наблюдается неразлученіе дѣтей съ родителями, причемъ допускается даже ради этого неразлученія погребеніе присоединенныхъ къ православію дѣтей раскольниковъ на раскольничьихъ кладбищахъ, затѣмъ остаются у родителей восприняты въ православіе дѣти подь особымъ наблюденіемъ, словомъ—твердо проводится на практикѣ Высочайшее повелѣніе отъ 28 ноября 1836 года, коимъ „не велѣно разлучать членовъ одного семейства за разномысліе о вѣрѣ“.

Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ далѣе, что эти незаконныя жены и дѣти, подь условіемъ крещенія дѣтей по прибытіи на мѣсто, слѣдуютъ на казенный счетъ за ссыльными раскольниками ²⁾).

Оканчивая переченьъ ограничительныхъ мѣръ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ приѣмамъ борьбы противъ раскола со стороны церкви и со стороны государства по религіознымъ мотивамъ, и имѣя въ виду далѣе только спеціально съ юридической точки зрѣнія коснуться мотивовъ свѣтскаго характера, я, до окончательныхъ выводовъ по занимающему насъ въ этой главѣ вопросу, долженъ въ краткомъ перечнѣ указать на послѣдовательный прогрессъ внутренней политики по расколу, который уже съ 1874 года совершенно упоря-

¹⁾ Ibid. 361, 363, 417 и 428.

²⁾ Ibid. 287, 336, 341, 433, 560 и 577.

дочиваетъ положеніе раскольниковъ и сектантовъ въ гражданскомъ отношеніи, чѣмъ сразу будетъ установлено, что современное общество и въ частности судебныя власти въ своемъ отношеніи къ расколосектантскому міру стоятъ строго не только на почвѣ дѣйствующихъ законовъ, но и на исторически сложившемся законодательномъ движеніи. Это движеніе шло постепенно путемъ долгой борьбы противъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и постоянныхъ попытокъ поставить свѣтскую власть въ опасное и нецѣлесообразное, по общему мнѣнію, которое раздѣляется нынѣ и духовною властью, положеніе гонителей за религіозныя убѣжденія. Остается сожалѣть, что движеніе это шло недостаточно энергично и не вполне послѣдовательно, такъ какъ всетаки къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ безправное положеніе раскольниковъ и сектантовъ успѣло создать контингентъ лицъ, настроенныхъ невыгодно для власти; дѣйствительно, при возникновеніи и постепенномъ распространеніи штунды на нашемъ югѣ, объединяющее недовольныхъ религіозными стѣсненіями, значеніе новаго ученія, естественно, приобрѣло оппозиціонный характеръ, а колебанія властей духовныхъ и свѣтскихъ мѣшали утвердиться довѣрію къ гуманнымъ принципамъ, уже давно провозглашеннымъ въ законодательствѣ.

Уже въ сводѣ закон. изд. 1842 года въ статьѣ 60-й уст. о пред. и прес. прест. т. XIV значилось, что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія свои, а только за проступки по ереси ихъ и за распространеніе ея. Признавая рядомъ съ этимъ, что исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны, указъ 20 января 1858 года ¹⁾ домогается путемъ восполненія этихъ пробѣловъ подготовить почву для избранія правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще; далѣе, отмѣчается „большое различіе во взглядѣ православнаго духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ членовъ“, изъ чего дѣлается правильный выводъ о необходимости имѣть полныя систематическія и основательно обработанныя свѣдѣнія о расколѣ. На этомъ пути, обсудивъ, согласно указу, „безъ быт-

---

¹⁾ 1. с. 537.

ности духовныхъ членовъ“ рядъ вопросовъ, о которыхъ я, разбирая указъ этотъ, уже говорилъ выше, комитетъ совершенно правильно, въ виду замѣченнаго разногласія съ духовенствомъ рѣшилъ, что свѣтская власть должна самостоятельно выяснитъ вопросъ о расколѣ и сектахъ со всѣхъ сторонъ и потому поручить министру внутреннихъ дѣлъ составить подробное и по возможности полное „изложеніе догматическаго ученія разныхъ раскольническихъ сектъ“¹⁾. Это положеніе комитета было Высочайше утверждено 20 января 1858 года, а уже 24 апрѣля въ новомъ указѣ проявилось дѣйствіе временно отстраненныхъ духовныхъ вліяній: рассмотрѣвъ записку Пресвященнаго Митрополита Григорія, „въ коей объяснялся взглядъ православной церкви на расколъ“—комитетъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ подтвердить мѣстнымъ гражданскимъ начальствамъ, чтобы они дѣйствовали съ духовными—*единогласно*²⁾ въ дѣлѣ раскола; далѣе указывались мѣры вліянія на раскольниковъ уже специально въ цѣляхъ воссоединенія съ церковью; на этой почвѣ опять возгоралась между разными властями борьба принциповъ, такъ какъ міросозерцаніе комитета, провозгласившаго тутъ же, что надлежитъ избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ, оказывалось выше общихъ взглядовъ на приемы борьбы съ расколомъ, существовавшихъ въ мѣстныхъ комитетахъ: архангельскій совѣщательный комитетъ въ томъ же 1854 году, напри- мѣръ, полагалъ рѣшительно воспретить раскольникамъ исправлять духовныя требы по своимъ обрядамъ, имѣя въ виду побудить ихъ присоединиться къ православію или приписаться къ какой либо единовѣрческой церкви; но это постановленіе было въ высшей инстанціи рѣшено не приводить до времени въ исполненіе. Не далѣе, какъ чрезъ 6 лѣтъ, правда какихъ лѣтъ—первой половины шестидесятыхъ—16 августа 1864 года уже разъ навсегда устанавливается въ законодательствѣ правильная, до послѣдняго времени неколеблющаяся точка зрѣнія.

Этотъ очень пространный указъ является предтечей всѣхъ послѣдующихъ освободительныхъ, такъ сказать, законовъ о

¹⁾ I. с. 541 курсивъ мой.

²⁾ I. с. 544 курсивъ мой.

расколѣ новаго періода и, главнымъ образомъ, закона 1874 года о регистраціи раскольничьихъ браковъ; въ немъ прямо именуются супружествами союзы, которые хотя не были освящены вѣнчаніемъ въ Св. церкви православной или единовѣрческой, составляли однако не временныя, а постоянныя сопряженія и были записаны въ ревизскихъ свазкахъ или въ полицейскихъ книгахъ и спискахъ; устанавливается и форма такихъ книгъ, а также рѣшено пополнить особыми семейными списками пробѣлы между записями послѣдней ревизіи и временемъ введенія этихъ книгъ—словомъ, существованіе расколо-сектантскаго міра узаконилось.

Въ этомъ законѣ особенно рѣзко выразилось то объединеніе и въ жизни, и въ законодательствѣ раскольниковъ и сектантовъ, которое, согласно заглавію моей работы, лежитъ въ основаніи ея, а именно постоянно встрѣчаются нераздѣлимо оба понятія въ часто возвращающемся выраженіи: всѣ секты и толки раскольничьи; дальше мы увидимъ, что то же явленіе наблюдается въ уложеніи о наказ. (напр., ст. 189).

Замѣчательно въ томъ же законѣ разрѣшеніе раскольникамъ учреждать школы, въ которыя допускаются и дѣти православнаго исповѣданія ¹⁾, и, наоборотъ, дѣти раскольниковъ допускаются въ общія школы съ устраненіемъ обязательнаго обученія закону Божію, словомъ,—устанавливается настоящая здоровая почва для сближенія православныхъ съ раскольниками и для ослабленія взаимной нетерпимости, столь опасной и вредной, какъ свидѣлствуютъ факты, приведенные мною въ первой главѣ.

Рядомъ съ ограниченіями, для послѣдователей сектъ болѣе вредныхъ въ отношеніи исполненія духовныхъ требъ и богослуженія, законъ 1864 года установилъ для раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ полную свободу,—за оговоркой неказательства публичнаго,—творить и въ домахъ, а въ особо предназначенныхъ къ сему молитвенныхъ зданіяхъ, и на владѣнцѣхъ общественную молитву, исполнять требы и совершать

---

¹⁾ Очевидно, для неразлученія дѣтей съ родителями, о чемъ была рѣчь выше.

богослуженіе, словомъ, законъ этотъ за десять и за 19 лѣтъ предварилъ въ полномъ объемѣ наши нынѣ дѣйствующіе законы 1874 и 1883 года.

Относительно приведенія въ исполненіе этого закона созданы были однако нѣкоторые—несущественныя впрочемъ—ограниченія: для пользованія правами, предоставленными послѣдователямъ менѣ вредныхъ сектъ, эти послѣднія должны были заявлять о такомъ характерѣ своей секты съ обязательствомъ не распространять свое ученіе. Затѣмъ было рѣшено сперва привести въ исполненіе мѣры, касающіяся общегражданскихъ правъ, а затѣмъ ввести въ дѣйствіе облегченія въ исполненіи духовныхъ „обязанностей“. Общій смыслъ закона, его *rational*, долженъ былъ выяснитъ губернаторамъ особый циркуляръ, который заставилъ себя ждать въ зависимости отъ того, что понадобилось для детальной выработки закона о раскольничьемъ бракѣ образовать комиссію. Учрежденная 8 ноября 1868 года комиссія эта выработала текстъ закона 19 апрѣля 1874 г. о бракахъ раскольничьихъ; при изданіи этого закона послѣдоваль и давно ожидавшійся циркуляръ въ видѣ инструкціи чинамъ полицейскихъ управленій по предмету веденія метрическихъ книгъ для записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ.

Принципальныя разъясненія новаго закона сказались, на примѣръ, въ § 7 инструкціи, въ указаніи начальникамъ полицейскихъ управленій, что они отнюдь не должны при „явѣ раскольниковъ для записи браковъ вдаваться въ разспросы о сущности вѣроученія заявляющихъ“. Вторая половина закона 1864 г. была обработана и издана только къ 3 мая 1883 года, такъ что права свободнаго общественнаго и частнаго богослуженія ранѣ русскихъ сектантовъ успѣли получить лютеране-баптисты по закону 27 марта 1879 года. Къ разсмотрѣнію этого важнѣйшаго по его значенію для сектантовъ и для судебныхъ дѣлъ закону 3 марта 1883 года о свободѣ богослуженія я своевременно возвращусь, когда придется говорить спеціально о штундистахъ и о Высочайше утвержденномъ 4 іюля 1894 года мнѣніи комитета министровъ.

Итакъ, посмотримъ, къ какимъ выводамъ приводитъ раз-

смотрѣніе фактовъ, приведенныхъ выше. Я долженъ оговориться, что отчасти за недостаткомъ мѣста, отчасти намѣренно едва коснулся многихъ важныхъ отдѣловъ изъ области пріемовъ борьбы церкви и государства съ расколо-сектантствомъ, именно тѣхъ, гдѣ государство дѣйствовало исключительно подъ вліяніемъ свѣтскихъ мотивовъ; иныхъ изъ этихъ мѣръ я не затронулъ вовсе и въ свое время, если удастся, пополнию этотъ пробѣлъ; здѣсь, во всякомъ случаѣ, надо дополнить обзоръ хотя бы краткимъ перечисленіемъ этихъ послѣднихъ мѣръ, имѣвшихъ сначала сильно репрессивный характеръ, но также постепенно ослабѣвавшихъ въ связи съ нравственнымъ ростомъ руководящихъ дѣятелей. Въ періоды уже не гоненій, какъ я доказывалъ, а мѣръ предосторожности, со стороны государства предпринимавшихся въ цѣляхъ не допустить укорененія обществъ раскольниковъ на мѣстахъ, было много разныхъ способовъ борьбы съ расколомъ, независимо отъ спеціально-духовныхъ стѣсненій; по отношенію къ оказательству раскола, къ пользованію „бѣглыми попами и колоколами“, существовалъ рядъ такихъ ограниченій, которыя равнялись лишенію раскольниковъ обще-гражданскаго положенія: имъ запрещали вѣзды въ извѣстные города, не позволяли причисляться къ городскимъ обществамъ, вступать въ гильдіи, выѣзжать за границу или наоборотъ вѣзжать въ Россію, заводить школы, скиты, молитвенные дома и богадѣльни и, какъ мы видѣли, лишали возможности имѣть правильную семью; особыя стѣсненія встрѣчали ихъ въ военной службѣ; съ другой стороны, для обращающихся къ православію существовали разныя льготы и прямыя преимущества, крупнымъ примѣромъ которыхъ является, на примѣръ, учрежденіе единовѣрія на почвѣ признанія обрядовъ и книгъ старообрѣческихъ.

Рядомъ съ широкимъ пользованіемъ принудительнымъ переселеніемъ и расселеніемъ раскольниковъ, какъ средствомъ предупрежденія или ослабленія раскола, шли щедро расточаемыя дореформенными судами ссылки въ окраины, какъ за пропаганду сектантства, такъ и за принадлежность—послѣднее преимущественно въ административномъ порядкѣ.

Мы видѣли, что несмотря на всѣ эти заботы и на чрезмерно подчасъ энергичную дѣятельность духовныхъ властей, расколъ все усиливался, число сеетъ и ихъ послѣдователей росло; кромѣ того, замѣчалось, какъ слѣдствіе репрессивныхъ мѣръ, что раскольники, которые первоначально враждовали съ частью церковниковъ и временами имѣли даже союзниками членовъ клира, напр., въ періодъ стригольниковъ или въ борьбѣ противъ „папскаго“ самовластия Никона, — въ результатъ совсѣмъ отошли отъ духовенства; въ свое время церковники бывали у нихъ желанными гостями, являвшимися иногда съ корыстными цѣлями, но вѣроятно часто и по убѣжденію; нынѣ же раскольники стали ихъ заклятыми врагами и влеймятъ ихъ, какъ лицемѣровъ и, наконецъ, подъ давленіемъ ряда перечисленныхъ причинъ, сложилось въ расколосектантскомъ мірѣ противогосударственное настроеніе.

Все это призваны лѣчить новѣйшія съ 1874 года гуманныя законодательныя мѣры и просвѣщенное измѣненіе прежнихъ фанатическихъ взглядовъ въ средѣ антисектантскаго лагеря.

Заключительный выводъ первой главы этой работы по вопросу о необходимости раздѣленія государства и церкви въ ихъ дѣятельности по расколу, какъ мы видѣли, не только вѣрнѣ теоретически, но оказывается назрѣвшимъ и проведеннымъ болѣе или менѣе послѣдовательно за послѣднія два столѣтія до нынѣшняго времени чрезъ всю административно-законодательную дѣятельность русскаго правительства. Интересы церкви и государства предстали предъ нами цѣлесообразно отдѣленными другъ отъ друга, какъ по содержанію ихъ, такъ и по средствамъ достиженія цѣлей и осуществленія этихъ интересовъ; насколько для представителей церкви слово убѣжденія и непосредственное нравственное вліяніе явились главными средствами, настолько для свѣтской власти оказалось невысказаннымъ идти по пути насильнаго вразумленія и побужденія притѣсненіями ради цѣлей религіозныхъ, стоящихъ все-таки не на первомъ планѣ его политическихъ и нравственныхъ задачъ, которыя у государства свои собственныя, особыя.

Рядомъ съ этимъ страдали не только нравственные и

гражданскіе интересы громаднаго числа русскихъ подданныхъ, но нарушалась общественная устоячивость возникновеніемъ государства въ государствѣ, несмотря на всѣ принимавшіяся въ предупрежденіе и ограниченіе этого зла мѣры и, наконецъ, создалась среда, способная оказаться при случаѣ въ нежелательной въ высшей степени по ея фанатическому характеру оппозиціи властямъ.

Не трудно формулировать руководящіе принципы, вытекающіе изъ всего предыдущаго и ясно опредѣляющіе, какъ отрицательныя, такъ и положительныя обязанности церкви и государства по отношенію къ расколу.

Только теперь на этомъ, такъ сказать, фонѣ представляется возможнымъ и своевременнымъ перейти къ чисто юридическимъ уже вопросамъ о положеніи судовъ въ отношеніи къ раскольникамъ-сектантамъ, о задачахъ дѣятельности юристовъ въ этой области, о томъ, какъ именно проявляютъ они пониманіе своего положенія и задачъ на дѣлѣ, т. е. на какой почвѣ и какими средствами дѣйствуютъ и чего именно могутъ достигать и достигаютъ въ своей охранительной дѣятельности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Задача юриста въ дѣлахъ о раскольникахъ-сектантахъ.

Давно началась и неуклонно продолжалась въ административныхъ и законодательныхъ сферахъ примирительная политика по отношенію къ расколо-сектантству. Систематически, какъ мы видѣли, смягчала эта политика приемы и дѣйствія воинствующаго клира, ограничивала его вмѣшательство или даже совсѣмъ устраняла его вліяніе. Эта глухая борьба, сопровождавшаяся перемѣннымъ успѣхомъ, страшно замедляла дѣло воссоединенія сектантовъ съ церковью, а также мѣшала и попыткамъ свѣтской власти слить только, хотя бы граждански, сектантовъ съ другими русскоподданными. Очевиднымъ результатомъ такой двойственности явилось въ послѣднее время неожиданно быстрое наступленіе тревожныхъ явленій,—въ общей формѣ намѣченныхъ у меня выше въ первой главѣ, въ качествѣ вѣроятныхъ послѣдствій смѣшенія задачъ церкви и государства. Отъ мелкихъ столкновеній сектантовъ съ односельцами и низшими органами власти борьба съ быстротой, свойственной острымъ моментамъ, захватила другое болѣе широкое поле: наступило открытое столкновеніе принциповъ на почвѣ интеллигентной—вопросъ сталъ ребромъ. И какъ всегда бываетъ, такъ случилось и теперь: „пришла бѣда—растворай ворота“ ¹⁾.

---

¹⁾ Глубокъ смыслъ этой поговорки: она справедлива и въ обратномъ смыслѣ.

Инцидентъ за инцидентомъ прорвались въ періодическую печать и требуютъ себѣ вниманія. Еще нынѣшнимъ лѣтомъ одинъ изъ очевидныхъ для всѣхъ незакрывающихъ глаза грозныхъ симптомовъ надвигающагося распада русскаго общества на два враждебныхъ лагеря сказался въ странномъ на первое время, предъявленномъ въ Москвѣ, требованіи портного Ворсуняева и лавочника Замятина исключить графа Л. Н. Толстого изъ числа почетныхъ членовъ Московскаго перваго общества трезвости;—инцидентъ этотъ огласился въ печати тогда же. Основывалось это требованіе на томъ, что графъ, въ качествѣ отлученнаго отъ церкви, — неправославный; казалось бы, какая забота этимъ скромнымъ трезвенникамъ, портному и лавочнику, охранять православіе своихъ членовъ. Но какъ только „вопросъ сталъ сходить на нѣтъ“, выяснилось, что настоящими ревнителями православія явились другіе члены—а именно лица духовнаго званія;—по крайней мѣрѣ священникъ Лебедевъ отъ лица всѣхъ духовныхъ членовъ общества заявилъ, что они всѣ выйдутъ изъ состава общества, если гр. Толстой останется членомъ общества трезвости.

Ревность къ вѣрѣ, будучи вполне естественной въ людяхъ, глубоко убѣжденныхъ въ правотѣ своего исповѣданія, не сдерживаемая въ надлежащихъ границахъ, приводила, однако, не разъ къ осложненіямъ въ жизни и народовъ, и отдѣльныхъ лицъ. Невольно приходятъ на память историческія справки потому, что не всегда вѣрится въ возможность фактовъ, которыми иногда даритъ насъ наша современность; таково, на примѣръ, сообщеніе, проникшее въ „Петербургскія Вѣдомости“, а затѣмъ и въ „Россію“ (№ 901 за 1901 годъ отъ 28 октября), о томъ, что будто бы Саранульскій преосвященный Владимиръ 27 августа, ради искорененія языческихъ обычаевъ, при содѣйствіи двухъ станovýchъ приставовъ и жандармовъ, вырубилъ священную рощу близъ черемисской деревни Ерыксы; затѣмъ, какъ сообщается далѣе, по его приказанію,

---

Если бѣда въ домѣ, то тоже приходится открывать ворота, и тогда это хорошо—напр., во время пожара.

то-же попробовали сдѣлать 1-го сентября священники Домрычевъ и Ергинъ въ другой черемисской деревнѣ Гондырево, уже во главѣ 70 человѣкъ понятыхъ и крестьянъ; результатомъ, если вѣрить корреспонденту, было побоище съ язычниками, бѣгство священниковъ, осада ихъ въ избѣ и затѣмъ освобожденіе; при этомъ, однако, заключаетъ корреспондентъ, „осталось на полѣ сраженія въ роцѣ 25 человѣкъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ умеръ“.

Это удивительное сообщеніе, до сихъ поръ не опровергнутое, нуждается, очевидно, въ провѣркѣ, почему нельзя думать, чтобы его замолчали или, если возникло дѣло, замаяли дѣло, какъ объ этомъ прошелъ слухъ въ газетахъ. Къ сожалѣнію, крайне вѣроятенъ, ибо уже не впервые наблюдается, приводимый ниже случай. Рѣчь идетъ не о язычникахъ, а о сектантахъ и о насиліи надъ ними православныхъ сосѣдей; выше мы видѣли немало такихъ фактовъ въ прошедшемъ,—вотъ они въ настоящемъ: въ № 9642 „Новаго Времени“ отъ 17 августа 1901 года напечатано слѣдующее:

„О крайне прискорбномъ случаѣ уличнаго насилія и буйства сообщаетъ „Кіевлянинъ“.

„Около 10-ти часовъ вечера, 12-го августа, на Бульонской улицѣ, въ одной изъ квартиръ въ домѣ № 58, происходило собраніе сектантовъ, въ общемъ болѣе 80 человѣкъ обоого пола. Какъ и раньше бывало, пѣніе собравшихся, слышное на улицѣ, собрало толпу около этого дома, и три человѣка чернорабочихъ, бывшихъ уже навеселѣ, вошли въ помещеніе, гдѣ происходило собраніе, и стали отъ него требовать на водку. Нахаловъ попросили удалиться, но они подняли шумъ, стали ругаться, и ихъ пришлось удалить изъ квартиры болѣе крутыми мѣрами. Босяки выбѣжали на улицу и стали кричать, что ихъ бьютъ. Толпа пыталась ворваться во дворъ, но дворникъ заперъ ворота, и тогда буяны съ криками и шумомъ стали, чѣмъ попало, ломать ворота, а другая часть буяновъ швыряла камни въ окна втораго этажа. Имъ удалось сорвать ворота съ петель, предварительно сломавши ихъ; буяны ворвались во внутрь усадьбы и цѣлымъ градомъ каменьева стали разбивать стекла въ большомъ стеклянномъ

корридорѣ. Обыватели усадьбы были въ большой паникѣ, неизвѣстно, до чего дошло бы дѣло, если бы буяны не услышали свистка ночного сторожа. Они оставили усадьбу, боясь прихода полиціи, но, какъ оказывается, устроили засаду. Когда часть сектантовъ, главнымъ образомъ мужчины, вышли на улицу, на Лабораторной улицѣ ихъ нагнала толпа и стала избивать палками, бросать камни и т. д. Большую часть женщинъ и дѣтей, оставшихся изъ страха въ квартирѣ, гдѣ происходило собраніе, проводилъ затѣмъ домой явившійся городской. Въ корридорѣ почти всѣ стекла разбиты, также много стеколъ разбито въ д. № 58 со стороны улицы“.

Какіе это именно сектанты—въ данномъ случаѣ безразлично; но зловѣщимъ является фактъ *уличнаго* буйства, разнузданности уже городской толпы, и такъ какъ интеллигентныхъ настоящихъ инициаторовъ беспорядка въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ судя по корреспонденціи, не видно, то можно предположить уже сознательное пользованіе со стороны черни религиозными предлогами для буйства; трудно сказать, чтó опаснѣе—такіе или продиктованные фанатизмомъ беспорядки. Во всякомъ случаѣ, въ расколовшейся православной средѣ взаимное озлобленіе обѣихъ сторонъ растетъ, и прошумѣвшее недавно въ періодической печати Павловское побоище, гдѣ инициатива приписывается сектантамъ—доказываетъ быстро надвигающуюся опасность очень рельефно. Не касаясь подробностей этого разгрома сектантами церкви—школы въ виду того, что производится слѣдствіе¹⁾, нельзя и тутъ не отмѣтить, что поводъ къ беспорядку въ длинныхъ официальныхъ и неофициальныхъ сообщеніяхъ не выясненъ, и потому приходится искать его или въ какомъ нибудь вызовѣ со стороны православныхъ, напр., во время моленія или собесѣдованія, или въ накопившемся озлобленіи сектантовъ, нерѣдко раздражаемыхъ неумѣлымъ миссіонерствомъ.

Поторопившееся огласить ихъ „Миссіонерское Обзорніе“ было уже уличено въ ошибкахъ очень серьезныхъ: оглашенныхъ Обзорніемъ смертныхъ случаевъ не было.

Слово „гоненія“ часто попадаетъ теперь на газетныхъ столбцахъ послѣ рѣчи М. А. Стаховича на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ, хотя нельзя не сказать, что фактовъ гоненія оглашается въ печати мало; впрочемъ, дѣло разумѣется не въ томъ, насколько печать въ состояніи отражать дѣйствительность; иногда одинъ фактъ открываетъ многое и вполне неожиданное даже для крайняго пессимиста.

Таковъ коротенькій рассказъ, приведенный г. Стаховичемъ въ его рѣчи „О свободѣ совѣсти“ (Спб. Вѣдомости № 267 отъ 29 сент. 1901 года). „Съ согласія и вѣдома и священника, и начальства заперли заподозрѣнныхъ штундистовъ въ церкви, принесли столъ, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. Приложись!— „Не хочу прикладываться къ идоламъ!“... А! пороть тутъ же... Послабже которые послѣ перваго же раза возвращались въ православіе. Ну, а которые до четырехъ разъ выдерживали“. Я не считаю возможнымъ сомнѣваться въ главныхъ фактахъ ¹⁾ этого сообщенія почтеннаго оратора и, естественно, готовъ впредь ко всякимъ новымъ извѣстіямъ о насиліяхъ съ той или другой стороны между нафанатизированными невѣжественными массами, которыхъ обстоятельства такъ неосторожно направляютъ однѣ на другія.

Смѣю думать, что выраженія, мною употребленныя, если и грѣшатъ, то только излишней умѣренностью, такъ какъ, анализируя впечатлѣніе, произведенное рѣчью г. Стаховича, на періодическую печать реакціоннаго лагеря, „Вѣстникъ Европы“, напримѣръ (ноябрь, 1901), пользуется и вполне справедливо терминами несравненно болѣе сильными.

Во внутреннемъ обзорѣніи этого номера имѣется подзаглавіе: „Возмутительная травля и недобросовѣстная полемика вызванная рѣчью г. Стаховича въ Орлѣ“. Выписка изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, приводимая по этому поводу журна-

---

¹⁾ Указаніе, что это было въ церкви, повидимому *lapsus linguae*, что во время послѣдовавшей горячей полемики и исправлено г. Стаховичемъ; тотъ фактъ однако, что это было съ вѣдома священника — стоитъ твердо, а въ немъ центръ тяжести „гоненія“.

ломъ, вполнѣ объясняетъ право „Вѣстника Европы“ на такое словоупотребленіе ¹⁾).

Комментируя рѣчь „О свободѣ совѣсти“, почтенный журналъ высказываетъ нѣсколько соображеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ моей задачѣ, почему я и позволю себѣ небольшую выписку. Оспаривая подстановляемую реакціонной печатью г. Стаховичу мысль о необходимости будто бы прекращенія союза Государства съ Церковью, обозрѣватель говоритъ: „Развѣ уголовныя кары ²⁾ имѣютъ что либо общее съ церковными догматами, съ принципами православной вѣры? Развѣ принужденіе — необходимое условіе союза между церковью и государствомъ? Развѣ союзъ этотъ станетъ менѣ проченъ, если въ средѣ церкви не будутъ насильно удерживаемы принадлежащія къ ней только по имени? Союзъ между церковью и государствомъ существуетъ вездѣ, гдѣ есть такъ называемая „господствующая“ церковь,—а гдѣ же можно видѣть еще на стражѣ правовѣрія полицію и судъ? Со стороны государства союзныя отношенія къ церкви выражаются въ охранѣ ея ученія отъ рѣзкаго отерятаго порицанія ея обрядовъ, отъ нарушенія ихъ торжественности и благолѣпія; въ обезпеченіи за ея служителями почетнаго положенія въ обществѣ и средствъ къ безбѣдной жизни; въ содѣйствіи нравственному и матеріальному ея миссіонерской дѣятельности и т. д. . . Не ясно ли, что свобода совѣсти—отнюдь не синонимъ отдѣленія церкви отъ государства. . .“. Упомянувъ далѣе общеизвѣстный фактъ, что въ эпохи бѣльшей строгости гораздо сильнѣе развивался и расколъ, обозрѣватель справедливо указываетъ, что кажущееся въ такіе періоды могущество государства такъ же не реально, какъ и „духовное здоровье“ государства за тотъ же періодъ; при этомъ онъ съ горечью приводитъ на память подобное же состояніе Россіи передъ крымской войной.

Рѣчь „О свободѣ совѣсти“ только отчасти вызвала то прин-

---

¹⁾ Стр. 459. „В. Евр.“, ноябрь 1901.

²⁾ Отмѣны этихъ каръ въ дѣлѣ борьбы съ распространеніемъ сектантства требовалъ г. Стаховичъ.

ципіальное обсужденіе этого вопроса, въ чаяніи котораго напечатали эту рѣчь „С.-Петербургскія Вѣдомости“¹⁾, но за то въ рядѣ писемъ въ редакцію и другихъ полемическихъ поправоѣ выяснились мнѣнія и факты, чрезвычайно важные при разработкѣ моей задачи—объ отношеніи суда къ расколо-сектантству. Не имѣя въ виду, какъ я уже заявилъ выше, вдаваться въ принципиальное изслѣдованіе вопроса о свободѣ совѣсти²⁾, я считаю однако необходимымъ для болѣе удобнаго пользованія вновь открывшимся матеріаломъ привести главное содержаніе рѣчи г. Стаховича, по возможности, его словами; тогда основныя положенія послѣдовавшихъ за нею статей и писемъ станутъ яснѣе. Такой пріемъ позволитъ мнѣ опять въ этой области сверхъюридическихъ принциповъ только ссылаться на тѣ изъ нихъ, съ которыми я согласенъ или которые считаю безспорными.

Особенное значеніе этой рѣчи заключается въ томъ, что она была сказана въ собраніи миссіонероѣ. Благодаря такому выбору мѣста, сразу выяснились какъ настроеніе и образъ дѣйствія миссіонероѣ, такъ и отношеніе духовенства къ расколо-сектантству вообще; этимъ слушателямъ было указано ораторомъ на отсутствіе „краеугольнаго камня“ въ воздвигаемомъ ими зданіи.

„Обширность программы подсказала мнѣ, говоритъ онъ, утѣшительную надежду. Она обнимала почти всѣ оглашенныя смущенія послѣднихъ годовъ, обѣщала облегчить или уничтожить недоумѣнное состраданіе, произвольно вызванное, неувѣренно высказываемое при слухахъ о гонимыхъ, высылаемыхъ, приговариваемыхъ людяхъ за дикія изувѣрства, за отвратительныя, а иногда умильные, хотя и чуждыя намъ, вѣрованія ихъ“.

Говоря о „пренебреженіи краеугольнымъ камнемъ“, онъ прибавляетъ: „само вставало предо мною, пропущенное въ

---

¹⁾ № 267 отъ 29 сентября 1901 года.

²⁾ Это не только завлекло бы меня за предѣлы статьи, но и едва ли достигло бы цѣли, такъ какъ полное всестороннее освѣщеніе вопроса этого представляется неудобнымъ въ печати.

огромной программѣ, ни разу не произнесенное здѣсь, среди пылкихъ ученыхъ, многостороннихъ и искреннихъ преній—вѣковое слово: свобода совѣсти . . . . Гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія—тамъ нѣтъ и мѣста для дѣла вѣры, тамъ не повѣсть Духъ Господень, тамъ пребудутъ безсильными всѣ старанія, всякое рвеніе! Далѣе, цитируя Гизо и И. С. Аксакова, г. Стаховичъ говоритъ, что христіанская религія въ теченіи 18 вѣковъ, то гонимая, то гонительница, претерпѣвъ мученичество и гоненія подъ скипетромъ языческихъ императоровъ, жила въ періоды господства въ свою очередь подъ стражею гражданскаго закона, защищаемая оружіемъ свѣтской власти. „Она живетъ теперь предъ лицомъ и въ присутствіи свободы. Она имѣетъ дѣло со свободою мыслію“.

Указавъ словами Гизо на измѣненія, которыя въ этомъ направленіи пронизали весь общественный строй—онъ продолжаетъ, „нелегко перейти отъ привилегіи къ общности права. . . . покориться свободѣ дерзкаго противорѣчія и необходимости постоянно защищаться и одолевать; . . . вѣрующимъ еще труднѣе сносить невѣрующихъ, чѣмъ правительствамъ оппозицію—и однако же. . . . —они уже нигдѣ (иначе), какъ только въ свободѣ сужденія могутъ обрѣсти нужную имъ силу“.

Мотивируя эти выводы Гизо и Аксакова о духовномъ мечѣ и объ опасностяхъ употребленія меча свѣтской власти, г. Стаховичъ говоритъ: „Требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самое Слово Божіе. Требованіе свободы совѣсти есть требованіе свободы для самой церкви—эта свобода необходима для ея собственной жизни духа, для торжества, для ея побѣды. . . . Именно вамъ, миссіонерамъ, продолжаетъ онъ, надлежитъ прежде всего указать на эту старую ересь, на этотъ государственный грѣхъ, на отсутствіе свободы совѣсти въ странѣ—носителниці православія. . . . У насъ увѣряютъ, что есть свобода вѣрованія, только нѣтъ свободы исповѣданія. . . . Вотъ эту то ошибку, *выдаваемую врагами за прямой обманъ*, слѣдуетъ раскрыть ближайшимъ ревнителямъ о церкви“.

„Законодательство вправѣ говорить любому подданному: „Ты можешь вѣрить, во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить,—мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ признаваться ни мнѣ, ни другимъ. Но Церковь не можетъ повторять за нимъ тѣхъ же словъ. Больше, она можетъ сказать государству: Нѣтъ! Предоставь мнѣ, мнѣ единой на то уполномоченной, вѣдать дѣла совѣсти... Меня научилъ апостоль „въ союзѣ мира блюсти единеніе духа“, а не въ союзѣ запрета со строгой карой“...

Далѣе ближе опредѣляется понятіе свободы совѣсти, какъ разрѣшеніе „не только безнаказаннаго отпаденія отъ православія, но и—права безнаказаннаго исповѣданія своей вѣры... „за проповѣдь передъ взрослыми, за совращенія сознательныхъ людей—нельзя и безцѣльно карать... Если церковь вѣруетъ въ свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она въ содѣйствіи земной силы“... „Не именемъ духовнаго начальства, не отъ имени духовенства, а во имя церкви надо высказать, что насиліе надъ совѣстью—безсовѣстно, что гдѣ нѣтъ свободы—нѣтъ искренности, что гдѣ нѣтъ искренности—нѣтъ вѣры правой и неправой. Церковь можетъ сказать, что область совѣсти и вѣры—ея область“... „Мнѣ, мнѣ единой дана власть вязать и разрѣшать, дана безъ права передовѣрія прокурорамъ и судьямъ“.

Разсматривая по пути вопросъ о вмѣшательствѣ свѣтской власти вслѣдствіе приглашенія со стороны духовнаго начальства (ст. 1006 уст. угол. суд.)¹⁾, г. Стаховичъ вспоминаетъ, что за послѣдніе годы часто поступали эти требованія духовнаго начальства и, боясь надѣяться, что съ установленіемъ и развитіемъ миссіонерства прекратится это обращеніе къ матеріальной власти въ области убѣжденія и воздѣйствія на душу, онъ предлагаетъ Орловскому миссіонерскому съѣзду такъ прямо и высказаться и возбудить соотвѣтственное ходатайство.

Очень важны ссылки г. Стаховича на изданную недавно

---

¹⁾ Дѣла объ отступленіи и совращеніи не могутъ начинаться безъ такого приглашенія.

„Миссіонерскую Памятку“, въ которой миссіонеры, по его мнѣнію, напрасно упрекають приходское духовенство „за равнодушіе, доходящее до предубѣжденія“, къ миссіонерской дѣятельности. Онѣ подсказываютъ подтвержденіе моей мысли, въ развитію которой я едва ли буду имѣть случай въ этой работѣ, а именно, что миссіонерство—не дѣло приходскихъ священниковъ. Наше законодательство еще въ 1835 году, издавая особое „Наставленіе священнику относительно заблуждающихся отъ истины вѣры“, считало, что миссіонерство составляетъ прямую обязанность приходскихъ священниковъ; рядомъ съ этимъ, однако, уже въ то время посылались, хотя только въ иные важные пункты, особыя миссіи, а затѣмъ законодательство рѣшительно вступило на этотъ другой путь, стало насаждать вообще независимое отъ приходоѡ миссіонерство; такъ, напримѣръ, новый семинарскій уставъ 1867 года разумно исключилъ изъ числа обязательныхъ предметовъ преподаваніе раскола, но всетаки организація миссіонерской дѣятельности была возложена на епархіальныхъ архіерееѡ. Съ 1864 года въ большихъ городахъ, начиная съ Саратова, учреждаются братства, для пріисканія миссіонеровъ - добровольцевъ; въ 1875 году основывается школа въ Вяткѣ для крестьянъ, желающихъ идти на борьбу съ расколомъ. Въ этой перемѣнѣ политики сказалось осужденіе полицейскаго характера прежнихъ миссіонеровъ и сквозить пониманіе ¹⁾ того, что пребывающій постоянно въ своемъ приходѣ въ качествѣ духовнаго начальства—приходскій священникъ—не годится въ миссіонеры: слишкомъ близко стоитъ онъ въ будничной жизни прихожанъ; въ сожалѣнію, почти всегда (доказывающіе примѣры были бы безчисленны) ²⁾ онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями по поводу хозяйственныхъ столкновеній, приходскихъ нуждъ и невольно становится въ ихъ глазахъ согладатаемъ, чуть не полицейскимъ чиновникомъ въ ряскѣ; къ

---

¹⁾ Пониманіе еще не общее всѣмъ, какъ явствуетъ изъ сбивчивыхъ соображеній за приходскую миссію въ брош. В. М. Скворцова „О штундизмѣ“ стр. 28—1894 года.

²⁾ Доказательства этого положенія приводятся ниже.

этому приводятъ не только его обязанность наблюденія за приходомъ и донесеніе при случаѣ въ консисторію и полицію о томъ или другомъ неблагоповеденіи, но и крайне формальный характеръ его духовныхъ обязанностей, связанныхъ къ тому же съ необходимостью вознаграждать себя съ нѣкоторой иногда чрезмѣрной строгостью и настойчивостью на счетъ тощаго достатка, а чаще и прямо недостатка прихода изъ крестьянскаго сословія.

Исторія раскола полна указаній на это, и мы далѣе встрѣтимся съ прямыми заявленіями такого рода въ полемикѣ по поводу рѣчи г. Стаховича.

Къ сожалѣнію, уже двадцать лѣтъ, какъ политика по расколу опять перемѣнилась: уставъ 1884 года ввелъ снова въ семинаріяхъ, въ качествѣ обязательнаго предмета, преподаваніе раскола, для котораго, впрочемъ, еще за три года уже учреждались при семинаріяхъ особыя кафедры, и хотя слѣдующіе одинъ за другимъ миссіонерскіе съѣзды позволяютъ заключить, что центръ тяжести миссіонерской дѣятельности не тяготѣетъ больше, ко вреду дѣла православія, на приходскомъ духовенствѣ, но настроеніе самихъ съѣздовъ не обѣщаетъ ничего успокоительнаго, все громче и громче въ средѣ миссіонеровъ раздаются голоса, требующіе содѣйствія миссіонерамъ со стороны свѣтской власти, смѣшивающіе въ одно религію и государство, голоса не признающіе за русскимъ монархизмомъ самостоятельнаго существованія внѣ православія и т. п.

Разумѣется, эти фальсификаціи государственной науки и русской исторіи рано или поздно будутъ изобличены; но сколько еще зла принесутъ онѣ русскому народу и государству, а также и самому православію.

Къ числу такихъ тенденціозныхъ взглядовъ или странныхъ ошибокъ (если предположить, что это проводится не сознательно и ненамѣренно) относится, напр., умозаключеніе г. Субботина¹⁾, что раскольники стали дерзки и бранчливы какъ въ сочине-

---

¹⁾ Мысли и замѣтки по вопросамъ о расколѣ. Москва, 1901, пр. Н. И. Субботинъ, стр. 62.

нілхъ, такъ и въ бесѣдахъ, вслѣдствіе „послабленій расколу со стороны правительства и тѣхъ заигрываній съ расколомъ нашей либеральной печати, которыя продолжались столько времени и доселѣ еще не совсѣмъ прекратились“. Последнее замѣчаніе ясно указываетъ, что г. Субботинъ знаетъ (да и не можетъ не знать), что уже двадцать лѣтъ тянется періодъ, который ни вообще, ни по отношенію къ расколу въ частности, либеральнымъ названъ быть не можетъ, а между тѣмъ будто бы правительство и печать придаютъ дерзости расколу. Не вѣроятнѣе ли, что озлобленіе это вызываютъ тѣ кары, которыя, какъ съ чувствомъ удовлетворенія замѣчаетъ г. Субботинъ, висятъ надъ расколомъ: „Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ настоящее время сами старообрядцы, говоритъ онъ тутъ же ¹⁾, изъ болѣе или менѣе разсудительныхъ, осуждаютъ уже эту дерзкую брань своихъ писателей на православную церковь, опасаясь, какъ бы не навлекла она справедливую кару правительства на расколъ“. Можетъ быть *справедливо* было бы указать при этомъ случаѣ на рѣзкости самого проповѣдника вѣжливости, встрѣчающіяся въ выше-названной брошюрѣ, но я счелъ бы неуваженіемъ къ читателю рекомендовать ему заглянуть въ ту мертвую схоластику, которая составляетъ все содержаніе брошюры, и которая очевидно не заинтересуетъ даже самихъ невѣжественныхъ раскольниковъ, съ трудами которыхъ брошюра г. Субботина ратоборствуетъ.

Первымъ отозвался на рѣчь г. Стаховича по ея напечатаніи—предсѣдатель миссіонерскаго съѣзда о. Петръ Рождественскій въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Онъ указалъ на неточности въ приведенномъ г. Стаховичемъ случаѣ, а именно, что столъ, при которомъ допрашивали, былъ поставленъ не въ церкви; относительно же заявленія одного священника изъ числа членовъ съѣзда, по поводу того, что въ передачѣ г. Стаховича, изъ сорока семей штундистовъ осталось въ деревнѣ Глыбочкѣ четыре, а остальные, по словамъ священника, „милостью

---

¹⁾ 1. с., стр. 63.

Божьей сосланы въ Закавказье и Сибирь“, поправка заключалась въ томъ, что штундистовъ было не сорокъ семей, а сорокъ человекъ и что сослано всего семь.

Не приводя интересныхъ возраженій г. Стаховича отцу Петру Рождественскому по замѣчаніямъ общаго характера, я только отмѣчу важный для моей задачи фактъ, что одинъ изъ числа лицъ, которыхъ назвалъ о. Петръ въ качествѣ несочувствующихъ вопросу о свободѣ совѣсти членовъ съѣзда, — миссіонеръ М. А. Новоселовъ сряду же печатно опровергъ эту ссылку ¹⁾.

М. А. Новоселовъ просить вспомнить, какъ рѣшительно высказывался онъ „противъ того ненаучнаго метода изслѣдованія, при посредствѣ котораго такъ легко усматриваются проявленія зловредныхъ соціально-политическихъ тенденцій тамъ, гдѣ едва ли усмотрѣло бы ихъ самое недреманное прокурорское око“.

Не надо забывать, что именно въ этомъ пунктѣ (о соціально-политическихъ тенденціяхъ) центръ тяжести обвиненій, образцы которыхъ я привелъ въ изобилии во второй главѣ; эти обвиненія сводились именно къ тому, что судебная власть (г. Субботинъ прибавляетъ и „правительство“) не поддерживаетъ духовную власть въ борьбѣ противъ политически опасныхъ сектъ, и вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, миссіонеръ—членъ съѣзда, укоровъ своихъ сотоварищей въ ultra-прокурорскихъ тенденціяхъ, прибавляетъ: „Прошу вспомнить, съ какою горечью и болью отмѣчалъ я тотъ фактъ, что въ представленіи сектанта православный миссіонеръ отождествился съ гонителемъ, отъ бесѣды съ которымъ онъ уклоняется изъ боязни оказаться въ рукахъ полицейскаго или судебного чиновника, уклоненіемъ этимъ произнося приговоръ надъ фальшивымъ (въ дѣлѣ миссіи) союзомъ миссіонера и урядника“.

Вспоминая свои рѣчи на съѣздѣ о необходимости отказаться въ дѣлѣ миссіи отъ меча гражданской власти, г. Но-

---

¹⁾ С.-Пб. Вѣдом. № 292, отъ 24 окт. 1901.

воселовъ замѣчаетъ, что эти рѣчи вызвали на съѣздѣ ясное „сочувствіе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ“.

Письмо г. Новоселова интересно, какъ голосъ лица, не вполне согласнаго съ г. Стаховичемъ; это несогласіе выражено очень оригинально въ слѣдующей фразѣ, относящейся къ докладу г. Стаховича и къ письму о. Петра Рождественскаго: „кое что несправедливое въ докладѣ и неистинное въ письмѣ уже замѣчено и указано печатью“.

Подчеркивая здѣсь эту оцѣнку неистинности кое-чего въ письмѣ предсѣдателя съезда о. Рождественскаго, я воспользуюсь случаемъ сдѣлать небольшое, необходимое отступление.

Уже въ первой статьѣ, очерчивая положеніе сектантскаго вопроса преимущественно на основаніи данныхъ анти-сектантской литературы, я разумѣется, по необходимости, удѣлялъ большое вниманіе этимъ одностороннимъ матеріаламъ за недостаткомъ въ печати другого; дѣлая это, я сознавалъ, что приходится быть насторожѣнъ противъ увлеченій *сторонны*, вооруженной къ тому же привилегированнымъ положеніемъ въ печати, и предостерегалъ и предостерегаю опять въ этомъ отношеніи читателей. „Неистинность“ въ сообщеніяхъ, отмѣченная г. Новоселовымъ, предполагая даже, что она просто слѣдствіе небрежности, къ сожалѣнію, чрезвычайно часто наблюдается въ анти-сектантской литературѣ: примѣромъ очень рѣзкимъ можетъ служить послѣднее сообщеніе „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ о Павловскомъ побоищѣ, размѣры, или вѣрнѣе, послѣдствія котораго были преувеличены до перечисленія жертвъ, которыхъ по официальному сообщенію не оказалось.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что особыя условія, въ которыхъ находится сектантство, чрезвычайно затрудняютъ объективное его изученіе, между тѣмъ юристамъ представлялось бы очень не лишнимъ знать точно, что такое на самомъ дѣлѣ пресловутая штунда, да и существуетъ ли она.

Серьезность и настоятельность этихъ неосвѣщенныхъ достаточно безпристрастно и объективно вопросовъ внѣ всякаго сомнѣнія. Нерѣдко приходится встрѣчать судей всякихъ ран-

говъ, спорящихъ о самомъ существованіи штунды, и еще чаще—недоумѣвающихъ о ея вредности.

Въ этомъ отношеніи законъ 1894 года, представляющій отголосокъ мнѣній антисектантскихъ дѣятелей, не даетъ удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ чисто электическое построение даннаго въ немъ опредѣленія штундизма бросается въ глаза. Въ виду этого, согласно руководящему рѣшенію уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената по д. Головки № 1 за 1900 годъ, для юристовъ пока обязательенъ одинъ главный вопросъ при рѣшеніи штундистскихъ дѣлъ: подходятъ ли обстоятельства даннаго случая подъ опредѣленіе штундизма, въ этомъ законѣ изложенное? Если—да, то существуетъ виновность. Нельзя не сказать, что до сихъ поръ, насколько я знаю, такихъ дѣлъ съ утвердительнымъ рѣшеніемъ вопроса не было ¹⁾, да если бы такія и нашлись въ прошедшемъ или будущемъ, то это отнюдь не означало бы утвержденія дѣйствительнаго существованія религіозной секты, опредѣленнаго, самостоятельнаго типа.

Въ самомъ дѣлѣ, вполне допустимо, что найдется лицо или нѣсколько лицъ, въ дѣятельности, или еще проще, въ умѣ которыхъ окажется существующей сложная схема взглядовъ и стремленій, указанныхъ въ законѣ 1894 года. Но вѣдь это можетъ быть случайностью,—отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать, что гдѣ-то на югѣ Россіи существуютъ сотни тысячъ людей, составляющихъ антиправительственный лагерь, все шире охватывающій съ запада и востока Россію идвигающійся къ центру со знаменемъ, на которомъ написано: „штунда“.

Существованіе такой секты, при нынѣшнихъ условіяхъ судопроизводства, не можетъ быть доказано даже тысячами судебныхъ рѣшеній, признающихъ даже примѣнимость закона 1894 года; оно могло бы быть доказано не приговорами, основанными на экспертизѣ духовныхъ лицъ, стороны въ дѣлѣ, а научно

---

¹⁾ Встрѣчались дѣла, гдѣ присяжные, признавая виновность, исключали важнѣйшіе признаки (С.-Петербургскаго окружнаго суда, Псковская штунда—3-я ч. 196 ст. дек. 1900 г.—былъ исключенъ признакъ антигосударственности).

безпристрастными и нестѣсняемыми въ своей научной работѣ изслѣдователями. А этого то и нѣтъ.

Вѣдь при малѣйшемъ прикосновеніи къ сектантской литературѣ васъ поражаетъ царствующая по отношенію къ термину *штунда* неопредѣленность: то это мирныя духовныя бесѣды братства „Stunde“, то это новое названіе баптизма, то иногда и наоборотъ—штундисты именуютъ себя баптистами, какъ утверждаютъ многіе, то вы встрѣчаетесь съ новыми видами штунды (духовная, малеванщина, напр.), неизмѣримо далеко отошедшими отъ баптистической штунды (Коссяковскій толкъ); чаще всего въ литературѣ—антисектантской, разумѣется—вы видите увѣренное именованіе штундою (напр., у свящ. Рождественскаго, Стрѣльбицкаго и другихъ) секты, возникшей хотя и на православной почвѣ, но преслѣдующей по наущенію нѣмцевъ политическую цѣль (Стрѣльбицкій; Сворцовъ) отторженія отъ Россіи южной окраины, чтобы не сказать половины... и вдругъ тутъ же рядомъ упоминается,—безъ малѣйшей оговорки по поводу странности подобнаго утвержденія, что „въ 1892 году Россію посѣтили делегаты отъ американскихъ покровителей нашей штунды съ цѣлью на мѣстѣ познакомиться съ положеніемъ этой секты“; далѣе, очевидно въ связи съ этимъ, сообщается, что „въ послѣдніе годы все чаще и чаще наблюдаются случаи эмиграціи штундистовъ за границу. При этомъ эмиграція нашихъ штундистовъ поощряется, повидимому, единовѣрцами заграничными“¹⁾. Итакъ, завоеватели эмигрируютъ, но завоеватели ли они въ такомъ случаѣ, и въ чемъ политическая опасность ихъ ученія?

Правда, въ этой статьѣ г. Сворцовъ называетъ штунду „болѣзненнымъ явленіемъ въ нашемъ церковно-общественномъ организмѣ“ и, признавая первыми піонерами ея на Руси нѣмцевъ-піэтистовъ и баптистовъ,—упоминаетъ относительно антиправительственнаго характера штунды только въ формѣ ссылки на демократическія и соціальныя *тенденціи* этихъ піонеровъ-піэтистовъ и баптистовъ²⁾, но, съ другой

¹⁾ „О штундизмѣ“ В. М. Сворцова, 7.

²⁾ I. с. 1 и 4.

стороны не надо забывать, что какъ разъ въ томъ же 1894 году, когда была издана эта статья особой брошюрой,—вышелъ и законъ 1894 года, столь подробно опредѣлившій политическую вредоносность штунды.

Въ самомъ дѣлѣ, въ одно и то же время появляется законъ, подробно перечисляющій признаки штунды, а въ названной статьѣ, столь близко стоящій къ антисектантской дѣятельности г. Сьворцовъ—сознается ¹⁾, что „точное опредѣленіе догмы положительнаго ученія штундовой секты представляется и нынѣ еще крайне затруднительнымъ, такъ какъ штундизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ содержится онъ въ массѣ послѣдователей, не представляетъ собой какой либо определенной богословской системы или вѣроисповѣдной доктрины“. Далѣе онъ указываетъ на преобладаніе въ штундизмѣ грубоотрицательной стороны и произвола толкованій, отчего „представляется почти невозможнымъ отдѣлить основныя черты ученія отъ личныхъ мнѣній толкователей“.

Та-же смутность опредѣленія штундизма наблюдается въ трудахъ 2-го миссіонернаго съѣзда, бывшаго лѣтомъ 1891 года въ Москвѣ ²⁾. Съѣздъ этотъ нашелъ, что руководители штундистовъ—баптисты, что штундо-баптизмъ и пашеовщина—секты однородныя, и что толкъ этотъ близокъ къ ученію Толстовцевъ. Проводя границу между старо-штундистами (штундо-баптисты) и младо-штундистами (штундой духовной), съѣздъ отмѣтилъ какъ существенную разницу между ними то, что штундо-баптизмъ, въ отличіе отъ новаго, признаетъ водное крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ, тогда какъ въ духовной штундѣ въ отношеніи таинствъ и церковнаго устройства „проповѣдуется полная анархія“.

Трудность опредѣленія штунды можно наблюдать, напр., на томъ фактѣ, что 2 съѣздъ вынужденъ былъ, перечисляя, по возможности, признаки штунды, вообще вводить пункты, неподдающіеся наблюденію; таковъ третій: „фарисейское

---

¹⁾ 1. с. 9.

²⁾ Напечатано въ „Дѣяніяхъ 3-го Всер. Мисс. Съѣзда“ стр. 347.

воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ... повинуются правительству и закону не за совѣсть, а страха ради“ ¹⁾).

Естественно задуматься надъ точностью проникшаго въ законъ 1894 года опредѣленія штундизма не только въ виду изложенныхъ данныхъ, но и въ виду взглядовъ третьяго съѣзда, собравшагося въ Казани въ 1897 году.

Третій съѣздъ, выслушавъ рядъ докладовъ о пашковщинѣ и докладъ В. М. Скворцова о штундѣ, пришелъ къ тому заключенію ²⁾, что пашковскій символъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ штундо-баптизма и что относительно отрицательной стороны вѣроученія пашковщины въ отношеніи православной церкви „секта эта во всѣхъ пунктахъ своего лжеученія совершенно тождественна со штундизмомъ“. Въ виду этого съѣздъ заключилъ, что „въ номенклатурѣ сесть должно быть установлено одно общее названіе штунды *всѣмъ ея фракціямъ* (?!), т. е. баптизму или старо-штундизму, пашковщинѣ и духовной штундѣ“ ³⁾.

Нечего удивляться, что затѣмъ при работѣ въ томъ же направленіи „Миссіонерскій Вѣстникъ“ уже возвѣстилъ о существованіи штундо-хлыстовъ ⁴⁾.

Что удивительнаго, что по поводу примѣненія закона 1894 года, говорящаго о штундѣ вообще, на судей нападаетъ раздумье, а до Правительствующаго Сената доходятъ обвиненія по закону 1894 года съ отзывами консисторіи, что штундизмъ и баптизмъ тождественны, и что русскіе баптисты и суть штундисты (д. Бураковыхъ 1898 г.), съ заключеніями экспертовъ (дѣло—Шарипова 1899 г.), что „соціально-коммунистическія тенденціи и вообще политическая сторона ученія и жизни сектантства, хотя и не вездѣ, и не всегда всплываютъ наружу, но онѣ несомнѣнно скрыты *въ глубинѣ духа*“ ⁵⁾ и въ направленіи всего нашего рационалистическаго сектантства“.

---

¹⁾ I. с. 348.

²⁾ I. с. 141.

³⁾ Курсивъ мой. I. с. 143 а также и знаки.

⁴⁾ Мисс. Об. 1901 г. Іюнь, стр.855.

⁵⁾ Курсивъ мой.

Въ свое время я подробно рассмотрю судебную практику, создавшуюся на почвѣ закона 4 іюля 1894 года, и блужданія экспертизы по сектантскимъ дѣламъ; здѣсь мнѣ хотѣлось дать только общій очеркъ причинъ, вызывающихъ несомнѣнную бесплодность этого суроваго закона, исключительнаго и въ то же время ясно заключающаго въ себѣ тенденцію къ распространительному толкованію. Итакъ, нужно свободное научное изслѣдованіе сектъ, а не литература *ad hoc* одного лагеря, будь онъ воодушевленъ даже наивысочайшими цѣлями и любовью къ объективной точности сообщеній и изложенія.

Это стремленіе къ научному изслѣдованію, всѣми глубоко раздѣляемое, до извѣстной степени можетъ быть удовлетворено, если состоятся предположенныя въ Кіевскомъ университетѣ ¹⁾ практическія занятія по богословію, въ программу которыхъ профессоръ О. Свѣтловъ вводитъ изученіе иностранной и русской критической богословской литературы о графѣ Л. Н. Толстомъ. Поживемъ—увидимъ или услышимъ можетъ быть чтонибудь и о штундѣ, ибо, какъ установилъ Съѣздъ, штундизмъ близокъ къ толстовщинѣ.

Мнѣ думается, однако, что на пути къ изученію не только штундизма, но и сектъ вообще, съ научной точки зрѣнія встрѣтится слишкомъ много внѣшнихъ препятствій, несмотря на давно сознанную свѣтскимъ обществомъ потребность въ этомъ. вмѣсто личныхъ предположеній общаго или частнаго характера, всегда болѣе или менѣе спорныхъ въ области предсказаній, я могу указать по этому поводу на новѣйшія газетныя статьи, посвященныя вопросамъ о миссіонерской дѣятельности, о роли духовнаго вѣдомства по отношенію къ сектамъ. Это мнѣніе Петербургской печати, не исключая органа духовной академіи—Церковнаго Вѣстника, оказывается довольно единодушнымъ; пессимистически настроены авторы этихъ писемъ и замѣтокъ, а языкъ непривычно рѣшителенъ, но именно поэтому ясно звучитъ искренняя нота вполне назрѣвшаго убѣжденія, вырвавшагося наружу послѣ долгаго вынужденнаго молчанія.

---

¹⁾ „Россія“ № 895 отъ 22 окт. 1901.

Одно и то же настроеніе и одинъ и тотъ же лозунгъ объединили литературные лагери самыхъ противоположныхъ отгѣнковъ, исключая, разумѣется, реакціонныхъ. „И князь Путятинъ, и генераль-лейтенантъ Филиппенко, и кн. Волконскій, и свящ. Черкасскій, и многіе сочувственно говорятъ о свободѣ совѣсти“¹⁾, пишетъ „Новое Время“. Цитируя по этому поводу курсъ Государственной науки Б. Чичерина, А. Суворинъ заканчиваетъ свое „маленькое письмо“ выводомъ, правильно сдѣланнымъ изъ этихъ цитатъ: „мнѣ думается, пишетъ онъ, что Государство настолько развило свой организмъ и окрѣпло, что можетъ не дѣлать никакого различія между православными, вѣрятъ ли они по старому, какъ было до Никона, или по новому, какъ стало послѣ его реформы“.

Полемизируя съ проф. М. Красноженомъ, помѣстившимъ статью о свободѣ совѣсти въ № 9204 „Новаго Времени“, К. Толстой весьма мѣтко указываетъ на странный переходъ, дѣлаемый этимъ авторомъ къ тому, что „церковь не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и что отъ свободы личнаго исповѣданія должно отличать свободу общественнаго культа“; между тѣмъ какъ тотъ же авторъ только что, рядомъ ссылокъ на Тертуліана, Іоанна Златоуста, IV Вселенскій соборъ, Евангеліе, на епископа Сильвестра, Апостола Павла и др., доказалъ, что совѣсть должна быть свободна и что силою въ другую вѣру принуждать нельзя.

Полагаю, что К. Толстой напрасно ищетъ особаго ключа къ такимъ загадкамъ: можно думать, что здѣсь „ларчикъ просто открывается“.

К. Толстой заканчиваетъ скромнымъ пожеланіемъ, что пора вообще поточнѣе, посправедливѣе и погуманнѣе опредѣлить границы нашей вѣротерпимости.

Въ томъ же № 301 „Пет. Вѣд.“ кн. С. Волконскій, категорически отвергая возможность требовать отъ человѣка, чтобы онъ вѣровалъ такъ, а не иначе, другими словами, приказать не заблуждаться, говоритъ: „Вотъ въ чемъ корень

---

¹⁾ „Новое Время“ № 9220.

вопроса, и врядъ ли найдется два отвѣта у людей, у которыхъ умъ и сердце на мѣстѣ“. Указывая на частые случаи привлеченія къ отвѣтственности полиціей западнаго края людей, сошедшихся для чтенія Св. Писанія и молитвы, онъ подчеркиваетъ свое отрицательное отношеніе къ такимъ преслѣдованіямъ и къ такому закону.

Какъ извѣстно, рѣчь идетъ о преслѣдованіи по 29 ст. уст. о нак., на основаніи которой ежедневно составляются протоколы по подобнымъ же случаямъ почти по всей Россіи, преимущественно въ южной ея половинѣ.

„Нѣтъ, не привыкли мы принципиально мыслить“, пишетъ князь. Вопросы освѣщаются накопленіемъ инцидентовъ . . . . Какъ ни грустно, а приходится почти что желать, чтобы чаще повторялись прискорбные случаи . . . . На страданіи выросли всѣ великія событія въ жизни человѣчества . . . . Большое основаніе накопленныхъ страданій заложено подь будущее зданіе свободы совѣсти въ Русской землѣ. Не довольно ли жертвоприношеній“? заканчиваетъ онъ вопросомъ.

Въ № 287 „Пет. Вѣд.“ г. Дурново, не желающій, какъ онъ самъ заявляетъ, въ Россіи разныхъ расколовъ и сектъ, не обинуясь, соединяетъ имена г. Грингмута, проф. Ивановскаго, Субботина, В. Скворцова съ группою о.о. миссіонеровъ, „ради матеріальныхъ средствъ выступающихъ не столько въ защиту церкви, сколько вѣдомства осужденной Вселенскими Соборами духовной касты“. Подробно и горячо изображаетъ онъ некрасивое отношеніе, установившееся между прихожанами и священникомъ нетрезвымъ и корыстнымъ, ссоры послѣдняго съ церковными старостами, и проситъ „Моск. Вѣд.“ указать, „какъ поступить съ тѣми, которые отпадаютъ въ расколь или штунду, благодаря зазорному поведенію пастырей“.

Но особенно авторитетны голоса духовныхъ лицъ, присоединившихся также къ общему хору. Священникъ Черкасскій пишетъ въ „Пет. Вѣд.“: „Сопоставляя дѣятельность миссіонеровъ отдаленнаго прошлаго, каковы: Стефанъ Пермскій, Трифонъ—просвѣтитель лопарей, Иннокентій Сибирскій, съ дѣятельностью или точнѣе, со службой г.г. миссіонеровъ настоящаго времени, щеголяющихъ въ фуражкахъ съ кокар-

дами, невольно приходитъ въ голову: что то станется съ нашей православной церковью въ недалекомъ будущемъ? Говоря далѣе о „насильственныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ искорененію заблужденій, что привлекаетъ симпатіи на сторону гонимыхъ“, онъ констатируетъ, что такія „воздѣйствія“ поселяютъ въ челоѣкъ скрытность, ханжество, притворство, злобу и челоѣконенавистничество и что въ результатѣ господствующая церковь слабѣетъ духовно. „Люди сильные духомъ и волею уходятъ изъ господствующей церкви и основываютъ свои общины, одухотворенные идеей и вѣрой въ правоту своего ученія“¹⁾.

„Интеллигентная же среда, продолжаетъ онъ, какъ болѣе вооруженная духовно и съ большими запросами, совершенно почти игнорируетъ церковь съ ея застывшими формами и не прочь совершенно упразднить ее“.

Напечатанная въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ рѣчь, произнесенная епископомъ Сергіемъ 22 прошлаго октября послѣ молебна предъ открытіемъ годичнаго собранія „общества ревнителей вѣры и милосердія“, соглашаясь съ фактами оскудѣнія вѣры, находитъ причину этого въ томъ, что обремененная всевозможными посторонними задачами, призванная служить землѣ и міру, вѣра не можетъ быть живой и дѣятельной... „Незамѣтно для себя, говоритъ онъ, мы и вѣрой нашей стали дорожить лишь потому, что на ней покоится наша государственная мощь, благоустройство нашей общественной жизни, наше существованіе какъ самостоятельнаго народа. Отношенія измѣнились: не тѣло служить душѣ, а наоборотъ, душа существуетъ для того, чтобы лучше жило тѣлу“... Далѣе, сѣтуя на то, что мы остаемся равнодушными къ существованію т. е. къ дѣйствительному исповѣданію вѣры въ жизни, онъ подчеркиваетъ то лицемѣріе, съ которымъ наша Русь хвалится, что она православная, освящаетъ неизмѣнно православнымъ служеніемъ каждое выдающееся событіе нашей жизни общественное или частное, словомъ, по прежнему поддерживаетъ православіе съ внѣшней стороны и назы-

---

¹⁾ „Россія“ № 893.

ваетъ „измѣнникомъ“ того, кто рѣшился бы явно отступить отъ православія“.

Мы познакомились какъ съ историческими, такъ и съ современными данными, достаточно рѣзко освѣщающими давнюю распрю расколо-сектантскаго міра съ духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ, а также и отношеніе къ этой распрѣ стоящаго близко къ ней неинтеллигентнаго слоя православія и стоящаго дальше отъ него, но, разумѣется, лучше понимающаго и, такъ сказать, судящаго эту распрю—интеллигентнаго слоя.

Вполнѣ естественно, что воинствующая церковь, болѣе или менѣе ясно сознавая то несочувствіе образованныхъ классовъ, которое такъ рѣзко выразилось въ приведенной полемикѣ, объединяетъ въ общемъ обвиненіи всѣ группы интеллигентнаго общества, захватывая поѣтому и судебную.

Весьма вѣроятно, что духовенство не ошибается, оцѣнивая именно такимъ образомъ отношеніе къ нему юристовъ въ качествѣ членовъ общества; но отсюда полемическая духовная литература дѣлаетъ нелогическій прыжокъ, заподозривая по кажущимся поводамъ, безъ всякихъ доказательствъ, судей и прокуроровъ въ послабленіяхъ, вредныхъ для дѣла православія.

Необходимо имѣть въ виду, что одною изъ главныхъ трудностей юридической дѣятельности является необходимость при исполненіи судебной работы сосредоточиваться исключительно на вопросахъ и матеріалѣ, подлежащихъ дѣйствию примѣняемаго закона. Такая способность отрѣшенія судьи отъ обстоятельствъ, къ дѣлу не относящихся, сознательно привитая привычка ставить себя, какъ бы на островѣ, внѣ вліянія не только общественныхъ, но и своихъ личныхъ симпатій и антипатій, и представляетъ собой то, что именуется независимостью судьи; слѣдовательно, оцѣнивая степень этой независимости, совершенно необходимо ясно сознавать, въ чемъ именно судейская задача даннаго дѣятеля, а не подстановлять ему цѣлей, достиженіе которыхъ не входитъ въ его за-

дачу; тогда отсутствіе результатовъ, которыхъ отъ его дѣятельности ожидать и не приходилось, не будетъ поставлено ему несправедливымъ укоромъ.

Если, наоборотъ, негодовать на то, что оправдательный, напр., приговоръ поселилъ соблазнъ, не убѣдившись ранѣе въ томъ, что онъ самъ по себѣ неправосуденъ, значитъ несправедливо нападать на дѣятеля за то, что онъ дѣлалъ *свое* дѣло, а не *чужое*.

Вотъ почему, опредѣляя задачу юриста въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ, удобнѣе всего приближаться къ формулировкѣ ея путемъ исключенія, отстраняя все чуждое судейской дѣятельности. Легко представить себѣ да и указать въ полемической духовной литературѣ примѣры такой спутанности понятій, благодаря которой церковь рисуется ея чрезмѣрно ревностному поборнику единственной опорой государства, долженствующаго отдать всѣ свои силы на служеніе ей; отсюда простой, но глубоко ошибочный переходъ къ обязанности судьи преслѣдовать исключительно интересы господствующей церкви, не стѣсняясь ни закономъ, ни рамками изслѣдованія, ни даже принципами судебной этики.

Если бы такое заключеніе было вѣрно, то, спасая государство, каждый судья въ сущности долженъ былъ бы превратиться въ миссіонера и притомъ воинствующаго, а если онъ этого не дѣлаетъ, то онъ виноватъ.

Итакъ, важно прежде всего отмѣтить, что въ задачу юриста отнюдь не входитъ забота о распространеніи православія, что распространеніе это специально вѣдается духовнымъ начальствомъ; для этого опредѣленіемъ Св. Синода отъ 25 мая 1888 г. за № 1116 установлены спеціальныя „Правила объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ“. Ни одинъ изъ 24 п. этихъ правилъ не устанавливаетъ обязанности свѣтской власти вообще, а тѣмъ болѣе не призываетъ судей содѣйствовать миссіонерамъ въ ихъ спеціальной задачѣ.

Единственный 13 п. „Правилъ“, упоминая о полицейской власти, указываетъ, что даже для защиты личности миссіонеровъ или охраненія на собесѣдованіяхъ порядка и тишины,

миссіонеръ, въ крайнихъ только случаяхъ явной опасности, безпорядка или насилія,—можетъ прибѣгать къ содѣйствію полиціи ¹⁾); точно также ст. 29 уст. о нак., по которой преслѣдуются незаконныя моленія штундистовъ, говоритъ только въ самыхъ общихъ чертахъ о неисполненіи законныхъ требованій власти, не содержа въ себѣ, какихъ либо указаній по вопросу о вредѣ, напр., штундистскихъ моленій, въ смыслѣ распространенія раскола.

Интересно вывести на справку старое дѣло, въ которомъ нѣкій Анадьевскій, прокуроръ воинской канцеляріи войска уральскаго, въ теченіе болѣе года (съ 17 августа 1831—20 июня 1832 г.), будучи по своей обязанности военно-судную часть канцеляріи, невольно сталъ въ положеніе лица, распространяющаго православіе, и при томъ именно греко-россійское, въ отличіе отъ единовѣрческаго. Дѣло было въ томъ, что Оренбургскій военный губернаторъ, въ качествѣ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, обнаруживъ значительное число некрещеныхъ взрослыхъ казаковъ, предписалъ войсковой канцеляріи „немедленно привести въ извѣстность всѣхъ подобныхъ некрещенныхъ казаковъ и малолѣтнихъ, коихъ потомъ велѣлъ просвѣтить Свѣтымъ крещеніемъ“.

Прокуроръ, замѣтивъ изъ журнальнаго постановленія канцеляріи по этому поводу „уклонность ея отъ православія, несогласность съ данною резолюціею“, далъ предложеніе, чтобы списки некрещеныхъ, а равно они сами были высланы въ благочинному. Усмотрѣвъ изъ длинной переписки по этому поводу, что канцелярія, пославъ списокъ, упорно не высылала самихъ подлежащихъ немедленному крещенію казаковъ, прокуроръ заподозрилъ, что вопреки резолюціи, канцелярія хочетъ присоединить ихъ чрезъ единовѣрческаго священника, и въ своемъ служебномъ усердіи, которое могло быть понято и какъ миссіонерское служеніе, добивался этой „немедленности“ предъ министромъ юстиціи, къ которому обратился 2 марта 1832 г.

Въ это время у министра юстиціи былъ уже отзывъ кан-

---

¹⁾ Дѣянія 3-го Всер. Мис. Съѣзда стр. 356.

целяриі, полагавшей „что успѣхъ обращенія къ религіи христіанской зависитъ болѣе отъ духовенства, нежели отъ начальства свѣтскаго, котораго распоряженія въ семь дѣлъ не могутъ быть въ такой мѣрѣ дѣйствительны, какъ поученія священства“; объ этой неисполнительности, министр юстиціи, вслѣдствіе донесенія прокурора, сообщилъ генералъ-губернатору. Послѣдній немедленно отвѣтилъ, что подтвердилъ свое распоряженіе войсковою канцеляріею съ тѣмъ, „чтобы она обратила на то свое вниманіе, но указаль—*безъ понудительныхъ мѣръ* ¹⁾ стараться склонять неимѣющихъ никакой вѣры принять св. крещеніе у священниковъ православныхъ *или единовѣрческихъ*“ ²⁾.

Таковъ былъ печальный результатъ, въ сущности, строго канцелярскаго отношенія прокурора къ предмету, не терпящему регламентаціи.

Точно также слѣдуетъ ясно отличать дѣятельность судьи, ссылающаго раскольника-сектанта по суду за преступленіе въ Закавказье, въ Сибирь, отъ дѣятельности административной власти, которая за послѣдніе два, три вѣка тоже приводила къ такимъ невольнымъ переселеніямъ, но въ цѣляхъ предупрежденія и упорядоченія. Если наблюдать эту разницу, то, разумѣется, не будетъ почвы къ обвиненію судьи, по приговору котораго оправданный подсудимый остался дома, а не испыталъ переселенія, которое съ точки зрѣнія мѣстной, духовной власти представлялось бы полезнымъ для православія.

Было время, когда такія обвиненія судей были невозможны и не только въ первый періодъ по введеніи судебныхъ уставовъ, когда судьи были въ ореолѣ несмѣняемости, и вообще судебные идеалы еще не потускнѣли, но и въ гораздо болѣе давній періодъ; такой отрадный примѣръ принципиальнаго характера весьма важно извлечь на свѣтъ и притомъ именно въ такое время, когда иные дѣятели какъ бы хотятъ навязать судьѣ роль гонителя, даже не задумываясь объ его судейскомъ достоинствѣ, объ его согласіи или несогласіи на это. Какое ужъ

---

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Курсивъ мой.

тутъ довѣріе! Между тѣмъ дѣло, о которомъ я вспоминаю, прямо поражаетъ нравственной высотой принциповъ, правда въ лицѣ такихъ дѣятелей какъ, напр., Дм. Ник. Блудовъ, бывшій тогда (въ 1832 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ то же время—главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Бѣлорусскій генераль-губернаторъ (Смоленскій, Витебскій и Могилевскій) поднялъ вопросъ о томъ, что неудобно судить на мѣстѣ въ Бѣлоруссіи совратителей и совращенныхъ изъ православія въ католичество, такъ какъ судьи, по большей части сами католики, „естественно, только благопріятствовали симъ нарушеніямъ закона“, почему иногда приговоры затягивались до смерти совратителей или оказывались слишкомъ милостивыми. Требованіе было категорическое, съ указаніями на „несообразность рѣшеній“, но оказалось, что учрежденный по дѣламъ присоединенныхъ отъ Польши губерній Особый Комитетъ занимался еще ранѣе этимъ вопросомъ и, раздѣливъ мнѣніе Могилевскаго гражданскаго губернатора о неудобствѣ такого порядка вещей, „не могъ, однако, вполне согласиться съ мыслью губернатора объ отсылкѣ виновныхъ въ семь къ суду въ сосѣдственныя Великороссійскія губерніи, ибо таковое явное недовѣріе къ мѣстнымъ судьямъ могло бы вмѣсто пользы произвести вредъ“. Съ такой мотивировкой заключенія, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, согласились министры Блудовъ и Дашковъ, и генераль-губернатору было отказано въ его ходатайствѣ.

Разумѣется, и въ настоящее время возможны случаи переноса дѣлъ изъ той же окраины, напр., въ видахъ предупрежденія безпорядковъ со стороны мѣстнаго населенія, но тотъ принципъ, что судьи въ мѣстѣ своего нахождения, подобно дипломатамъ (это сравненіе не терпитъ распространительнаго, т. е. обиднаго для судей толкованія), пользуются какъ бы правомъ и престижемъ *въземельности*, насколько мнѣ извѣстно, никогда не нарушался. Какъ на доказательство положительное, можно сослаться на рѣшеніе по дѣлу Лихоманова и др., такъ называемое о „валужскихъ хлыстахъ“ (уг. кас. д. 1895 г. № 34). Въ этомъ дѣлѣ Прав.

Сенать, отмѣнившій по жалобѣ защиты даже преданіе суду въ отношеніи 203 ст. ул. о н., высказаль, однако, слѣдующее: „Хотя защита правильно замѣчаетъ, что назначеніе къ слушанію въ г. Тарусѣ такого дѣла, какъ настоящее, столь сильно взволновавшаго мѣстное общество, представляется не вполне соотвѣтственнымъ интересамъ правосудія, но такъ какъ опредѣленіе мѣста слушанія дѣла въ предѣлахъ округа суда зависитъ отъ его усмотрѣнія, то и это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора“. Столь твердо охраняя права суда, Пр. Сенать какъ бы подчеркиваетъ свое полное довѣріе къ независимости судей и самостоятельности ихъ рѣшеній при очевидно опасныхъ въ этомъ отношеніи обстоятельствахъ.

Существуетъ другая опасность въ дѣятельности суда по отношенію къ дѣламъ религіознымъ. Издревле укоренившееся въ рускомъ народѣ убѣжденіе, что всякое начальство, а въ томъ числѣ и судъ, составляя одно цѣлое, должно и можетъ рѣшать всякіе вопросы радикально, ведетъ на практикѣ къ тому, что всякаго рода дѣятели въ Россіи (даже иногда не начальствующие), при отказахъ вмѣшаться, заподозрѣваются въ нежеланіи помочь, а при вмѣшательствахъ—дѣйствія ихъ толкуются неправильно. Имъ приписываются обыкновенно мотивы и цѣли, далеко выходящія за предѣлы ихъ компетенціи.

Свящ. Рождественскій, въ своемъ изслѣдованіи „южно-русскій штундизмъ“, часто жалуясь на такого рода оправдательные приговоры суда, приводитъ ¹⁾ слѣдующую выписку изъ Херсонскихъ Епарх. Вѣдом. „когда Вовкажъ былъ оправданъ, штундисты и сочувствующіе имъ сектанты распустили въ народѣ молву, что судъ разсматриваль и разбираль ученіе штундистовъ и нашель, что оно правильное,—настоящее христіанское ученіе“. Вникая ближе въ это психологическое явленіе, нельзя не отмѣтить слѣдующее: обыкновенно обвинителю, не добившемуся обвинительнаго приговора, если онъ не юристъ, легко можетъ казаться, что судьи были настроены противъ него или почему нибудь помирволили подсудимому;

---

¹⁾ loc. c. стр. 129.

поводомъ къ такой подозрительности чаще всего является незнаніе и непониманіе того судебного принципа, что судъ караетъ не мнѣніе, а поступки, взвѣшиваетъ не настроеніе, а факты; существуютъ цѣлыя области, подлежащія до сихъ поръ вѣдѣнію суда, въ которыхъ пока этотъ принципъ еще не дѣйствуетъ въ чистомъ видѣ, гдѣ возможно, напр., преслѣдованіе за голый умыселъ, за мнѣніе; но русское религіозное законодательство уже вышло изъ этого возраста и закончило свой средневѣковой періодъ съ момента, когда законъ пересталъ облагать наказаніемъ отпаденіе въ расколъ.

Несомнѣнно, что до сихъ поръ въ духовенствѣ и въ близкихъ къ нему по возрѣніямъ и тенденціямъ сферахъ господствуетъ старинный предрасудокъ, что судьи призваны отстаивать религіозныя истины; въ глазахъ этихъ лицъ судьи являются, слѣдовательно, воюющей стороною и должны не только изслѣдовать догматическія мнѣнія, хотя бы не выразившіяся во внѣ, но и дѣйствовать телеологически, т. е. противно всякой судебной этикѣ, соображая послѣдствія своихъ приговоровъ для стороны обвиняющей; отсюда одинъ шагъ до заподозрѣванія судовъ въ тенденціи въ пользу, напимѣръ, штунды.

Какъ ни грустно сознаться, но скорѣе приходится даже въ настоящее время наблюдать обратные случаи, въ которыхъ, если можно такъ выразиться, обвинители и судьи, напротивъ, въ ущербъ своимъ обязанностямъ, оказывались въ религіозномъ отношеніи *plus royalistes que le roi*.

Чтобы не касаться слишкомъ близкаго времени, укажу на то же рѣшеніе 1895 г. № 34, которое счастливымъ образомъ (къ сожалѣнію) соединяетъ въ себѣ примѣры такой старательности со стороны прокурора, судей и присяжныхъ засѣдателей. Нельзя не отмѣтить съ чувствомъ удовлетворенія, что Пр. Сенатъ по данному дѣлу зачеркнулъ результаты этихъ эксцессовъ, отмѣтивъ ихъ весьма рѣзко. Рѣчь шла въ этомъ дѣлѣ о распространеніи въ Тарусскомъ уѣздѣ секты хлыстовъ, число послѣдователей которой превысило 200 ч., почему Калужская консисторія возбудила, согласно 1006 ст. уст. уг. суд., преслѣдованіе противъ 33 изъ нихъ, обвиняя ихъ по 196 ст. ул.

Результаты были слѣдующіе: (цитирую рѣшеніе Сената)— „Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе жалобщиковъ на неправильное примѣненіе къ нимъ ст. 203 ул. представляется уважительнымъ. Духовная консисторія, разсмотрѣвъ производство комиссіи о распространеніи въ Тарусскомъ уѣздѣ хлыстовской секты и признавъ значительное число лицъ принадлежащими къ оной, не нашла, однако, возможнымъ привлечь ихъ къ отвѣтственности за таковую принадлежность; она не усматривала, очевидно, въ вѣрученіи того вида секты хлыстовъ, который былъ распространенъ въ Тарусскомъ уѣздѣ, признаковъ, указанныхъ въ ст. 203 ул., почему ограничилась лишь предложеніемъ о привлеченіи къ слѣдствію распространителей ереси; преслѣдованіе же за самую принадлежность.... по ст. 203 Ул. было возбуждено уже прокурорскимъ надзоромъ, на осн. 1007 ст. уст. угол. суд. Но при этомъ и въ обвинительномъ актѣ указано, что о существованіи въ средѣ хлыстовъ Тарусскихъ свальнаго грѣха слѣдствіемъ не добыто фактическихъ данныхъ“.

Разсматривая далѣе содержаніе перваго вопроса, предложеннаго присяжнымъ, повторившаго обвинительный пунктъ акта, Правительствующій Сенатъ указываетъ на п. и., относившій къ признакамъ преступленія (203 ст. ул.) *ученіе объ умерщвленіи плоти*, посредствомъ устройства (собраній) и участія въ собраніяхъ или радѣніяхъ, „сопровождающихся пѣніемъ сектантскихъ пѣсенъ, круженіемъ до одуренія и пророчествомъ, что всегда влекло за собою *разстройство физической и умственной организаціи* ¹⁾ участниковъ этихъ радѣній“. „Но при такомъ опредѣленіи свойства секты, говорить Сенатъ,... вполне очевидно, что она не была соединена съ безнравственными или гнусными дѣйствіями, такъ какъ ея признаки, указанные въ предыдущихъ пунктахъ вопроса, относились къ догматическимъ положеніямъ“; относительно же признака.... „ученія о физическомъ умерщвленіи плоти“ Сенатъ замѣтилъ, что „проповѣдь аскетизма не можетъ счи-

---

* Курсивъ мой.

таться проповѣдью безнравственныхъ дѣйствій“. Притомъ же указаніе на то, что ересь, къ которой принадлежали обвиняемые, влекла за собою физическое и умственное разстройство организма, находится въ противорѣчїи, ядовито прибавляетъ Сенатъ, съ тѣмъ, что изъ 20 судившихся трое были старѣе 70 л., четверо—старѣе 60 л., а общій средній возрастъ подсудимыхъ былъ 55 л. Что въ данномъ случаѣ прокурорская и судебная власть также отнюдь не мирволили сектантамъ, слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ замѣчаній, что два вопроса, предложенные эксперту, членомъ суда и товарищемъ прокурора „представлялись совершенно неумѣстными;“ по этому поводу, впрочемъ, Сенатъ призналъ ошибку заглаженою тѣмъ, что при отвѣтѣ на вопросы члена суда экспертъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, а послѣ вопроса товарища прокурора допросъ былъ прерванъ заявленіемъ защиты. Наконецъ, присяжные, вполнѣ въ силу обвинившіе подсудимыхъ, въ своемъ, какъ можно думать, обвинительномъ рвеніи, предположили было, о чемъ публично заявлялъ старшина, дать одинъ общій отвѣтъ на всѣ предложенные вопросы. Последній инцидентъ, столь мало отвѣчающій осторожной дѣятельности присяжныхъ вообще, объясняется, мнѣ думается, вполнѣ удовлетворительно тѣмъ, что въ уставѣ угол. суд. до сихъ поръ сохраняется статья 1009, архаическаго содержанія, узаконяющая нѣчто такое, что нельзя именовать мягче, чѣмъ подбормомъ присяжныхъ къ дѣлу.

Итакъ, однимъ ихъ главныхъ положеній при опредѣленіи дѣятельности суда по сектантскимъ дѣламъ, разумѣется, является старая истина — необходимость отсутствія тенденціи въ ту или другую сторону. Въ этомъ отношеніи также важно откровенное признаніе того, какъ это сдѣлала Сенатъ (1895 г. № 34), что „*отвѣтственность за самое исповѣданіе*“ извѣстнаго религіознаго ученія, составляя полное изытіе ихъ основныхъ законовъ (ст. 44 и 45), допускающихъ для всѣхъ подданныхъ Россіи свободное исповѣданіе ихъ вѣры, очевидно, *имѣетъ своимъ основаніемъ* ни разнствованіе сихъ ученій отъ основныхъ истинъ вѣры христіанской вообще и православной въ особенности, ни крайнюю

степень проявленнаго въ догматическомъ ученіи секты невѣжественнаго и суевѣрнаго міросозерцанія, полнаго искаженія и превратнаго толкованія событій исторіи отечественной или всемірной и въ особенности преданій церковныхъ и выраженій священныхъ книгъ, но *лишь жизненное проявленіе секты, учиненіе ея послѣдователями въ силу исповѣдуемыхъ ими догматическихъ ученій или усвоенныхъ сектою молитвенныхъ обрядовъ, дѣйствій несомѣстныхъ съ охраняемыми государственною властью важнѣйшими интересами частныхъ лицъ или основными требованіями общественной нравственности*¹⁾.

Такое ограничительное толкованіе статей, карающихъ тѣ или другія дѣйствія религіозной области, представляетъ собою не что иное, какъ утвержденіе Правительствующимъ Сенатомъ, на почвѣ основныхъ законовъ, принципа свободы совѣсти въ Россіи; съ другой стороны, самое поврежденіе догмы православія не можетъ явиться поэтому содержаніемъ дѣянія, караемаго судомъ, а возстановленіе чистоты этой догмы не можетъ быть признано цѣлью судебной дѣятельности. Этотъ выводъ особенно нагляденъ при сопоставленіи его съ закономъ 1883 г. о свободѣ исповѣданія ученія сектъ не особо вредныхъ. Итакъ, судья дѣйствуетъ не во имя религіи, а тѣмъ болѣе не во имя внѣшней политики, напр., по поводу лишенныхъ всякой исторической почвы, уже разобранныхъ выше, предположеній свящ. Стрѣльбицкаго и др. о происхожденіи штундизма; также не занимаютъ его при преслѣдованіи религіозныхъ преступленій вопросы внутренней политики, до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не оказалось бы, и притомъ въ конкретныхъ случаяхъ, что штундистскія моленія только предлогъ для антигосударственныхъ сходовъ.

Установивъ эти основныя положенія, опредѣляющія задачи юриста въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ, мы можемъ теперь перейти къ детальному разсмотрѣнію вопроса о средствахъ судебного изслѣдованія въ религіозныхъ дѣлахъ по отношенію къ сектамъ вообще и къ штундѣ въ особенности.

---

¹⁾ Курсивъ мой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Судебное изслѣдованіе и экспертиза.

Само собой понятно, что рамки моей задачи не позволяютъ мнѣ дать сколько нибудь достаточное съ матеріальной стороны изложеніе тѣхъ фактическихъ данныхъ, съ которыми было бы необходимо считаться, т. е. исчерпывающее ученіе, хотя бы только принципиальнаго характера, о приемахъ судебного изслѣдованія въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ. Достаточно указать нѣсколько подробнѣе на вопросъ объ экспертизѣ, одна постановка котораго требуетъ ознакомленія читателя съ массой примѣровъ; только излагая содержаніе дѣлъ, оказалось бы возможнымъ взвѣшивать основательность или полную непригодность данной экспертизы; надо имѣть въ виду, что одной судебной точки зрѣнія недостаточно въ качествѣ критерія, такъ какъ догматическое содержаніе экспертизы духовной можетъ быть оцѣнено только при основательномъ знакомствѣ съ тѣмъ, что претенціозно именуется въ полемической литературѣ *наукою секто-вѣдѣнія*; на самомъ же дѣлѣ, эта „наука“ представляетъ собою нагроможденный въ хаотическомъ безпорядкѣ необработанный историческій и современный матеріаль, причѣмъ матеріаль этотъ болѣе доступенъ для пользованія только въ сочиненіяхъ — полемическаго, очень часто тенденціознаго характера; въ виду этихъ данныхъ, смѣю думать, никто не сочтетъ возможнымъ предпринять, а, слѣдовательно, и ожидать отъ другого такой грандіозной, а для даннаго времени, даже независимо отъ рамокъ, неисполнимой работы.

Чтобы не быть голословнымъ, опишу въ краткихъ словахъ, такъ какъ одной ссылки для моей цѣли было бы недостаточно, довольно полный систематическій указатель книгъ, брошюръ и статей, находящихся въ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ; озаглавленъ онъ такъ: Литература исторіи и обличенія русскаго раскола. Сост. преподаватель Владимірской духовной семинаріи *Θ.* Сахаровъ. Этотъ указатель вышелъ въ трехъ выпускахъ. Первый вышелъ въ Тамбовѣ 1887 году, второй и третій—въ Петербургѣ въ 1892 и 1900 г.г. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ 1576 названій, второй—2229, третій—3080, а всего—6885 названій. Важно принять въ расчетъ еще слѣдующее: въ первомъ выпускѣ на 178 стр., а во второмъ—на 210—приходится 43 и 45 стр. названій изъ отдѣла обличительной литературы, тогда какъ въ третьемъ выпускѣ, вышедшемъ черезъ 8 лѣтъ послѣ второго, на 319 стр. приходится 89 стр. Легко представить себѣ, въ какомъ бы положеніи очутился добросовѣстный экспертъ, который бы поставилъ самому себѣ весьма естественное требованіе ознакомиться, уже не говорю основательно, а только приблизительно съ исторіей и догматикой сектъ, а также съ сочиненіями, обличающими расколъ. Я уже не говорю о необходимости, насущной для эксперта въ каждомъ данномъ судебномъ дѣлѣ, настолько владѣть этимъ матеріаломъ, чтобы умѣть ориентироваться при дачѣ заключенія и среди вновь возникающихъ и ежедневно измѣняющихся, а также сливающихся или перекрещивающихся, не поддающихся даже исчисленію, разновидностей расколо-сектантства; при этомъ, что важнѣе всего,—судья вправѣ требовать этихъ свѣдѣній отъ эксперта до тѣхъ поръ, пока въ законѣ сохраняются взысканія за соvrращеніе и отвлеченіе отъ православія въ другія исповѣданія, ереси и толки, оцѣниваемые съ догматической точки зрѣнія, и даже за принадлежность къ особо вреднымъ и изувѣрнымъ, и за оказательство и совмѣстныя моленія тоже съ точки зрѣнія догматической. Правда, за немногими исключеніями, всѣ наказанія, и притомъ самыя тяжкія между ними, сводятся къ принудительному переселенію на окраины, т. е. мѣрѣ чисто административной, къ слову

сказать, безуспѣшно практикуемой съ конца XVII ст. до нашихъ дней. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, вспомнимъ выразившуюся въ цифрахъ, приведенныхъ выше весьма наглядно, потребность, а слѣдовательно и необходимость съ точки зрѣнія церковной, вызвавшую къ жизни съ 1887 г.—1900 г., т. е. за 13 л., 134 полемическихъ сочиненія, при очевидномъ возрастаніи этого числа за послѣдніе годы; между тѣмъ, за предшествующій періодъ двухъ вѣковъ, съ частью XVII, ихъ всего вышло 45.

Если этихъ соображеній недостаточно для прекращенія этой догматической войны съ неувимымъ непріателемъ, съ точекъ зрѣнія духовной и административной, судить о чемъ я не берусь, то съ точки зрѣнія юридической эта, несомнѣнно, сизифова работа имѣетъ только одинъ результатъ: съ каждымъ новымъ процессомъ все яснѣе сказывается полная невозможность сколько нибудь, не только юридически, но и просто съ общей точки зрѣнія, разумно и толково проводить такіе процессы.

Мы присутствуемъ поэтому въ этой области при полномъ декадансѣ, въ которомъ нельзя обвинять судей, и не только юридическихъ формъ и юридическихъ понятій, но даже юридической этики; десятками можно было бы привести дѣла безъ дальнихъ справокъ, особенно по дѣламъ о штундистахъ, чтобы показать наглядно, до какого невозможнаго упрощенія судопроизводства вынуждены по необходимости спускаться судьи, съѣзды, суды.

Есть процессы, и имя имъ—легіонъ, въ которыхъ, за полной невозможностью добраться до сути религіозныхъ взглядовъ захваченныхъ сектантовъ, а чаще толпы ихъ,—приговоръ по печальной необходимости выносится какъ будто на основаніи одной переключки, дѣлаемой при открытіи засѣданій. Можно было бы предположить съ нѣкоторымъ правомъ, по даннымъ полицейскихъ и судебныхъ протоколовъ, такой діалогъ. Судья говоритъ: „введите штундистовъ“, разсылный отвѣчаетъ— „вотъ штундисты“. Судья спрашиваетъ: вы „штундисты?“ слѣдуетъ отвѣтъ:— „Мы штундисты“. Судья записываетъ: „подсудимые сознались и виновны“. Горькій опытъ

часто заставляетъ судей обходиться совѣмъ безъ экспертизы, и только ради того, чтобы не запутать окончательно дѣло, иногда судья отказывается даже въ ходатайствѣ потребовать заключенія консисторіи. Обыкновенно въ сѣздѣ дѣло усложняется: подсудимые уже насторожѣ и готовы назвать себя всячески, но только не штундистами, а чаще говорятъ: мы баптисты или мы новой секты; тогда въ приговорѣ появляется ссылка на ихъ сознание въ первой инстанціи, при чемъ заключеніе экспертовъ, чаще приглашаемыхъ въ сѣзды, говоритъ *вообще* о штундѣ, безъ всякаго примѣненія къ данному случаю.

Что касается другихъ доказательствъ, то въ рѣдкихъ случаяхъ, когда захвачены вещественныя доказательства, по отношенію, напр., къ сектантамъ (нестарообрядцамъ), то это почти всегда ни что иное, какъ Св. Евангеліе, правда съ подчеркнутыми словами, но всетаки—Евангеліе, которое болѣе чѣмъ странно видѣть въ судебной залѣ, на столѣ вещественныхъ доказательствъ преступленія.

Что же касается свидѣтелей, то это почти исключительно сотскіе, десятскіе, очень часто къ тому же оскорбленные при арестахъ и, во всякомъ случаѣ, надо думать, не компетентные въ наукѣ сеговѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, они съ рѣшительностью отвѣчаютъ: это было собраніе штундистовъ, и вотъ эти, такіе то и такіе то штундисты были нами взяты на моленіи.

Къ чести судей надо сказать, что такой *фактической экспертизы* они обыкновенно не принимаютъ во вниманіе; другихъ же наблюденій, въ области факта, собственно говоря почти не бываетъ, такъ какъ крайнія раціоналистическія секты обыкновенно характеризуются отрицательнымъ отношеніемъ къ обрядности и, слѣдовательно, наблюдать нечего; съ другой стороны, то положительное, что наблюдается, чтеніе священныхъ книгъ сообща и иногда пѣніе—свойственно сектантамъ всѣхъ отгѣнковъ.

Крайне ограниченный, въ виду этого, относительно видовъ доказательствъ въ сектантскихъ дѣлахъ, судья вынужденъ ставить приговоръ главнымъ образомъ, если не исключительно, на экспертизѣ; послѣдняя же въ рядѣ дѣлъ обнаруживаетъ свою несостоятельность и теоретическую, и

практическую, ибо въ отношеніи конкретнаго примѣненія „науки сектовѣдѣнія“ и для экспертизы не достаетъ фактовъ; при такихъ условіяхъ каждый отдѣльный судья собственнымъ опытомъ постепенно приводится къ тому, что въ сектантскомъ процессѣ юридическое изслѣдованіе непримѣнимо и бесплодно ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ это сознаніе распространяется, все чаще и чаще наблюдаются приговоры, при составленіи которыхъ замѣчается пренебреженіе при выборѣ и взвѣшиваніи доказательствъ и даже при постановленіи рѣшенія, обвинительнаго или оправдательнаго—безразлично; нельзя даже упрекать по этому поводу судей, и приведенный мною выше предположительный діалогъ не долженъ быть понимаемъ какъ упрекъ или осужденіе; дѣйствительно, чему быть иному, когда человѣкъ сознаетъ, что его дѣятельность ничто иное, какъ переводъ бумаги, когда невозможность мотивировать какъ оправдательный, такъ и обвинительный приговоръ, зависитъ отъ того, что нѣтъ состава преступленія, въ юридическомъ смыслѣ слова, т. е. нѣтъ ничего выразившагося во внѣ, нѣтъ поступковъ, тогда какъ есть карательные законы. Такое положеніе дѣла—повторяю, неизбежно рано или поздно, приводитъ къ уничтоженію всего производства въ Правительствующемъ Сенатѣ по 1 ст. уст. угол. суд. и улож. о нак. Судьи это знаютъ и естественно сочувствуютъ этому, ибо и юридически согласны съ этимъ результатомъ ихъ дѣятельности; поэтому и не придаютъ они въ большинствѣ случаевъ никакого значенія ни процессу, ни результату его: они не миссіонеры и не могутъ и не должны ими быть. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря участію эксперта, дѣло нѣсколько запутывается, что бываетъ въ сѣздахъ, мы часто встрѣчаемъ отдѣльныя мнѣнія судей, прилагаемыя къ приговору, въ видѣ яснаго memento по адресу Правительствующаго Сената, что это именно сектантское дѣло; при этомъ всякимъ практикомъ чувствуется компромиссъ: такъ и вѣжется, что не будь готовности одного судьи написать отдѣльное мнѣніе, былъ бы, можетъ быть, оправдательный

---

¹⁾ Можетъ быть, не одинъ поэтому, оглядываясь съ надеждой на Сенатъ, думаетъ; чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, и пишетъ: „и на основаніи признанія“ и т. д.

приговоръ. Нельзя не указать встать, что даже при полномъ убѣжденіи мѣстнаго судьи въ юридической неосновательности обвиненія, вытекающій отсюда фактъ постоянныхъ оправданій не можетъ, однако, не представляться судьямъ неудобнымъ, слишкомъ дразнящимъ не юристовъ, среди которыхъ онъ живетъ. Разумѣется, только въ рѣдчайшихъ случаяхъ судьи уступаютъ такому побужденію; гораздо вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ обвинительныхъ приговорахъ, при наличности, на примѣръ, хотя и голословной, но очень рѣшительной экспертизы, или упорнаго наименованія себя (что очень рѣдко, но бываетъ) штундистомъ со стороны подсудимаго, судья неохотно уступаетъ именно этимъ обвинительнымъ влияніямъ, какъ близкій свидѣтель житейскихъ неурядицъ, неизбежнаго слѣдствія религіозной распри.

Нельзя ставить въ упрекъ такимъ судьямъ ихъ незнакомство съ предметомъ и превращеніе въ этомъ смыслѣ въ слѣпое орудіе духовной власти, такъ какъ до извѣстной степени судью приводитъ къ этому созданное самимъ закономъ— карами, направленными на убѣжденіе—фальшивое положеніе: послѣднее никогда не вызывало любознательности.

Богословская экспертиза на судьяхъ, кромѣ слабости содержанія догматическаго, страдаетъ и другими недостатками, присущими какъ предмету экспертизы, такъ и личности эксперта; недостаточное знаніе предмета, при его поразительной измѣняемости, слишкомъ естественно, чтобы удивлять; чуть не каждый день можно слышать или читать о нарожденіи новыхъ сектъ, такъ какъ догматическое сутяжничество составляетъ характеристическую черту не только простаго русскаго человѣка, но и вообще людей мало развитыхъ философски, а тѣмъ болѣе воспитанныхъ на кастовыхъ предразсудкахъ.

Необходимо принять въ соображеніе еще слѣдующее: не только такъ называемые профессора сектовѣдѣнія, примѣры односторонности которыхъ мы видѣли, но и эксперты-священники, а тѣмъ болѣе „миссіонеры съ кокардами“, являются въ процессѣ несомнѣнно—*стороною, заинтересованною въ дѣль*; при этомъ трудно сказать, что вреднѣе для экспертизы такого лица: увлеченіе духовными или матеріальными сообра-

женіями. Уже одно то, что всѣ эти эксперты представляются лицами, принадлежащими къ одному общему вѣдомству, лишаетъ ихъ необходимой независимости и не только въ дѣйствіи, но и въ мысли; къ этому присоединяется полный недостатокъ фактическаго матеріала, такъ какъ все чаще и чаще по, такъ называемымъ, штундистскимъ дѣламъ подсудимые не являются; въ скобкахъ сказать, этотъ абсентеизмъ зависитъ, надо думать, не столько отъ недовѣрія къ судамъ, сколько отъ естественнаго нежеланія вновь приблизиться къ иной власти, а именно къ той, которая въ періодѣ дознанія влечетъ „глаголемыхъ“ штундистовъ по безконечнымъ этапамъ: отбывъ такое, иногда многонедѣльное, странствованіе, домохозяйинъ или жена его вынуждены спѣшно хлопотать о поправленіи разстроившагося въ ихъ отсутствіе хозяйства, почему на судъ, какъ мы увидимъ ниже, являются подростки или старухи; отъ такихъ обвиняемыхъ приходится экспертамъ черпать матеріалъ для установленія какъ догматической, такъ и политической стороны даннаго ученія.

Этотъ политическій элементъ, играющій такую значительную роль въ сектовѣдѣніи, а именно въ сторонѣ его, обращенной къ свѣтской власти ради привлеченія содѣйствія послѣдней, при крайней проблематичности его, какъ будетъ показано ниже, еще болѣе запутываетъ духовную экспертизу. Какъ извѣстно, политической отгѣнокъ проникъ и въ законъ 1894 г., и болѣе чѣмъ неудобно поэтому, встрѣчать на судѣ эксперта, который, вмѣсто теоретическаго изложенія штундизма на судѣ съ точки зрѣнія политической, ограничивается ссылкой на этотъ законъ; важно, что въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ полнымъ непониманіемъ экспертомъ того, что на судѣ нужно возстановить признаки преступнаго дѣянія *in concreto*; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ мы слышимъ отъ экспертовъ изложеніе штундистской схемы по учебникамъ и полемическимъ сочиненіямъ; причѣмъ молчаніе о политической сторонѣ можно объяснять только положительнымъ отсутствіемъ въ дѣлахъ фактическихъ данныхъ о такой сектантской противогосударственности; по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ, прошедшихъ черезъ мои руки дѣлъ, такихъ данныхъ

не оказалось. Обыкновенно на судѣ экспертъ заканчиваетъ шаблонной фразой, что „соціально-коммунистическія тенденціи несомнѣнно скрыты въ глубинѣ духа секты“; иногда выражается осторожнѣе, какъ, напр., по дѣлу Зиновьева: Зиновьевъ былъ признанъ находящимся въ первомъ періодѣ штунды, „которая далѣе приводила къ неповиновенію властямъ“, прибавляетъ экспертъ, очевидно ради полноты законной схемы.

Далѣе я остановлюсь подробнѣе при изложеніи ученія объ особо вредныхъ сектахъ на этой сторонѣ экспертизы по существу ея, здѣсь же мнѣ представляется достаточнымъ подчеркнуть, что даже чисто теоретически едва ли духовная экспертиза призвана рѣшать вопросы о политическомъ вредѣ секты. Если-бы это послѣднее заключеніе отнести и, какъ мнѣ думается, справедливо къ обязанности самого судьи-юриста или вызваннаго экспертомъ юриста-государственника, то чисто догматическое изслѣдованіе, ради котораго приглашается экспертъ духовный, потеряло бы свою привлекательность въ глазахъ воюющей стороны, и, я думаю, рѣзко выступила бы ненормальность обращенія судебной власти въ орудіе распространенія православія; это было бы очень желательно и полезно для будущаго.

Я позволю себѣ дать нѣсколько примѣровъ изъ практики на приведенныя выше положенія.

Возьмемъ одно изъ новѣйшихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, какъ извѣстно, публично и потому подлежащихъ оглашенію; напр., о мѣщанинѣ м. Богуслава, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи, Иванѣ Терещенко, Иванѣ Донцѣ и др. Эти лица были 13 янв. 1901 г. приговорены Каневскимъ съѣздомъ къ штрафу 15—25 рублей по статьѣ 29 уст. о наказ. за то, что, будучи, по мнѣнію обвинителей, штундистами, собрались на моленіе въ частномъ домѣ. Вотъ вкратцѣ содержаніе оглашенной кассационной жалобы, почти тождественной по всѣмъ восьми дѣламъ: кассаторы отвергали правильность полицейскаго протокола, гдѣ записано, что, застигнутые на собраніи у Терещенка, они сознались въ принадлежности къ штундизму. Они утверждали, что они баптисты: „мы читаемъ только слово Божіе, гово-

рится въ жалобѣ, толкуемъ его, не подчиняясь авторитету церкви, отвергаемъ посредниковъ при обращеніи къ Богу, чтимъ праздники Господніе и царскіе, мы христіане Евангельскаго исповѣданія, признаемъ какъ таинства: крещеніе, бракъ и преломленіе хлѣба,—подчиняемся всѣмъ государственнымъ законамъ и въ имущественномъ отношеніи между собою никакихъ социалистическихъ и коммунистическихъ идей не проповѣдуемъ и не понимаемъ такихъ словъ“.

На судъ явились у мирового судьи: одна взрослая женщина—Маріанна, дѣвочка Марія 16 лѣтъ и мальчикъ Матвѣй 12 лѣтъ.

Допрошенный въ обѣихъ инстанціяхъ въ качествѣ эксперта Н. А. Бѣлогорскій, епархіальный миссіонеръ, выслушавъ, какъ значитъ въ протоколѣ, всѣхъ трехъ обвиняемыхъ обѣ ихъ вѣроученіи, а также прослушавъ свидѣтелей, двухъ сотскихъ, удостовѣрившихъ, что подсудимые пѣли внутри дома псалмы, далъ, судя по протоколу, столь же рѣшительное, какъ и краткое заключеніе, что подсудимые (это относилось къ 19 лицамъ по 8 дѣламъ) принадлежать въ большинствѣ къ штундѣ Коссяковскаго толка, а въ меньшинствѣ—къ штундѣ Чапынскаго толка.

Въ одной изъ кассационныхъ жалобъ подсудимые просятъ въ удостовѣреніе того, что они баптисты, вызвать одного изъ наставниковъ баптистовъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи губернаторами (1107 ст., XI, ч. 1), „такъ какъ обвинитель не можетъ быть экспертомъ“, и если ужъ звать миссіонеровъ, то съ ихъ стороны надо вызвать баптистскаго проповѣдника Брауера изъ Лодзи или Колодина изъ Бердянска.

Съѣздъ предоставилъ имъ самимъ пригласить этихъ лицъ, и такъ какъ они этого не сдѣлали, то призналъ въ числѣ пунктовъ обвиненія, что они ничѣмъ не доказали своей принадлежности къ баптизму, т. е.—прибавлю отъ себя—не приложили всего старанія къ тому, чтобы доказать свое преступное состояніе, предусмотрѣнное 188 ст. улож., съ разными невыгодными послѣдствіями; но особенно интересны въ данномъ случаѣ остальные пункты приговора.

Защитникъ двоихъ изъ подсудимыхъ по одному изъ этихъ дѣлъ (№ 282), призналъ относящимся къ его двумъ кліен-

тамъ изложеніе вѣроученія, поданное по другому дѣлу за № 287 (л. 93 об.), изъ той же группы 8 дѣлъ; это письменное изложеніе вѣроученія оказалось никѣмъ неподписаннымъ, и остальными подсудимыми, за отсутствіемъ ихъ, какъ мы знаемъ, признано не было. Такое доказательство, по поводу котораго никто даже опрошенъ не былъ, чуждое лицамъ и дѣламъ, экспертъ положилъ въ основаніе своей экспертизы по всѣмъ дѣламъ этимъ на стѣздѣ, гдѣ на этотъ разъ ограничился признаніемъ въ подсудимыхъ штундистовъ уже только Коссяковскаго толка.

Вотъ что приблизительно записано въ протоколѣ изъ этого заключенія.

По его, эксперта, мнѣнію, вѣроученіе обвиняемыхъ слишкомъ рѣзко отличается отъ нѣмецкаго баптизма, признающаго въ своемъ вѣроученіи общее крещеніе, называемое евангелическимъ, а эти обвиняемые называютъ себя крещеными водой. Существенная разница состоитъ въ томъ, что вѣроученіе обвиняемыхъ состоитъ изъ 9 чл., а указанное имъ баптистское—изъ 12 чл., и въ вѣроученіи обвиняемыхъ нѣтъ очень многихъ членовъ, которые исповѣдуются обязательно нѣмецкими баптистами, напримеръ: о блаженствѣ, о предопредѣленіи, объ организациі общины. Сходство только въ томъ, что они вѣруютъ въ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Св., „во всемъ остальномъ—одно противорѣчіе“. Противъ 6 члена (допущ. на молитв. собр. постор. лицъ) экспертъ возразилъ, что онъ не считается у баптистовъ догматомъ. Противъ 7 чл.—о порядкѣ погребенія, что у настоящихъ баптистовъ онъ никогда не считается какъ догматъ. 7 и 8 чл.—не сходятся, на мѣсто 7 чл. у баптистовъ излагается не о погребеніи; что же касается 8 чл. по вѣроученію обвиняемыхъ, то у баптистовъ признается только одинъ воскресный день, а обвиняемые признаютъ еще и Пасху, и Рожд., и др. праздники. 3 чл. по ученію обвиняемыхъ—о молитвѣ надъ новорожденнымъ—у настоящихъ баптистовъ, какъ догматъ, не существуетъ. Единственное сходство обвиняемыхъ въ томъ, что они христіане, но они не баптисты. Принадлежать они къ штундистамъ Коссяковскаго толка, „признаки которыхъ—бракъ, преломленіе

хлѣба и погребеніе“. Штундисты вообще праздники соблюдаютъ, а баптисты ни церковныхъ праздниковъ, ни царскихъ дней—не соблюдаютъ, за исключеніемъ дня воскреснаго, а нѣкоторые—дня субботняго, почему послѣдніе и называются „субботниками“. Баптисты—отрасль протестантизма, а штундисты—православія. Назвать обвиняемыхъ, принадлежащихъ къ толку, такъ называемыхъ, „мистическихъ штундистовъ“, какъ, напр., малеванцы или чаплыгинцы—нельзя, такъ какъ тѣ отрицаютъ всякіе обряды; къ молоканамъ также они не принадлежатъ, такъ какъ молокане не признаютъ воднаго крещенія. На основаніи изложеннаго, г. Бѣлогорскій далъ рѣшительное заключеніе, что обвиняемые принадлежатъ къ штундистамъ Коссяковскаго толка.

Итакъ, признавая вмѣстѣ съ баптистами ученіе о Пресв. Троицѣ, подсудимые „въ качествѣ штундистовъ“ повинны въ томъ, что въ отличіе отъ баптистовъ, признающихъ *общее крещеніе* „называемое евангелическимъ“—признаютъ себя *крещенными водою* (sic) и что соблюдаютъ праздники, въ то время какъ баптисты ни церковныхъ праздниковъ, ни царскихъ дней не соблюдаютъ, за исключеніемъ дня воскреснаго, а нѣкоторые—субботняго.

Съѣздъ, удовольствовавшись такими признаками преступленія, призналъ подсудимыхъ штундистами и приговорилъ къ штрафу за устройство, вопреки закону 1894 года, незаконнаго общественнаго моленія.

Разумѣется, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ.

Нетрудно видѣть, что какъ экспертиза по данному дѣлу, такъ и юридическая сторона этихъ двухъ рѣшеній судьи и съѣзда страдаютъ крупными недостатками; нѣкоторые изъ нихъ, разсмотрѣнные выше, имѣютъ, такъ сказать, частный характеръ, таково, напр., пользованіе письменнымъ изложеніемъ вѣроученія, представленнымъ по одному дѣлу при рѣшеніи о всѣхъ подсудимыхъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ; на это указываетъ, между прочимъ, и отдѣльное мнѣніе одного изъ судей. Это же мнѣніе чрезвычайно вѣрно подмѣчаетъ далѣе, что экспертъ Бѣлогорскій выразился столь рѣ-

пительно относительно всѣхъ обвиняемыхъ, отнеся ихъ къ штундистамъ Коссяковскаго толка, безъ ссылки на какіе либо факты; „вся аргументація его клонилась къ доказательству отличія вѣроученія обвиняемыхъ сеетантовъ отъ баптизма“, пишетъ судья, и справедливо заключаетъ, что „выводъ эксперта покоится на отрицательномъ основаніи, очевидно, слышкомъ шаткомъ“: дѣйствительно, какъ причислять обвиняемыхъ къ штундѣ только потому, что „ихъ ни къ какой другой, извѣстныхъ эксперту, сектѣ причислить нельзя“, тогда какъ „вполнѣ возможно допустить, что обвиняемые сеетанты, отличаясь своимъ вѣроученіемъ отъ нѣмецкихъ баптистовъ, принадлежатъ къ какой либо новой раціоналистической сектѣ безъ признака тѣхъ вредныхъ свойствъ, которыя побуждаютъ законъ карать молитвенныя собранія именно штундистовъ“.

Дѣйствительно, защитникъ Кушнеревъ, цитируя циркуляръ Министра Внутреннихъ дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г., гдѣ указано основаніе, по которому комитетъ министровъ призналъ штунду особо вредной, доказывалъ, что и согласно фигурировавшему въ дѣлѣ „изложенію вѣроученія“ нельзя до вѣрителей его считать штундистами, такъ какъ они признаютъ нѣкоторыя таинства, праздники, чтутъ Царя и властей, подчиняются распоряженіямъ правительства, не отказываясь ни отъ отбыванія воинской повинности, ни отъ платежа податей. Допустивъ, слѣдовательно, распространительное толкованіе такого закона, какъ законъ 4 іюля 1894 г., съѣздъ не соблюлъ указаній, преподанныхъ Сенатомъ въ рядѣ рѣшеній, напримѣръ, 20 октября 1897 г. по дѣлу Рѣдиченна и по дѣлу Головка за 1900 г., такъ какъ не установилъ всѣхъ признаковъ, перечисленныхъ въ циркулярѣ, и вовсе не коснулся вопроса о противогосударственномъ характерѣ данной секты.

Несомнѣнно, что главный недостатокъ экспертизы въ этомъ дѣлѣ, недостатокъ уже нечастнаго характера, сводился къ полному отсутствію какихъ либо фактическихъ данныхъ въ подкрѣпленіе заключенія; такъ, напримѣръ, вопреки рѣшенію по дѣлу Оберемка 10—17 мая 1898 г., совершенно отсутствуетъ, какъ мы видѣли, указаніе на то, какіе, свойственные именно штундизму, молитвословія и обряды имѣли мѣсто въ собраніи, о

которомъ шла рѣчь. На такого рода указанія со стороны экспертизы, разумѣется, имѣли право разсчитывать судьи, за этимъ и обратившіеся къ экспертизѣ.

Однако, съѣздъ не только не настаивалъ на исполненіи экспертомъ своей обязанности, но, вопреки рѣшенію по тому же дѣлу Оберемка, не опредѣлили даже, въ какихъ именно дѣйствіяхъ выразился *общественный* характеръ даннаго богомоленія.

Здѣсь весьма кстати можетъ быть приведенъ другой примѣръ дефектовъ по дѣлу Макара и Агафьи Бураковыхъ, Демченковыхъ и др. Это дѣло, рѣшенное съѣздомъ мировыхъ судей Владикавказскаго мирового округа 31 октября 1898 г., представляетъ собой яркій примѣръ того смѣшенія понятій, которое сказалось въ судебной практикѣ послѣ изданія закона 1894 г.; еще 27 сентября—11 октября 1897 г. Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ, за силой 1 ст. уст. угол. суд., обвинительный приговоръ Донскаго перваго округа Мирового Съѣзда, состоявшійся относительно семейства Рѣдичкиныхъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности въ качествѣ баптистовъ за то, что они 27 октября 1896 г., собравшись въ комнатѣ съ четырьмя другими лицами, пѣли псалмы изъ „сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ евангелическаго лютеранскаго вѣроисповѣданія“.

Правительствующій Сенатъ, отвергнувъ въ данномъ случаѣ по дѣлу Рѣдичкиныхъ распространительное толкованіе закона 4 іюля 1894 г. о воспрещеніи штундистскихъ богомоленій, указала, что законъ этотъ преслѣдуетъ штунду, „а не баптизмъ, составляющій сектантство, возникшее на почвѣ терпимаго въ Имперіи Россійской инославнаго христіанскаго исповѣданія (ст. 1106 Іч. свода законовъ уставъ иностр. испов.).“

Вопреки этому рѣшенію (почему—будетъ видно ниже), судебный слѣдователь по упомянутому выше дѣлу Бураковыхъ нашель, что по закону 4 іюля 1894 г. баптистамъ запрещаются молитвенныя собранія и публичныя оказательства раскола, какъ послѣдователямъ секты болѣе вредной, почему призналъ подлежащими преслѣдованію по 29 ст. Макара Бурака и др. за то, что эти сектанты, баптисты изъ православ-

ныхъ, хоронили дочь Макара, исполняя публично духовныя пѣсни, какъ при выносѣ изъ дому, такъ и на кладбищѣ.

Кромѣ основной невѣрности, будто бы баптистамъ запрещаются общественныя молитвенныя собранія и притомъ въ качествѣ секты болѣе вредной, все это дѣло заключаетъ въ себѣ рядъ другихъ ошибокъ и наглядно показываетъ, до чего дошла практика судебная по дѣламъ о баптистахъ, только благодаря тому, что ей пришлось вѣдаться съ экспертизой и притомъ не только духовной, но и юридической, въ формѣ циркулярныхъ разъясненій Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ виду этого, полезно остановиться на этомъ процессѣ нѣсколько подробнѣе. Дѣло въ томъ, что Владикавказская духовная консисторія дала заключеніе, вполнѣ объясняющее намъ вышеприведенное постановленіе судебного слѣдователя, причѣмъ сослалась на отзывъ департамента общихъ дѣлъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя начальника Терской области 10 октября 1894 г. за № 606. Въ этомъ отзывѣ разъяснялось, что законъ 4 іюля 1894 г. о признаніи штундизма сектою болѣе вредной одинаково относится и къ русскимъ кавказскимъ баптистамъ, которые не должны быть смѣшиваемы съ нѣмецкими баптистами и на которыхъ поэтому не простираются тѣ права, по отправленію духовныхъ требъ, какими пользуются нѣмецкіе баптисты по закону 27 марта 1879 г. (1106 ст. XI т. ч. 1).

Мировой съѣздъ, высказываясь по поводу этого циркуляра, разосланнаго своевременно всѣмъ губернаторамъ, говоритъ, что циркуляръ разъясняетъ примѣнимость закона 1894 года о штундистахъ и къ кавказскимъ баптистамъ, „такъ какъ они только называютъ себя баптистами, но они тождественны со штундистами“—и правильно заключаетъ, что никому не предоставлено право распространительно толковать ограничительные законы, такъ какъ законъ, утвержденный Высочайшей властью, можетъ быть отмѣненъ только тою же властью.

Въ виду этого, съѣздъ отмѣнилъ рѣшеніе мирового судьи, который, безъ дальнихъ справокъ, призналъ было вышеупомянутыхъ Бураковыхъ баптистами, принадлежащими къ сектѣ,

отнесенной будто бы закономъ 1894 г. къ особо вреднымъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи. Эта ошибка мирового судьи была однако съѣздомъ исправлена только отчасти, такъ какъ, рѣшивъ, что обвиняемые не штундисты, и признавъ, что имъ не запрещаются общественныя молитвенныя собранія, онъ упустилъ изъ виду, что имѣлъ дѣло съ баптистами изъ православныхъ, т. е. раскольниками или сектантами, къ которымъ законъ 27 марта 1879 г. о нѣмецкихъ баптистахъ—непримѣнимъ, съ другой стороны было упушено, что хотя и они, т. е. баптисты изъ православныхъ, какъ и вообще—всѣ расколо-сектанты, пользуются правомъ въ силу закона 3 мая 1883 г. творить общественную молитву, но что и имъ какъ и всѣмъ раскольникамъ, публичное оказательство ереси, въ формѣ пѣнія на улицахъ и площадяхъ, воспрещено (ст. 48 и 59 п. 4 прим. Св. Зак. т. XIV 1890 г. уст. о пред. и пресѣч. прест.).

На этотъ дефектъ въ приговорѣ съѣзда обратилъ вниманіе товарищъ прокурора въ своемъ протестѣ, но ввелъ новую ошибку, безъ всякой надобности возражая противъ права свободнаго богослуженія, т. е. общественной молитвы, которымъ, по его мнѣнію, въ порядкѣ закона 3 мая 1883 г. (48 ст. уст. о пред. и пресѣч. прест.), баптисты изъ православныхъ не пользуются, въ отличіе отъ другихъ раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ. Мотивируя это ошибочное мнѣніе свое, онъ говоритъ, что „ученіе нѣмецкихъ баптистовъ, воспринятое русскими уроженцами, получаетъ въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ названіе штунды, т. е. той именно секты, о коей говоритъ законъ 4 іюля 1894 г. При этомъ онъ указываетъ на отзывъ Владикавказской консисторіи отъ 10 февраля 1898 г. за № 801 (л. д. 5), въ которомъ дѣйствительно консисторія признала баптизмъ и штундизмъ совершенно тождественными въ томъ смыслѣ, что это только два названія одной и той же секты. Такимъ образомъ, *circulus vitiosus* начался и кончился однимъ и тѣмъ же въ глазахъ закона сомнительнымъ положеніемъ, что баптизмъ и штундизмъ тождественны, на чемъ сошлись всѣ упомянутыя лица и мѣста, за исключеніемъ мирового съѣзда.

Чрезвычайно важно теперь же отмѣтить разницу въ мотивахъ для такого отождествленія въ отзывѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и консисторіи, такъ какъ слѣдователь, товарищъ прокурора и мировой судья въ качествѣ юристовъ только ссылались на это духовное и административное заключеніе по вопросу юридическому; впрочемъ, духовная консисторія присоединила рядъ историческихъ и догматическихъ соображеній, которыя я приведу только вкратцѣ, такъ какъ болѣе подробно сопоставлю штундизмъ съ баптизмомъ ниже. Штундизмъ, по мнѣнію консисторіи, возникъ въ Германіи, въ XVII стол., но особаго ученія не выработалъ. Это былъ кружокъ благочестивыхъ людей, собиравшихся для чтенія слова Божія, въ послѣобѣденные часы (Stunde—часъ), также и въ Россіи появились такіе благочестивые люди, благодаря нѣмецкимъ колонистамъ (говоритъ консисторія) въ началѣ XIX стол.,—русскіе штундисты, но особаго ученія они тоже не выработали. Въ 70-хъ же годахъ (sic) эти лица приняли ученіе нѣмецкихъ баптистовъ, существовавшихъ на югѣ Россіи и на Кавказѣ, и съ того времени составляли уже особую секту, за которою осталось прежнее названіе штунды, слѣдовательно, заключаетъ консисторія, представляютъ собой не два различныя ученія, а совершенно одно и то-же; это только два названія одной и той же секты, послѣдователи которой сначала охотнѣе назывались штундистами, а затѣмъ, сравнительно въ очень недавнее время, и особенно на Кавказѣ, стали называть себя преимущественно—баптистами, съ цѣлью воспользоваться тѣми религіозными правами, по отправленію духовныхъ требъ, какія предоставлены переселившимся въ Россію нѣмецкимъ баптистамъ. Итакъ, консисторія тоже поддается вышеприведенному телеологическому толкованію администраціи. Далѣе консисторія говоритъ, что ученіе штундистовъ (баптистовъ) состоитъ въ слѣдующемъ: баптисты совершенно также, какъ и штундисты, вѣруютъ въ единого Бога, Троичнаго въ Лицахъ, чтутъ Иисуса Христа, какъ сына Божія, и признаютъ значеніе искупительныхъ страданій Спасителя, въ смыслѣ оправданія челоука и духовнаго возрожденія; единственнымъ источникомъ богопознанія русскіе бап-

тисты (изъ православныхъ? или и нѣмецкіе переселенцы?) считаютъ книги Священнаго Писанія, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, баптисты (всѣ?) отрицаютъ православную іерархію, у нихъ есть такъ называемые пресвитеры, — но это не іерархическія, а только должностныя лица, — отрицаютъ таинства, кромѣ крещенія и причащенія или чаши, но и эти послѣднія таинства понимаютъ не такъ, какъ православная церковь, а въ протестантскомъ смыслѣ, какъ символы или знаменія общенія со Христомъ; кромѣ того, крещеніе совершается только надъ взрослыми и непременно въ рѣкѣ; наконецъ, баптисты отрицаютъ всѣ обряды установленія православной церкви, какъ-то: посты, почитаніе Креста, поминовеніе умершихъ, призываніе святыхъ и особенно поклоненіе иконамъ.

Рядомъ съ этой экспертизой отъ 10 февраля 1898 г. какъ-то странно читать не только вышеупомянутый отзывъ Деп. Общ. Дѣлъ отъ 10 октября 1894 года за № 606, но особенно — текстъ закона 4 іюля 1894 г. и разъясняющій его циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ отъ 3 сентября 1894 г. за № 24, въ которыхъ ни слова не говорится о баптизмѣ, но указывается на чрезвычайную политическую опасность отмѣчаемой секты. Циркуляръ за № 24 характеризуетъ ее такъ: „послѣдователи секты штундъ, отвергая всѣ церковныя обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, уподобляя вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества — разбойникамъ, но и проповѣдуютъ социалистическіе принципы, какъ, на примѣръ, общее равенство, раздѣлъ имущества и т. п.; ученіе ихъ подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности“.

Странность, о которой я упомянулъ выше, заключается въ томъ, что законъ 1894 г., говоря о штундѣ и другихъ вредныхъ сектахъ, не обмолвился ни однимъ словомъ о баптистахъ, такъ что, сопоставляя этотъ законъ съ заключеніемъ консисторіи, нельзя рѣшить, насколько новыя самостоятельныя соображенія консисторіи въ ея заключеніи, данномъ, однако, болѣе 3-хъ лѣтъ спустя по выходѣ закона 1894 г. Такъ какъ этотъ послѣд-

ній законъ не упоминаетъ также о второмъ миссіонерскомъ създѣ, состоявшемся лѣтомъ 1891 г. въ Москвѣ, а упоминаетъ только о томъ, что еще въ 1878 г. Св. Синодъ призналъ секту особо вредной, то остается предположить ¹⁾, что центромъ тяжести его являются мотивы свѣтскаго характера; дѣйствительно, въ законѣ этомъ прямо говорится, что въ 1893 году генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ, графомъ Игнатьевымъ, было издано обязательное постановленіе о воспрещеніи молитвенныхъ собраній штундистовъ, на основаніи права, предоставленнаго губернаторамъ Положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; „такимъ образомъ, говорится далѣе въ законѣ, собранія эти не дозволяются нынѣ, не какъ общественная молитва раскольниковъ, допускаемая закономъ 3 мая 1883 г. а какъ сборище, вредное въ политическомъ отношеніи“. Комитетъ Министровъ прямо и сослался на это обязательное постановленіе, принявъ мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, что „молитвенныя собранія штундистовъ, внося смуту въ жизнь мѣстныхъ приходовъ, служатъ самымъ удобнымъ способомъ распространенія этого особо вреднаго лжеученія“.

Въ виду этого вопросы, которыми задается консисторія, и попытки разрѣшенія которыхъ только нагромождаютъ новые, неразрѣшимые вопросы, должны, собственно говоря, перестать интересовать юристовъ и экспертизу; т. е. именно вопросы историческіе и догматическіе, какъ-то: родился ли штундизмъ спеціально въ Россіи и поглотилъ ли онъ баптизмъ или, обратно,—русскіе штундисты обратились въ баптистовъ, сохраняя свое прежнее названіе, или мы имѣемъ дѣло съ разными сектами, такъ что штундисты, будучи отличны отъ баптистовъ, только чтобы сохранить право свободнаго богослуженія, именуютъ себя—баптистами, или же, наконецъ, баптисты и штундисты одно и то же, какъ думаетъ консисторія. Въ самомъ дѣлѣ, устраненіе такихъ

---

¹⁾ Законъ этотъ, какъ извѣстно, не прошелъ черезъ Государственный Советъ, почему и нѣтъ журналовъ, откуда можно бы было почерпнуть мотивы.

догматическихъ изысканій, какъ излишнихъ,—совершенно понятно тамъ, гдѣ законъ, обходя второстепенные признаки, а именно догму, указалъ одинъ главный—антигосударственный; только этого послѣдняго и надо добиваться при судебномъ изслѣдованіи, такъ какъ ради его собственно и созданъ новый законъ 1894 г. Правда, циркуляръ за № 24 даетъ схему всѣхъ признаковъ оффиціальной штунды, въ томъ числѣ и догматическихъ, онъ кратко говоритъ, что послѣдователи штунды, отвергая всѣ церковные обряды и таинства, не признаютъ никакихъ властей и возстаютъ противъ присяги и военной службы, проповѣдуютъ социалистическіе принципы, и что ученіе ихъ подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности. Правительствующій Сенатъ, повторивъ всѣ изложенныя соображенія въ рѣшеніи по дѣлу Головки № 1 1900 г., такъ и взглянулъ, какъ мнѣ кажется, принявъ формулу, предложенную Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ для опредѣленія штунды, совершенно независимо отъ догматической ея стороны, не задаваясь даже вопросомъ о томъ, существуетъ ли такое именно ученіе; при этомъ онъ призналъ, что если будетъ фактически доказана принадлежность обвиняемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ такой ереси или расколуученію, въ которыхъ соединятся признаки, приписываемые Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ особо вредной сектѣ, именуемой въ законѣ 1894 г. штундизмомъ,—то законъ этотъ подлежитъ примѣненію. Кроме того, что весьма важно, Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ въ томъ же рѣшеніи и приведенный мною выше отзывъ консисторіи отъ 10 февраля 1898 года за № 801, высказалъ, что такая экспертиза не можетъ быть относима къ числу предустановленныхъ доказательствъ. Въ виду признанія за закономъ 1894 г. такого характера чисто юридической формулы, подлежащей поэтому строго ограниченному толкованію, интересно показать, что она вполнѣ соответствуетъ совершенно такимъ же формуламъ, встрѣчающимся въ старыхъ дѣлахъ уже не первое столѣтіе, тогда какъ штундизму насчитываютъ всего нѣсколько десятковъ лѣтъ. Вотъ, напримѣръ, указъ Императора Павла—30 марта 1800 г.

въ дѣлѣ о раскольникахъ селенія Чудово ¹⁾, начинающійся слѣдующими словами:

„Господинъ генераль лейтенантъ и генераль прокуроръ Обольяниновъ. Въ селеніи Чудово и слободѣ и пристани Со-
сницкой открылись отвергающіеся церкви, ея таинства и
святыхъ, не признавая Государя и предпоставленной вла-
сти, которыхъ повелѣли мы предать гражданскому суду. „Въ
другомъ дѣлѣ ²⁾ о духоборцахъ филипповской и другихъ ста-
ницъ (л. 2) „войсковой Донской канцеляріи прокуроръ до-
носитъ (Министру Юстиціи), что въ станицахъ филиппов-
ской и др. открылась 101 душа казаковъ духоборческой сек-
ты. . . . . отменяя церковь, ея таинства съ произношеніемъ
хулы и поруганія до такой буйности, что не хотятъ повино-
ваться и законамъ государственнымъ въ разсужденіи относя-
щихся до вѣры.“

Въ томъ же дѣлѣ, въ рапортѣ своемъ на имя Министра
Юстиціи, войсковой атаманъ пишетъ: „Первое: что сколь ни
велика, ни справедлива мысль о терпимости вѣрь, но сіи
крайне блуждающіе въ суетудріи духоборцы, не имѣя мнѣ-
ніямъ своимъ ни начала, ни конца и, слѣдственно, не зная
цѣли своего глупомудрія, не составляютъ своимъ исповѣда-
ніемъ никакой вѣры, кромѣ что, потерявши здраво сужденіе,
отвергаютъ все, что есть священно и къ благоденствію об-
ществъ непремѣнно необходимо. Второе: предавшись свободѣ
мыслей своихъ и не имѣя въ ограниченіи себя никакихъ
правиль, не только не внемлютъ никакимъ внушеніямъ истины,
но отрицая всѣ законы гражданства, стараются объ одномъ
только томъ, чтобъ ближнихъ своихъ совратить съ пути правды,
ввергнуть въ подобное заблужденіе; въ чемъ, какъ по сему
изслѣдованію значитса, довольно и успѣли.“

Въ дѣлѣ № 222 о духоборцахъ Астраханской губ. въ г.
Ставрополѣ ³⁾ въ рапортѣ губернскаго правленія значитса,
что во время ярмарки въ названномъ городѣ были усмотрѣны

---

¹⁾ Архивъ Правительствующаго Сената № 385 1800 г. л. 329.

²⁾ Loc. cit. № 116 за 1800 г.

³⁾ Loc. cit. л. 453.

разнаго состоянія люди „публично отправляющіе службу пѣніемъ псалмовъ;“ будучи арестованы они отозвались „что они духоборцы, въ деревянныя церкви входить и образамъ, на деревянныхъ доскахъ писанныхъ, поклоняться не намѣрены и почитаютъ Единаго Бога. . . что Государя Императора власти и законамъ, а равно и учрежденному отъ него начальству повиноваться не хотятъ; а два однодворца съ поясненіемъ еще и таковымъ, что если повелѣно имъ будетъ идти на службу противъ непріятели, то сего дѣлать они не обязаны, потому что праведный не простретъ рукъ своихъ противъ беззаконнаго.“

Я бы не кончилъ, если бы сталъ приводить выписки такого же рода изъ ряда дѣлъ за послѣдующіе годы, гдѣ общая формула, примѣненная выше къ духоборцамъ и раскольникамъ Чудова, повторялась далѣе почти безъ измѣненія и всегда съ указаніемъ противоположительнаго характера, по мѣрѣ появленія въ дѣлахъ названій безпоповцевъ-иконоборцевъ ¹⁾, молоканъ, жидовствующихъ ²⁾, странниковъ или бѣгуновъ и т. д. Въ особенности относительно послѣднихъ въ 30-хъ и 50-хъ годахъ ³⁾, рядомъ съ типичными особенностями секты странниковъ (въ данномъ случаѣ сапелковскаго соглася, впервые открытаго въ 51 г., какъ пишетъ губернскаго прокуроръ г. Ярославля), указывается, что „послѣдователи сапелковскаго соглася не признаютъ властей, давая превратный смыслъ тому мѣсту Евангелія, гдѣ сказано, что Иисусъ Христосъ передъ судомъ Пилата произнесъ: „не имати власти ни единыя на мнѣ, аще не быти дано свыше“. Царя называютъ антихристомъ“.

Но особенно интересны тѣ дѣла 20-хъ и далѣе годовъ (№ 3401 и 2921), гдѣ догматы секты точно не опредѣляются, но подчеркивается безпоповщинскій и иконоборческій характеръ ихъ, а также отрицаніе таинствъ, упоминается о наставникахъ, о переkreщеніи и о моленіяхъ, во

---

¹⁾ *Ioc. cit.* № 3741. 1823 г. и № 3401, за 1823 г. и № 2921 того же года.

²⁾ 1814 г. № 89 и 1818 г. № 156, I. с.

³⁾ № 7583, 1851 г. I. с.

время которых читаются Евангеліе и псалтырь. Въ разныхъ описаніяхъ этихъ сектъ, иногда называемыхъ молоканствомъ, пустосвятствомъ, а чаще новыми сектами, постоянно встрѣчаются детальныя разсказы о порядкѣ, въ которомъ происходятъ моленія ¹⁾, словомъ дается общій очеркъ еретическихъ мнѣній и дѣйствій, которыя я отмѣтилъ уже при разсмотрѣніи первыхъ старыхъ дѣлъ. Въ дѣлѣ, напр., за № 2921 говорится и государственной, общественной опасности въ такихъ выраженіяхъ: „Обязанность губернскаго правленія была принять строгія мѣры, дабы развратители сіи вредными плевелами, ими между простодушными поселянами разсѣваемыми, современемъ не потрясли религію, которая была и есть истинное могущество Россіи“.... Далѣе слѣдуютъ упреки губернскому правленію, что оно не начало дѣла и „дало тѣмъ способъ болѣе вкореняться злу, столь быстро съ тамошней губерніи отъ подобнаго послабленія разливающимся. Потрясеніе вѣры вредно для блага общества, а правила сектъ, особенно новѣйшихъ—и для самого спокойствія“. Такъ сѣтоваль въ рапортѣ 30 апрѣля 1823 г. ²⁾ на имя министра юстиціи Архангельскій губернскій прокуроръ по поводу Онежской губ., гдѣ до настоящаго времени „общественное спокойствіе и истинное могущество Россіи“, насколько мнѣ извѣстно, не пострадали. Эту успокоительную справку я могъ бы предложить вниманію цитированныхъ мною ³⁾ свящ. Прозорова и В. М. Скворцова, которые согласно утверждаютъ, что русскій колоссъ, мощный православной вѣрою, чуть не наканунѣ бѣды, такъ какъ штундизмъ, олицетворяющій принципы ненормальной свободы совѣсти, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ подкоповъ подъ Кремль Руси. Впрочемъ, предположеніе Архангельскаго губернскаго прокурора, сдѣланное въ 1823 году, можетъ быть ему извинено въ виду отсутствія въ то время юридическаго образованія въ Россіи, также и пессимистическіе возгласы названныхъ ораторовъ легко объясняются тѣмъ,—предполагая, что эти воз-

---

¹⁾ I. с. 805 г. № 262 и 806 г. № 111.

²⁾ I. с. 1823 г. № 2921 л. 9 об. 10.

³⁾ Вѣст. Пр. 1901 г. окт. стр. 12 и 13.

гласы искренни,—что ораторы эти не юристы, а потому и не знакомы съ принципами Государственнаго Права. Приведенные выше данные изъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ, однако, ни разу не упомянуто слово „штунда“, позволяютъ сдѣлать общій выводъ такого содержанія, что послѣдователи упомянутыхъ сектъ, вообще говоря, отвергають церковные обряды и таинства ¹⁾, не только не признають никакихъ властей и возстають противъ присяги и военной службы, но и проповѣдуютъ социалистическіе принципы, какъ, напр., общее равенство, причемъ ихъ ученіе, по мнѣнію должностныхъ лицъ того времени, подрываетъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности.

Въ законѣ 1894 г. по отношенію къ штундѣ нѣтъ такой формулы, но она цѣликомъ встрѣчается въ циркулярѣ министра внутр. дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г. за № 24, разъясняющемъ этотъ законъ, причемъ отмѣчается, что такое опредѣленіе штунды дается на основаніи имѣющихся въ Министерствѣ и въ духовномъ вѣдомствѣ свѣдѣній.

Если-бы не было послѣдней оговорки, то можно было бы подумать, что циркуляръ этотъ примѣнилъ къ штундѣ давно сложившуюся въ судебныхъ дѣлахъ и административныхъ бумагахъ формулу, примѣнявшуюся издревле въ случаяхъ возбужденія преслѣдованія—къ одной изъ безчисленныхъ видоизмѣнявшихся или нарождавшихся за послѣдніе вѣка сектъ.

Это соображеніе еще болѣе укрѣпляетъ меня въ той мысли, что формула закона 1894 г., согласно рѣшенію по дѣлу Головки, можетъ быть примѣняема исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда фактами доказана наличность признаковъ, въ ней упомянутыхъ; изъ этого уже, какъ выводъ, слѣдуетъ, что судамъ нельзя допускать никакихъ, со стороны экспертовъ, дедукцій изъ своихъ опредѣленій штунды (науки сектантства). Тѣмъ менѣе возможна дедукція изъ формулы закона, встрѣчающаяся, однако, въ дѣлахъ, гдѣ эксперты,

---

¹⁾ Былъ даже случай въ 54 г. открытія тайныхъ монаховъ, пропаганды самовольнаго постриженія—д. № 378 за 54 г.

напримѣръ, найдя одинъ признакъ штундизма, хотя бы иконоборство, не задумываясь рѣшаетъ, что и всѣ остальные можно признать доказанными. Неудивительно, что Правительствующій Сенатъ кассируетъ рѣшенія, столь незаконно обоснованныя ¹⁾.

Говоря объ этихъ опасныхъ сторонахъ экспертизы, я не могу не указать на экспертизу по дѣлу Шарина и др., обвиняемыхъ по 196 ст. уст. о нак., рассмотрѣнному Правительствующимъ Сенатомъ 9 февраля 1899 г. Послѣ длиннаго догматическаго изложенія, включающаго въ себѣ всю новѣйшую номенклатуру, и штундо-баптистовъ, и штундо-пашковцевъ и духовный или младо-штундизмъ, протоколъ экспертизы этой заканчивается, ничтоже сумняшася, полной цитатой изъ неоднократно упоминавшагося циркуляра, общей формулой о штундѣ, причемъ это указаніе приводится какъ доказательство особо вреднаго характера секты штунды. Такимъ образомъ этотъ самый циркуляръ, имѣющій характеръ аутентическаго толкованія ²⁾, становится предустановленнымъ доказательствомъ, чѣмъ очевидно попираются основныя начала судебныхъ уставовъ Императора Александра II.

Эта экспертиза, чрезвычайно обширная, впитавшая всѣ положенія антисектантской литературы, вродѣ, напр., искусственнаго штундо-баптизма ³⁾, въ качествѣ будто бы несомнѣнныхъ истинъ, упомянула также, не ссылаясь, впрочемъ, на источникъ, о заключеніяхъ второго и третьяго миссіонерскаго съѣзда, а также и о „*Правилахъ вѣроисповѣданія новообращеннаго русскаго братства*“, вѣроисповѣдномъ кодексѣ штундо-баптизма.

Констатируя быструю измѣняемость воззрѣній секты, ея догматическую неустойчивость и говоря то о штундо-баптизмѣ, то о младо-штундизмѣ или духовной штундѣ, то, наконецъ, объ обѣихъ сразу, экспертиза смѣшиваетъ всѣ догматическіе признаки въ одно, договариваясь, напримѣръ, до

---

¹⁾ Дѣло Бедренко по III отд. 27 октября 1901 г.

²⁾ Законъ 94 г. не восходилъ до Госуд. Сов.

³⁾ Такъ называетъ Коссяковскій толкъ штунды, о котор. идутъ неразрѣшенные споры, цитированные мною выше: баптизмъ онъ или штундизмъ.

атеистическаго вообще направленія, отрицанія божества Христа, что, дѣйствительно, характеризуетъ послѣдователей новѣйшей фракціи штундизма-малеванцевъ, но именно о нихъ то экспертиза вовсе не упоминаетъ.

Интересно прослѣдить, почему экспертизѣ по дѣлу Шарина пришлось въ вопросѣ объ антигосударственномъ характерѣ сектъ прибѣгнуть къ авторитету циркуляра за № 24. Дѣло въ томъ, что правила „Новообращеннаго братства“ не позволяютъ, сами по себѣ, утверждать противогосударственный характеръ штунды. Вотъ какъ онѣ опредѣляютъ, по словамъ самой экспертизы, отношеніе штундистовъ къ существующему государственному порядку: „Высшая власть въ Государствѣ Богомъ установлена, каковой власти мы обязаны покоряться, гдѣ это не противорѣчитъ заповѣдямъ Царя Царей (9 чл.)“.

Отсюда существующій государственный порядокъ, говорятъ эксперты, основанный на установленіяхъ божественныхъ, штундисты признаютъ не потому, что онъ самъ по себѣ есть наилучшая форма государственной жизни народа, а потому и настолько, насколько онъ не противорѣчитъ заповѣдямъ Бога, какъ ихъ понимаютъ и истолковываютъ штундисты.

Приписывая далѣе штундистамъ наклонность къ толкованію текстовъ, экспертиза указываетъ на выводимыя ими путемъ такихъ толкованій коммунистическія идеи на „превращеніе равенства передъ Отцомъ небеснымъ въ равенство экономическое“ и проведеніе такихъ „умозрѣній“ въ жизнь. Дѣлая, однако, свое личное заключеніе, экспертиза осторожно оговаривается, что „соціально — коммунистическія тенденціи и вообще политическая сторона ученія и жизни сектантства, хотя и не вездѣ и всегда всплываютъ наружу, но онѣ несомнѣнно скрыты въ глубинѣ духа и въ направленіи всего нашего рационалистическаго сектантства и составляютъ для подавляющаго большинства сектантской массы, а наипаче для вожаковъ новѣйшихъ сектъ центръ вождельнія и воображаемое счастье на землѣ. (Царствіе Божіе)“. Послѣдній выводъ экспертизы да-

валъ бы въ сущности основаніе совершенно устранить изъ судебныхъ дѣлъ догматическую экспертизу, и вотъ по какимъ основаніямъ: мы видѣли, что къ рационалистическимъ сектамъ постепенно примыкаетъ и старообрядство (немоляки, духовборцы ¹⁾); предположивъ даже, согласно съ экспертами и заключеніями всѣхъ Сѣздовъ ²⁾, что въ государственномъ отношеніи особо вредны въ сущности всѣ рационалистическія секты, мы вправѣ сказать, что для судовъ совершенно излишне вдаваться въ изслѣдованіе того, съ какой именно сектой онъ имѣетъ дѣло, а таѣ какъ дедуцировать о вредности изъ догматическаго опредѣленія секты не приходится, то очевидно остается одинъ путь—устанавливать фактъ противугосударственности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не прибѣгая вовсе къ догматической, а слѣдовательно духовной экспертизѣ.

Въ настоящее время, въ виду очевидной несостоятельности этой экспертизы, судьи и сѣзды почти уже не приглашаютъ экспертовъ, даже по просьбѣ подсудимыхъ, которымъ отказываютъ иногда и въ обращеніи къ Духовной Консистоіи за отзывомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы убѣдиться въ ненадежности экспертизы, стоитъ только бѣгло взглянуть на поразительную многовѣтвистость родословнаго дерева сектъ, которое легко изобразить по даннымъ, заключающимся въ дѣяніяхъ II и III сѣздовъ.

На первомъ мѣстѣ поставимъ расколъ старообрядства, въ которомъ мы видимъ старо—и ново-спасовцевъ, представителей безпоповцевъ.

Ново—спасовцы распадаются на двѣ фракціи: подначальниковъ и отрицанцевъ ³⁾, далѣе идутъ: странники, бѣгуны или красносмерты, Тираспольскіе изуверы, немоляки и духовоборы ⁴⁾; особнякомъ стоятъ іудействующіе, еговисты или Сіонская вѣсть, вообще субботники ⁵⁾.

¹⁾ Дѣян. III, Всер. Мисс. Сѣзда стр. 198.

²⁾ Дѣян. III, Всер. Мисс. Сѣзда стр. 133, 348, 355, 347, 276, 341, 346, 205.

³⁾ I. с. 207.

⁴⁾ I. с. 198, 199.

⁵⁾ I. с. 204.

Еще сложнѣе и многочисленнѣе дѣленія всѣхъ *раціоналистическихъ* сектъ, которыя въ отличіе отъ обрядовѣрныхъ послѣдователей внѣшности и буквы (старообрядцевъ), вмѣстѣ съ мистическими сектами, называются мнимодуховными. Интересно замѣчаніе референта на 3-мъ съѣздѣ ¹⁾, В. Терлецкаго, сближающее раскольниковъ и штундистовъ, т. е. раціоналистовъ: „На самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, между раскольниками и штундистами нѣтъ такой большой разницы, какъ обыкновенно принято думать. Есть общая, довольно характерная черта, которая сближаетъ тѣхъ и другихъ, это — *буквопдство*; разница только въ томъ, что раскольникъ уставился въ букву книгъ старопечатныхъ, а штундистъ привязался къ буквѣ текста библейскаго, но изъ за буквы ни тотъ, ни другой ничего не хотятъ ни видѣть, ни знать“.

Эти „мнимодуховныя секты“ распадаются, какъ я уже сказала, на двѣ главныя фракціи: *раціоналистическую* и *мистическую*. Къ первой, характеризуемой *буквой*, но отвергающей преданіе, относятся молокане и штундисты. Молокане распадаются на старыхъ (уклеинскихъ) и новыхъ (донскихъ); штундисты на старыхъ (плотская штунда, штундо-баптизмъ, Коссяковская) и на новую духовную (Чаплинская). Далѣе идетъ отрасль штунды — малеванщина.

Мистическая фракція мнимо-духовныхъ сектъ съ основнымъ принципомъ озаренія, вмѣсто толкованія, — заключаетъ въ себѣ „скопчество“ старое и новое (духовныя скопцы); между мистическими — выдѣляются: хлыстовство и шалопутство. Хлыстовство знаетъ пять видовъ: папашковцевъ, тѣлешей, собственно хлыстовъ (Тарусскіе), мормоновъ и кавказскихъ прыгуновъ (особо — Еленушкина секта Псковской губерніи) ²⁾.

Къ штундизму близко примыкаютъ, въ сущности сливаясь съ нимъ, въ разрядѣ раціоналистическихъ сектъ, пашковщина, менонитское братство, толстовство и совершенно отдѣльно стоитъ новая секта адвентизмъ, о которой я уже упоминалъ въ первой статьѣ ³⁾.

¹⁾ Объ изученіи сектантства. Дѣянія, стр. 95.

²⁾ I. с. 95, 96, 105, 131, 132 и 152.

³⁾ I. с. 133, 141, 143, 162, 164, 170, 187.

До чего всё эти севты, что, впрочемъ, и удостовѣрили съѣздъ, незамѣтно переходя одна въ другую, должны затруднять „науку сектовѣдѣнія“, можно видѣть изъ того, что изъ двухъ донскихъ толковъ одинъ молоканскій, другой баптистическій ¹⁾, а до чего затруднительна задача различать ихъ по мѣстности, можно заключить изъ такихъ примѣровъ, что въ селѣ Нововасильевѣ имѣются толки: тамбовскій, владимирскій, прыгунскій, первый донской, второй донской и баптистскій; въ с. Новоспаскомъ имѣются толка: три молоканскихъ (Тамбовскій, Владимирскій и прыгунскій) и баптистскій, который съѣздъ отнесъ въ штундистскимъ; въ с. Астраханѣ тѣ же толки, что и въ Нововасильевѣ, но они группируются иначе: изъ нихъ первые три должны быть признаны молоканскими, а послѣдніе три—штундистскими, „такъ какъ въ настоящее время процессъ перерожденія изъ молоканства въ штундизмъ въ первомъ донскомъ толкѣ можно считать почти законченнымъ“ ²⁾. Что такое раздѣленіе не остается только въ теоріи, доказывается тѣмъ, что мѣстное епархіальное начальство, признавъ второй толкъ—штундистскимъ, настояло на распоряженіи гражданскаго начальства о примѣненіи къ обоимъ толкамъ дѣйствія закона 4 іюля 1894 г., почему молитвенный домъ второго донского толка въ селѣ Нововасильевѣ былъ закрытъ.

Какъ ни очевидна чрезмѣрная сложность задачи экспертизы на судѣ, я хочу все таки показать и противорѣчивость заключеній сектантской литературы по вопросу о штундѣ и баптизмѣ, зависящую отъ этой сложности; при этомъ я укажу прежде всего на признанный въ антисектантской литературѣ авторитетъ свящ. Арсенія Рождественскаго (Южно-русскій штундизмъ), затѣмъ на полемику въ нѣдрахъ антисектантскаго журнала „Миссіонерское Обзорѣніе“ и на отношеніе къ этому вопросу третьяго съѣзда. Переходя затѣмъ въ анализу понятія объ особо вредныхъ сектахъ, т. е. къ послѣдней главѣ о законодательствѣ и судебной практикѣ, я пред-

---

¹⁾ 156—159 л. с.

²⁾ л. с. 155, 156.

пошло ей краткій очеркъ малеванщины, объявляемой исключительно безумной формой, но которая представляет собой въ начальныхъ стадіяхъ интересную форму мистическаго сектанства на рационалистической почвѣ и только въ послѣднихъ стадіяхъ своихъ являетъ намъ душевно-больныхъ людей. Здѣсь же кстати будетъ въ краткомъ перечнѣ дать примѣры возникновенія новыхъ сектъ въ поясненіе моей мысли о безцѣльности обращенія судовъ къ экспертамъ и для вящаго доказательства нецѣлесообразности судебной борьбы съ человѣческой мыслью и вѣрованіями.

Заключеніе Кавказской духовной консисторіи отъ 10 февраля 1898 г., цитированное выше, категорически устанавливаетъ на основаніи приводимыхъ въ немъ краткихъ историческихъ данныхъ, что баптизмъ и штундизмъ одно и то же, при этомъ консисторія ссылается на извѣстный ей фактъ принятія русскими штундистами—баптизма. Между тѣмъ прилагаемая о Рождественскимъ исторія этого перехода не оставляетъ сомнѣнія, что почтенный авторъ все время отличаетъ штундизмъ отъ баптизма. Вотъ рядъ цитатъ, доказывающихъ это: „распространеніе баптизма среди штундистовъ шло на первыхъ порахъ довольно медленно... Среди Кіевскихъ штундистовъ шли толки о баптистахъ (1872 г.)...“

„Въ Таращанской тюрьмѣ происходили горячіе споры между заключенными штундистами по поводу обрядовой стороны въ дѣлѣ вѣры, вызванные распространяющимся среди Херсонскихъ штундистовъ—баптизмомъ“ ¹⁾.

„Среди Коссяковскихъ штундистовъ происходили (1874 г.) оживленные споры по поводу баптизма... перекрещиванія начались только съ 1876 г.“ ²⁾.

„Не избѣгли воздѣйствія и Херсонскіе штундисты. У нихъ также появились пресвитеры и обряды брака и погребенія, заимствованныя ими у баптистовъ“ ³⁾.

Въ рядѣ послѣдующихъ страницъ, говоря о вліяніи паш-

---

¹⁾ Южно-русскій штундизмъ 104—105.

²⁾ 1. с. стр. 106.

³⁾ 1. с. 109.

ковцевъ на штундистовъ и о стремленіи ихъ соединиться въ одно, что замедлило переходъ ихъ въ баптизмъ, о. Рождественскій останавливается на попыткахъ пашковцевъ объединить всѣхъ сектантовъ одинаковаго съ ними оттѣнка въ одно цѣлое. „Въ 1883 г. въ Петербургѣ состоялся съѣздъ представителей сектантскихъ общинъ“, говоритъ онъ ¹⁾, „попытка пашковцевъ хотя была и безуспѣшна въ смыслѣ объединенія сектантовъ, однако, она имѣла значеніе въ томъ отношеніи, что уяснились разности между штундистами, баптистами и пашковцами“ ²⁾, и заканчиваетъ свой историческій очеркъ о. Рождественскій указаніемъ: „Чаплинка въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губ. не потеряла своего значенія до настоящаго времени, хотя Яковомъ Ковалемъ, виднымъ вожакомъ Чаплинскихъ штундистовъ, и тяготея послѣдніе. Косяковка скорѣе баптистскій, чѣмъ штундистскій центръ“ ³⁾.

Наконецъ, разбирая „внутреннее ученіе“ ⁴⁾, авторъ прямо говоритъ: „дѣленіе сектантовъ не исчерпывается однако упомянутыми нами двумя фракціями, т. е. штундистами и баптистами“ ⁵⁾. Далѣе, рассматривая иные литературные труды, онъ говоритъ, что труды эти „могли бы представить значительный интересъ, если бы означенные авторы различали ученіе штундистовъ отъ ученія баптистовъ“ ⁶⁾, и предупреждаетъ, что опасно группировать ученіе штундистовъ по опредѣленной системѣ, „потому что при такомъ приѣмѣ получилось бы систематическое, изложенное ученіе, такого рода, котораго въ дѣйствительности не существуетъ,—получилось бы нѣчто искусственное, дѣланное“ ⁷⁾.

Въ теченіи слѣдующаго десятилѣтія по 1899 годъ завѣтъ

---

¹⁾ I. с. стр. 139.

²⁾ I. с. 143.

³⁾ I. с. 144.

⁴⁾ I. с. 177.

⁵⁾ I. с. 177.

⁶⁾ „На основаніи отмѣченныхъ нами на указанныхъ страницахъ фактовъ, прибавляетъ онъ, штундизмъ нельзя смѣшивать съ баптизмомъ“ I. с. 284.

⁷⁾ I. с. 191.

этотъ соблюдался въ литературѣ ¹⁾ и въ судебной практикѣ; на примѣръ, въ рѣшеніяхъ 1896 года № 38 по дѣлу Пурена и др. и 27 сентября 1897 года по дѣлу Александрова и Крючкова Правительствующій Сенатъ, постепенно построая идею расколо-сектантства путемъ отождествленія понятій ереси и раскола, указавъ, что русскій баптизмъ ²⁾, а слѣдовательно и совращеніе въ него могутъ быть разсматриваемы какъ совращеніе въ иное христіанское исповѣданіе (д. Пурена), и заключилъ, что баптизмъ не можетъ быть отождествленъ со штундизмомъ (д. Александрова и Крючкова).

Такой же взглядъ поддерживаетъ въ статьѣ: „Можно ли штундизмъ отождествлять, съ баптизмомъ?“ П. Казитскій ³⁾. Онъ подробно разбираетъ данныя исторіи, литературы и догматики по этому вопросу и указываетъ, ссылаясь также на брошюру Хр. Б. Корчинскаго (гл. I „Кіевская секта“ штундизмъ или баптизмъ?), что штундизмъ—секта далеко не тождественная съ баптизмомъ, и что смѣшивать обѣ секты при нѣкоторыхъ общихъ признакахъ обще-протестантскаго ихъ характера—нѣтъ никакого основанія; при этомъ онъ указываетъ, съ одной стороны, на то, что вожаки штундистовъ, напр., Павловъ, въ 1899 г. въ м. Богуславъ, центрѣ штундизма въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., надуумилъ ихъ называться баптистами, чтобы, ставъ подъ защиту закона 1879 г., уклониться отъ положенія Комитета Министровъ 1894 г. Здѣсь же онъ приводитъ примѣръ, процессъ 53 штундистовъ, имѣвшій мѣсто 9 ноября 1899 г. въ Кіевскомъ сѣздѣ мировыхъ судей; въ этомъ дѣлѣ выступилъ въ качествѣ эксперта чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовъ, который „изобличилъ“ сектантовъ „отнеся ихъ къ штундо-баптистамъ и доказывая, что къ нимъ долженъ быть примѣненъ законъ 1894 г. Анали-

---

¹⁾ Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ, духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ. П. П. Оболенскій 1898 г. и „Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его“ мисс. священника Іоанна Недзвѣльницкаго 1899 г.

²⁾ Баптисты изъ православныхъ.

³⁾ Мисс. Обзор. февраль, 1900 г. стр. 196—206.

зируя этотъ новый терминъ, г. П. Казитскій указываетъ, что впервые ввелъ въ употребленіе терминъ штундо-баптизмъ протоіерей П. Лебединцевъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1885 года, № 3, стр. 490—518, статья „Штунда или баптизмъ въ Кіевской губерніи“. Указаніе это чрезвычайно важно, такъ какъ выясняетъ, что о. Рождественскій, отдѣлявшій штунду отъ баптизма, уже считался съ примѣрами смѣшенія этого въ литературѣ. Упомянутый выше завѣтъ о. Рождественскаго по этому поводу не былъ однако соблюденъ до конца, и второй Всероссійскій Сѣздъ 1891 г. далъ штундѣ названіе штундо-баптизмъ. На совершенно справедливую критику этого искусственнаго понятія со стороны П. Казитскаго отвѣчаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ отъ лица редакціи В. М. Скворцовъ, указывающій, что въ „наукѣ сектовѣдѣнія“ названіе штундо-баптизмъ установилось не за всей вообще штундою, а только за тѣмъ толкомъ, который заимствовалъ у баптизма обряды воднаго въ рѣкѣ крещенія взрослыхъ и чаши (преломленія), но что есть и другая фракція, младо-штундизмъ, который К. М. Скворцовъ предлагаетъ не безъ основанія правильнѣе называть „старо-штундизмомъ“—это собственно духовная штунда, которая, въ отличіе отъ баптизма и штундо-баптизма, отвергаетъ водное крещеніе и преломленіе, а также всякую іерархію.

Третій Всероссійскій Миссіонерскій Сѣздъ пошелъ еще далѣе и пришелъ къ заключенію, что и пашковскій символъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Косяковскаго толка штунды, иначе называемаго старо-штундизмомъ или штундо-баптизмомъ, что вообще обрядовая разница между ними ничтожна, что съ отрицательной стороны вѣроученія и пашковщина, и штундо-баптизмъ, и духовная штунда, въ сущности, въ номенклатурѣ сеетъ должны подойти подъ одно общее названіе—штунды, указанной въ законѣ 1894 г. въ качествѣ особо вредной и неимѣющей права богомоленныхъ собраній ¹⁾).

Этотъ кажущійся *порядокъ* можетъ вызвать въ судебной

---

¹⁾ Дѣяніе 141 и 143.

практикѣ, если бы такая экспертиза вошла въ обычай, цѣлый рядъ несправедливостей и даже злоупотребленій: уже не говоря о громадной вѣроятности того, что такъ называемый штундо-баптизмъ на самомъ дѣлѣ—искусственная формула, которую слѣдуетъ понимать какъ *криминальное* названіе бывшихъ штундистовъ, ставшихъ баптистами, этимъ вводится опасный принципъ—путемъ прибавленія слова штундо—къ папковщинѣ, къ баптизму и т. д., подводить подъ законъ 1894 г. секты, которыхъ законъ этотъ въ виду не имѣлъ. Почва для этого, вслѣдъ за рѣшеніемъ съѣзда, выравнивается В. М. Свворцовымъ чрезвычайно опредѣленно, хотя и мимоходомъ въ подстрочномъ примѣчаніи ¹⁾, гдѣ онъ указываетъ на „вредъ отъ неточности редакціи закона 1894 г., требующаго разъясненія, какіе подъ штундою разумѣются *толки* ²⁾ этой секты, на которые должно распространяться дѣйствіе упомянутаго закона“. Здѣсь кстати вспомнить приведенный выше случай закрытія моленной донского толка, чтобы ни минуты не сомнѣваться въ опасности для правосудія отъ такой ясно обозначившейся тенденціи духовной экспертизы, отъ которой, поэтому, я еще разъ самымъ настойчивымъ образомъ рекомендовалъ бы отстраняться въ судебныхъ дѣлахъ.

Возникновеніе малеванщины, особенно въ послѣднихъ ея стадіяхъ, относится къ позднѣйшему времени ³⁾, и въ этомъ смыслѣ ознакомленіе съ нею отрываетъ намъ рядъ примѣровъ того, какъ быстро на русской почвѣ назрѣваютъ да и перерождаются новыя секты и какъ, слѣдовательно, онѣ трудно уловимы для экспертовъ и суда.

Секта малеванцевъ настолько далеко отходитъ отъ штунды вообще, что рядомъ даже съ обрядовой духовной штундой, всетаки признающей Бого-человѣчество, она въ сущности представляетъ въ своемъ ученіи вполнѣ атеистическую систему; сектанты эти уже не признаютъ воскресенія мертвыхъ, ученіе вѣры живетъ въ тѣлесномъ храмѣ человѣка, и воскре-

---

¹⁾ Мисс. Обзор. февраль 1900 г. стр. 200.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Начало пропаганды Кондратія Малеванова 90—92 годъ.

сеніе послѣдняго происходитъ при жизни его, происходитъ въ духѣ. Всѣ они бого-человѣки, въ качествѣ воскресшихъ при жизни. Преломите себя здѣсь, говорятъ они; только тотъ цѣпляется за небо, кто не хочетъ на землѣ трудиться. Въ потопѣ грѣховъ пролился не дождь, а гнѣвъ Божій, и въ грѣхахъ потонула правда. Ноевъ ковчегъ, это слово любви, раскрывающее камни грѣха, и когда всѣ эти камни съ гробовъ подымутся, наступитъ Царствіе Божіе, здѣсь на землѣ достигаемое чрезъ страданіе и самоограниченіе.

Земные законы нужны людямъ, какъ звѣрямъ клѣтки, но это для неразумныхъ, а у обновленныхъ замѣнить ихъ внутренній законъ: „мы все знаемъ“, говорятъ малеванцы. Отсюда у нихъ паденіе вкуса къ просвѣщенію. Отвергая безсмертіе, они отвергаютъ душу, сравнивая себя съ деревомъ, листьями и корнями, и какъ листья и корни зарождаютъ сѣмена, такъ содѣйствіе прозелитизма, въ смыслѣ распространенія секты, и есть безсмертіе здѣсь же на землѣ. „Почему слезы? спрашиваютъ они, если все хорошо“ — и отвѣчаютъ: „оттого, что царствіе Божіе настало, а воли славить еще нѣтъ“. Они молятся въ любой день и въ любой хатѣ; у нихъ всегда воскресенье, они воскресли; но сосѣдей ради они подгоняютъ свои торжества къ праздникамъ сосѣдей. Жена—помощница и передается мужу въ присутствіи шести членовъ послѣ оглашенія брака ¹⁾.

Вотъ краткій въ хронологическомъ порядкѣ очеркъ новыхъ сектъ, свѣдѣнія о которыхъ дошли до Св. Синода въ періодѣ съ 1864 по 1872 годъ.

Въ селѣ Березовѣ Саратовской губ. въ 64 г. появи-

---

¹⁾ Не вдаваясь далѣе въ изложеніе вѣроученія, какъ приведеннаго изъ личныхъ разспросовъ изслѣдователей, я прибавлю, что въ позднѣйшей стадіи малеванцы объявляютъ себя сынами Божими, и что главарь секты Кондратій Малевановъ, въ качествѣ одержимаго религиознымъ помѣшательствомъ (*raganoia religiosa*), содержится въ Казанской психіатрической лечебницѣ и именуется себя Христомъ Спасителемъ, а своего товарища по ученію и заключенію Степана Чекмарева—Иоанномъ Крестителемъ; здѣсь посѣтили ихъ члены III мисс. всер. сѣзда 2 Августа 97 г., пили съ ними чай и вели бесѣду, въ которой „оба іерарха“ весьма охотно излагали свои доктрины и отвѣчали на возраженія членовъ сѣзда (Дѣян. стр. 81).

лась новая секта подъ названіемъ людей Божіихъ, занесенная сюда изъ Закавказскаго края крестьяниномъ Авдѣевымъ.

Эта секта признавала нисшествіе Св. Духа на достойныхъ или непосредственно, или черезъ дуновеніе одного изъ удостоившихся; хожденіе взадъ и впередъ, прыганіе, дрожаніе тѣломъ, топаніе, маханіе руками, глаголаніе разными языками, ожиданіе скорой кончины міра—это главные признаки секты.

Въ 1865 г. въ д. Телемисъ Саратовской губ., какъ донесло полицейское управленіе Саратовской духовной консисторіи, 124 человекъ, подъ предводительствомъ мѣщанина Данилова, уклонились въ расколъ неизвѣстной секты, перекрестились въ какомъ-то болотѣ, причемъ старшіе угрозами и побоями принудили къ тому младшихъ, затѣмъ, какъ сообщаетъ управленіе, они новорожденныхъ младенцевъ крестятъ сами, умершихъ погребаютъ неизвѣстно гдѣ, христіанскую религію хулятъ публично, церковь провлиняютъ, святыхъ иконъ не почитаютъ, себя именуютъ *святыми младенцами*.

Въ январѣ 1865 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ синодальному оберъ-прокурору, что въ Бердянскомъ уѣздѣ, среди Молоканскихъ жителей обнаружилась ересь, послѣдователи коей называются *прыгунками*, что эти сектанты устроили свои собранія или молебни въ домахъ. Сектанты „прыгунки“, въ числѣ 100 чел., своимъ изуверствомъ и фанатизмомъ поставили себя во враждебное отношеніе къ своимъ сосѣдямъ молоканамъ и возбудили со стороны послѣднихъ преслѣдованіе, а потому, считая себя обиженными и угнетенными, сами прыгунки обратились къ мѣстной власти для огражденія ихъ правъ и свободы ихъ вѣрованія (sic!).

Въ 1865 же году распространилось въ с. Покурлей Саратовской губ. особое лжеученіе мѣщанина Михаила Галахова, состоявшее въ слѣдующемъ: Галаховъ не допускалъ таинствъ крещенія и брака, въ томъ предубѣжденіи, что нынѣ въ православной церкви нѣтъ истиннаго священства и нѣтъ благодати. Галаховъ считалъ достаточнымъ простое сожитіе, отвергалъ страшный судъ, объявлялъ святыне храмы „сараями, гдѣ не подобаетъ ни моленій чинить, ни таинствъ принимать“.

Въ д. Петровѣ, той же Саратовской губ., какъ доносили Св. Синоду епископъ Саратовскій, въ январѣ 1866 г. крестьянинъ Семеновъ, бывъ православнымъ, объявилъ себя раскольниковомъ и, называя свою вѣру *численниковою*, сталъ праздновать воскресенье въ среду, почему въ 1864 г. разговлялся въ среду на страстной недѣлѣ, а въ 1865 г. въ среду на Пасхальной недѣлѣ.

Изъ донесеній благочиннаго оказалось, что секта Семенова выработалась изъ безпоповщинской, по случаю полученной, будто бы, съ неба книги, по которой и слѣдуетъ воскресенье праздновать въ среду, уменьшить число постныхъ дней, а великій постъ считать въ 40 дней ровно. Отъ этого секта получила названіе „численниковой“. По мнѣнію ея послѣдователей не должно пріобщаться св. таинствъ, а исповѣдываться можно всякому и притомъ ежедневно; равно и службу можетъ исправлять всякій; должно проповѣдывать пренебреженіе къ православнымъ, а въ особенности къ священству; безнравственность похваляется: не согрѣшишь, и не спасешься. Рѣшеніемъ Саратовской палаты уголовно-гражданскаго суда 24 апр. 1870 г. опредѣлено дѣло это, по обнаруженію въ уѣздѣ факта существованія численниковъ, производствомъ прекратить.

Въ 1866 г. Пермскій губернаторъ возбудилъ дѣло о распространеніи мѣщаниномъ Адрианомъ Пушкинымъ особой религіозной секты; сущность ученія Пушкина, какъ оказалось изъ его сочиненій, заключала въ себѣ „смѣсь разныхъ сектаторскихъ заблужденій, являвшихся уже прежде и подгрѣпляемыхъ ссылками на книги св. писанія, выбранными безъ связи и послѣдовательности, притомъ толкуемыми въ самопроизвольномъ смыслѣ“. Кромѣ религіознаго ученія своего, Пушкинъ вооружался словесно и письменно противъ распоряженій Правительства объ отмѣнѣ крѣпостнаго права“. Домогаясь отчужденія владѣльческихъ земель безъ соотвѣтственнаго вознагражденія помѣщиковъ, онъ представлялъ то въ Св. Синодъ, то къ Министру Императорскаго Двора, то въ Коммисію Прошеній, то къ Московскому губернскому начальству „разнаго рода сочиненія свои и картины, которыя,

по странности содержания, оставляемы были безъ послѣдствій“. Жена Пушкина раздѣляла его мнѣнія, а такъ какъ и въ простомъ народѣ данной мѣстности, „жители которой не отличаются чистотою и твердостью религіозныхъ убѣжденій“, почему всякая идея „подходящая къ раскольническимъ ученіямъ“, нашла бы почву, говоритъ комитетъ, онъ не могъ не встрѣтить сочувствія, то совѣщательный комитетъ полагалъ необходимымъ „для пресѣченія Пушкину возможности къ распространенію его лжеученія, отправить его для вразумленія въ истинахъ вѣры въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей Россіи“. Положеніемъ Комитета Министровъ Пушкинъ былъ помѣщенъ въ Соловецкій монастырь подъ надзоръ и увѣщаніе настоятеля и братіи сего монастыря.

Первое, дошедшее до Св. Синода донесеніе о появленіи въ Одесскомъ уѣздѣ новой секты штунды, относится къ 1868 году и содержитъ уже извѣстныя намъ данныя ученія съ поясненіемъ, что „коммунистическое и фаталистическое начала“ секты заключаются въ томъ, что блага міра должны быть раздѣлены между всѣми поровну, вслѣдствіе чего между крестьянами распространяется мысль, что наступитъ земельный передѣлъ въ ихъ пользу. Несмотря на это, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ нашелъ самую дѣйствительною противъ распространенія этой секты мѣрою назначеніе въ мѣстности, зараженной штундою, способныхъ и благонамѣренныхъ священниковъ; хотя Преосвященный Херсонскій, въ виду разбросанности деревень признавалъ болѣе полезнымъ удаленіе главныхъ распространителей въ болѣе отдаленныя мѣстности, но это ходатайство было отклонено, и, вмѣсто гоненія, мы видимъ въ теченіи первыхъ лѣтъ распространеніе св. Евангелія между крестьянами и открытіе духовныхъ собесѣдованій при чтеніи слова Божія въ домахъ приходскихъ священниковъ. Всѣхъ дѣлъ о штундѣ съ 1868—1873 г. было возбуждено семь.

Штунда была записана подъ именемъ Братства Людей Божіихъ.

Въ 1868 г. крестьяне деревень Заборья и Бисарки Саранпульскаго у. отказались отъ платежа слѣдующихъ съ нихъ

денежныхъ сборовъ и почти всѣ перешли въ секту иконоборцевъ. Отправленные на мѣсто миссіонеры донесли консисторіи, что крестьяне выразили раскаяніе, за исключеніемъ 18 семействъ, что эти послѣднія остались въ ереси, которую точнѣе слѣдуетъ назвать *молоканско-духоборческой*.

Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, губернаторъ нарядилъ слѣдствіе, во время котораго произошли беспорядки, и до 200 чел. были заключены въ Саранульскій острогъ. По этому поводу епископъ Вятскій объяснялъ въ своемъ отношеніи Митрополиту С.-Петербургскому, что появившаяся въ Саранульскомъ у. секта—не просто расколъ, а ересь противоправительственная, что сектанты „неблагоговѣйно и злочеливо“ выражаются о священной Особѣ Государя Императора, оказываютъ сопротивленіе свѣтскимъ властямъ и что, только благодаря принятымъ со стороны духовныхъ лицъ мѣрамъ осторожности, благоразумія и кротости, крестьяне были убѣждены и стали расположены къ платежу выкупной суммы и теперь возвращены къ Святой Церкви.

Въ 1869 г. въ приходѣ села Верхней Мосоловки, Тамбовской губ., открылось лжеученіе Панова, который, выдавая себя за учителя, собиралъ послѣдователей на общее моленіе. Эти послѣдователи назывались „*трушавърами*, очищенными, оправданными, святыми и избранниками Божиими“, а прочихъ всѣхъ они называли бѣсами, дьяволами, окаянными, нечестивцами. Трофимъ Пановъ называлъ себя гласно Богомъ-Христомъ. Въ числѣ его учениковъ былъ и помѣщикъ Федоръ Обловъ съ женой; мѣры кротости не помогли сразу, и Обловъ съ женой за беспорядки въ церкви былъ подвергнутъ аресту въ тюремномъ замкѣ на двѣ недѣли.

Въ апрѣлѣ 1870 года преосвященный Оренбургскій сдѣлалъ сношеніе съ начальникомъ губерніи о появленіи въ г. Троицкѣ сектантовъ подъ названіемъ *плясуновъ*, которые, будучи тѣми же хлыстами, отличались только нѣкоторыми обрядами—что имѣли пророка и пророчицу; секта приобрѣла многихъ послѣдователей; преслѣдованія вызвали то, что явныя молитвенныя собранія прекратились, и плясуны стали скрывать свои дѣйствія.

Къ 1871 году духовныя власти обнаружили въ Царицынскомъ уѣздѣ молоканскую секту, „послѣдователи которой имѣли еще ту особенность, что отвергали бытіе Бога, не признавали никакой власти и вообще отличались противонаравственными, гнусными дѣйствіями, въ высшей степени вредными для церкви и правительства. При производствѣ слѣдствія Саратовская уголовная палата, „признавъ 4-хъ лицъ отпавшими изъ православія въ ересь, отвергающую бытіе Бога и правительства и неприемлющую брака, опредѣлила передать ихъ для вразумленія епархіальному начальству“. Затѣмъ, Воронина съ женой и Миронову, какъ состоявшихъ въ расколѣ, не преслѣдовать, мѣщанина Лобова, обвиняемаго въ распространеніи этой ереси, оставить въ сильномъ подозрѣніи и отдать на поруки; за нимъ былъ учрежденъ надзоръ. Этимъ закончилась переписка.

Въ февралѣ 1871 года калужскій губернаторъ представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, что въ концѣ 1870 года возникла въ Калугѣ секта „воздыханцевъ“, распространяемая башмачникомъ Тихановымъ. Оказалось, что Тихановъ отвергаетъ почитаніе иконъ, таинство и церковную іерархію, приписывая антихристу введеніе всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Спасеніе заключается, по его ученію, въ чтеніи толковыхъ— евангелія, апостола, псалтыря и др.—книгъ и въ „воздыханіи“ собиравшихся въ числѣ до 50 чел. сектантовъ. Здѣсь устанавливалась смѣсь секты духоборцевъ съ примѣсю старообрядчества (старыя книги и антихристъ). На запросъ судебного слѣдователя чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Св. Синодъ призналъ, что въ ученіи воздыханцевъ, подъ видомъ духовнаго христіанства, проводится въ простой народъ полнѣйшій *материализмъ*, отвергающій всѣ религіозныя учрежденія, внушающій безграничную свободу мнѣній и дѣйствій; имѣя же въ виду, что „воздыханцы“ не только отвергаютъ таинство церкви, но и кощунственно порицаютъ ихъ, Св. Синодъ нашель, что секту воздыханцевъ слѣдуетъ признавать особенно вредною въ религіозномъ и гражданственномъ отношеніи.

Въ 1872 г. въ трехъ приходахъ Псковскаго уѣзда, мо-

лодежь, преимущественно дѣвушки, стала устраивать сборища (общество избранной братіи). Здѣсь проповѣдывалась близость кончины міра, необходимость отреченія отъ всего мірскаго, строгій постъ, и совершались нѣкоторые суевѣрные обряды. Виновниками этого движенія были: іеромонахъ Серафимъ и соборный послушникъ Никифоровъ. Изъ нихъ первый выдавалъ себя за проповѣдника, посланнаго Богомъ въ міръ съ проповѣдью о покаяніи предъ наступающею кончиною міра. Серафимъ былъ заключенъ въ Соловецкій монастырь, а для избранной братіи и прихожанъ были отперты приходскими священниками воскресныя и праздничныя собранія и устроены чтенія по закону Божію между утреней и обѣдней съ объясненіемъ молитвъ „удобопонятнымъ для народа языкомъ“.

Въ 1872 г. прокуроръ Тульского окружнаго суда сообщилъ духовной консисторіи о появленіи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ новой секты подъ названіемъ „Тамбовская вѣра“. Секта эта имѣла много сходнаго со скопчествомъ, а также, по словамъ сообщенія, „во многомъ противна христіанскому ученію“. Независимо отъ начатія слѣдствія по этому предмету, былъ составленъ комитетъ для постоянныхъ увѣщаній раскольниковъ и сектантовъ въ Бѣлевѣ и Бѣлевскомъ уѣздѣ, по причинѣ раскола и распространенія тамъ разныхъ сектъ; появленіе послѣднихъ было приписано нерадѣнію мѣстнаго священника, и ему было предложено въ теченіи полугода отыскать себѣ другое мѣсто въ уѣздахъ, свободныхъ отъ раскола.

Начатое слѣдствіе было прекращено Московской судебной палатой.

Ближайшій пока выводъ изъ приведенныхъ примѣровъ — очевидная невозможность для экспертовъ по всей Россіи услѣдить за этимъ живымъ, постоянно вновь нарождающимся, крайне расплывчатымъ матеріаломъ въ такой степени, какъ это необходимо по характеру судебной дѣятельности.

Заканчивая ученіе объ экспертизѣ, я считаю умѣстнымъ, для опредѣленія ея главныхъ основаній и цѣли, повторить тезисъ Пр. Сената, установленный имъ въ рѣш. № 34 за 1895 г.: „отвѣтственность за самое исповѣданіе извѣстнаго религіознаго ученія имѣетъ своимъ основаніемъ лишь *жизненное про-*

явленіе секты, учиненіе ея послѣдователями *дѣйствій несовмѣстныхъ съ охраняемыми государственною властью важнѣйшими интересами частныхъ лицъ или основными требованіями общественной нравственности*¹⁾. Тѣмъ болѣе примѣнимо это руководящее правило къ случаямъ совращенія въ смыслѣ довазыванія такихъ *дѣйствій* со стороны какъ совратителей, такъ и со стороны совращенныхъ. Для оцѣнки такого характера дѣйствій, очевидно, не нуженъ духовный экспертъ; указаніе же, которое могъ бы сдѣлать богословъ и догматикъ, что дѣйствія эти вытекаютъ или не вытекаютъ въ данномъ случаѣ изъ догматическаго ученія, — настолько второстепенно съ юридической точки зрѣнія, какъ относящееся къ мотиву, что только ради этой цѣли для правосудія слишкомъ невыгодно вводить одновременно съ духовной экспертизой слишкомъ вѣроятную, какъ показываетъ практика, запутанность въ изслѣдованіе, а, можетъ быть, и допускать вторженіе въ судебное дѣло пристрастія, свойственнаго антисектантской экспертизѣ, какъ обвиняющей сторонѣ въ сектантскихъ дѣлахъ.

---

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Законодательство и судебныя рѣшенія.

Ставя въ заголовкѣ терминъ *законодательство* и приступая въ то же время къ изслѣдованію вопроса о сектахъ болѣе вредныхъ и менѣе вредныхъ съ точки зрѣнія не только минувшаго, нынѣшняго, но и будущаго положительнаго права, — я на первый взглядъ смѣшиваю двѣ области, имѣющія между собой мало общаго, ибо терминъ „особо вредныя секты“, о которомъ я веду рѣчь, уже исчезъ изъ нашего Уложенія. Но *tempora mutantur*, и терминъ этотъ грозитъ воскреснуть ¹⁾. Было время, когда въ литературѣ различали даже законъ и указъ, въ настоящее время приходится встрѣчаться съ тѣмъ, что административное распоряженіе, дополняя законъ (*sic*), можетъ, смотря по признанной администраціей надобности, расширять область его примѣненія, не только ограничивая гражданскія права отдѣльныхъ лицъ и группъ, но и распространяя дѣйствіе уголовного закона далеко за предѣлы его.

Именно это случилось со старой законодательной формулой объ особо вредныхъ и менѣе вредныхъ сектахъ. Разсуждая въ періодъ созданія закона 3 мая 1883 г. о дарованіи раскольникамъ права богомоленія и др., Государственный Совѣтъ, какъ значитсѣ въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, призналъ, что было бы осторожнѣе не вводить признаковъ таковаго дѣ-

---

¹⁾ Въ сущности онъ и не умиралъ, а притаился.

ленія секты въ законъ, почему въ новой редакціи ст. 197 ул. о нак. (отъ 1 мая 1884 г.) не встрѣчается уже прежнихъ выраженій „послѣдователи секты, именуемые духоборцами, иконоборцами, молоканами, іудействующими, а равно и др., принадлежащіе къ ересямъ, которыя установленнымъ для сего порядкомъ признаны или впослѣдствіи будутъ признаны особенно вредными“.

Вся эта длинная статья замѣнена короткимъ текстомъ: „скопцы, за распространеніе своей ереси и за совращеніе въ оную другихъ, подвергаются“. Устанавливая такой текстъ, Департаменты признали, что „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не преминетъ сообразовать дѣлаемые имъ относительно раскола распоряженія съ мнѣніемъ *Св. Синода* о большей или меньшей вредности той или другой секты въ отдѣльности“. Результатомъ предоставленія такого права, оставшагося не опубликованнымъ, былъ періодъ броженія въ сектантскихъ дѣлахъ, такъ какъ въ теченіи 10 лѣтъ не было оглашено въ законодательномъ порядкѣ, какія секты, кромѣ скопцовъ, признаны особо вредными, и практика прислушивалась къ разнымъ циркулярамъ. Комитетъ Министровъ, обсуждая это положеніе по вопросу о штундѣ, предоставилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ *оберъ-прокуроромъ Св. Синода*, объявить секту штундистовъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраний. Такой порядокъ, разумѣется, не можетъ быть названъ административнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ это положеніе Комитета Министровъ было 4 Юля 1894 г. Высочайше утверждено и потому составляетъ законъ, но такъ какъ порядокъ законодательный въ смыслѣ основныхъ законовъ (ст. 50) соблюденъ не былъ, т. е. не было разсужденій въ Государственномъ Совѣтѣ о мотивахъ новаго закона, то, очевидно, дальнѣйшее проектированіе новыхъ ограниченій правъ сектантовъ, путемъ установленія вредности секты, можетъ отнынѣ идти тѣмъ же особеннымъ административнымъ порядкомъ мимо Государственнаго Совѣта. Вотъ почему, говоря по существу *de lege ferenda*, мнѣ приходится быть особенно осторожнымъ въ подборѣ матеріала и въ заключеніяхъ, такъ

какъ работа моя въ этой части ея является собираніемъ данныхъ не для юристовъ, а для администраціи, въ ея предстоящей законодательной дѣятельности.

Эпитетъ „особо вредныя“, въ приложеніи къ разнымъ сектамъ, неоднократно встрѣчался во всемъ предыдущемъ изложеніи въ примѣненіи къ разнымъ расколо-сектантскимъ ученіямъ, какъ къ большимъ фракціямъ въ смыслѣ ихъ распространенія и извѣстности, такъ и къ небольшимъ въ той или другой мѣрѣ, къ существующимъ или уже несуществующимъ изъ числа тѣхъ новыхъ, напримѣръ, о которыхъ я говорилъ въ концѣ предыдущей главы.

Прежде чѣмъ оцѣнивать приложимость этого эпитета въ каждомъ данномъ случаѣ, необходимо конструировать самое понятіе—особой вредности сектъ, для этого необходимо взглянуть въ исторію этого института.

9 декабря 1842 г. генераль-адъютантъ графъ Протасовъ, въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода, въ отвѣтъ на запросъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ ¹⁾, что по соображеніямъ Св. Синода надо различать три степени: I. секты вреднѣйшія. II. Секты вредныя. III. Секты менѣе вредныя. Къ третьему разряду былъ отнесенъ расколъ поповщина по тому основанію, что „болѣе церковнаго сохраняетъ и болѣе представляетъ надежды къ обращенію“. Этотъ принципъ остался живъ до сего дня, какъ мы увидимъ ниже.

Къ сектамъ вреднымъ были отнесены тѣ изъ безпоповщины, которыя принимаютъ бракъ (новожены) и не отрекаются молиться за царя. Вредны онѣ потому, что отвергаютъ священство и Таинство Евхаристіи и, подчиняясь вліянію безпоповщины, отличаются демократическимъ духомъ вообще. Въ этомъ послѣднемъ выраженіи ясно звучитъ *общественный* и *политическій* элементъ вредности.

Эти два элемента, встрѣчаясь во вреднѣйшихъ сектахъ, то одинъ, то другой, или оба вмѣстѣ съ догматическимъ поврежденіемъ православія, обусловливаютъ, по мнѣнію гр.

---

¹⁾ Собр. пост. по части раскола 318 стр.

Протасова, принадлежность къ вреднѣйшимъ сектамъ іудействующихъ, молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцовъ и тѣхъ беспоповщинскихъ сектъ, которыя отвергаютъ бракъ и молитву за царя, пишутъ и произносятъ хулы на Церковь и Таинства, всякую власть почитаютъ антихрисловою.

Въ то время, какъ политически, въ тѣсномъ смыслѣ слова, вредными признаются молокане, духоборцы и беспоповцы, остальные вредны съ точки зрѣнія общественной. При этомъ особнякомъ стоятъ іудействующіе, какъ враждебные не только православію, но и всему христіанству.

При пересмотрѣ постановленій о раскольникахъ въ Особомъ временномъ комитетѣ по дѣламъ о раскольникахъ, учрежденномъ 6 февраля 1864 г. подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, былъ Высочайше утвержденъ 16 августа 1864 г. общій журналъ этого комитета съ нѣкоторыми добавленіями, причемъ окончательныя заключенія комитета по интересующему насъ вопросу позволяютъ сдѣлать изъ нихъ слѣдующіе выводы:

Не надо забывать, что мы вступаемъ въ періодъ, когда уже была признана необходимость упорядоченія, хотя бы съ гражданской точки зрѣнія, семейной и общественной жизни раскольниковъ.

Срочность или временность супружескихъ союзовъ или самокрутка, очевидно, только по недоразумѣнію остаются въ этомъ положеніи комитета признакомъ *вредныхъ* сектъ; здѣсь встаетъ упомянуть, что разрядъ *вреднѣйшихъ* съ этого момента уже навсегда исчезаетъ изъ законодательства.

Если оставить въ сторонѣ оговоренный признакъ о бракахъ, постепенно узаконяемыхъ съ гражданской точки зрѣнія, то изъ понятія вредности сектантской также совершенно исчезаетъ вредъ общественный; политическій же остается только въ формѣ: 1) непризнаванія власти богопоставленною, т. е. въ сущности, — остается какъ поврежденіе догмата, и 2) въ видѣ слѣдствія предыдущаго, а именно въ видѣ отказа молиться за царя; такъ какъ, очевидно, молитва подневольной быть не можетъ, то и это указывается, какъ поврежденіе догмата, а не какъ политическій вредъ.

Итакъ, въ этихъ заключеніяхъ комитета вредныя секты характеризуются уже только, какъ повреждающія догматическое ученіе православія, а именно: отрицаніе пришествія Иисуса Христа, отрицаніе Таинствъ, допущеніе челоуѣкообожанія и оскотленія. Одинъ этотъ очеркъ показываетъ, что съ исторической точки зрѣнія разсмотрѣнное новое дѣленіе сектъ является несомнѣнно прогрессомъ, такъ какъ отсюда, за исчезновеніемъ, въ сущности, политическаго элемента—одинъ шагъ до уничтоженія разницы между особо вредными и невредными сектами. Шагъ этотъ долженъ неминуемо быть сдѣланъ въ моментъ признанія свободы совѣсти въ формѣ свободы вѣроисповѣданія, такъ какъ стѣсненіе и преслѣдованіе сторонниковъ болѣе вредныхъ сектъ, только изъ за догматическаго разногласія съ момента признанія названныхъ принциповъ, должно сразу прекратиться,—и наоборотъ: если въ будущемъ, какъ мы это отчасти уже предвѣдуемъ въ настоящее время въ законѣ 1894 года и въ заключеніяхъ 2-го и 3-го миссіонерскихъ сѣздовъ,—будетъ вводиться, въ качествѣ признака особо вреднаго, вредъ общественный и политическій—то это будетъ очевиднымъ возвращеніемъ къ конструкціи 1842 г., ergo регрессомъ. Разсмотримъ же заключеніе сѣздовъ съ этой точки зрѣнія.

2-й сѣздъ, собравшійся въ Москвѣ лѣтомъ 1891 г., предшествовалъ закону 1894 г. 3-й сѣздъ, собравшійся лѣтомъ 1897 г. въ Рязани, слѣдовалъ за нимъ. Энергія заключеній обоихъ сѣздовъ и характеръ ихъ въ прямой связи съ этимъ.

Въ то время какъ 2-й сѣздъ ¹⁾, излагая ученія Федосѣевской секты и странниковъ, а также мистическихъ сектъ, (скопчества) и рационалистическихъ: молоканства, духоборства и штунды, признаетъ ихъ болѣе вредными, онъ въ то-же время только въ общихъ чертахъ касается собственно догматики и чрезвычайно подробно разрабатываетъ политическій и общественный вредъ сектъ ²⁾, останавливаясь на деталяхъ болѣе,

---

¹⁾ Дѣянія. 341, 342, 343, 352, 353.

²⁾ Дѣянія. 113, 114, 198, 124, 203, 205, 210, 187, 171, 182, 353.

чѣмъ на общихъ формулахъ; такъ, напримѣръ, отдѣльно характеризую жидовствующихъ, какъ тоже наиболѣе вредную секту, онъ указываетъ, что они не считаютъ себя подданными русскаго Царя, а плѣнниками, утрачиваютъ черты народности, заводятъ многоженство, давая просторъ чувственности. Та же система деталей по отношенію къ другимъ особо вреднымъ сектамъ выводитъ на справку, какъ послѣдствіе догматическихъ заблужденій, всякаго рода изувѣрство, кровосмѣшеніе, дѣтоубійство всѣхъ видовъ, сопротивленіе власти, отказъ отъ военной службы и податей; полагая даже, что все это фактически вѣрно, чрезвычайно ясно въ то-же время, что эти признаки особовредности, по меньшей мѣрѣ, совершенно излишни; дѣйствительно, рядъ названныхъ выше уголовныхъ преступленій и проступковъ карается нашимъ закономъ вполне достаточно, до крайне строгой 203 ст. включительно; каждая статья, въ сущности, представляетъ только заголовокъ ряда уголовныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ соответствующихъ мѣстахъ уложенія. Достойное лучшаго примѣненія постоянство закона и практики, преслѣдующихъ эти правонарушенія не просто, какъ преступленія, а какъ плоды расколосектантскихъ ученій, сдѣлало то, что ко времени 3-го съѣзда чрезвычайно усилилось озлобленное богохульство и, такъ сказать, жестокость сектантовъ, что мы видимъ въ еговистахъ—субботникахъ, дошедшихъ уже этимъ лѣтомъ до взрыва священника динамитомъ (рѣшеніе Казанской палаты); то-же озлобленіе наблюдается и въ штундѣ, какъ принято называть вообще пашковщину, баптизмъ и близкія къ нимъ секты; наконецъ, въ рядѣ новыхъ сектъ, имена которыхъ уже встрѣчаются въ трудахъ 3-го съѣзда, наблюдается ничто иное, какъ ухудшеніе, такъ сказать, прежнихъ сектъ—возникновеніе крайнихъ фракцій—мормоновъ въ молоканствѣ, духовныхъ скопцовъ въ скопчествѣ, возраждаются немояки и духоборцы, малеванцы въ крайней стадіи доходятъ до психіатрическихъ эксцессовъ, толстовцы, какъ характеризуетъ ихъ докладъ В. М. Сворцова, идя по пути безвѣрія, перерощаются жидовствующихъ въ смыслѣ крайняго отрицанія и въ качествѣ противохристіанскаго ученія.

Вотъ плоды сказавшагося уже регресса, вполне ясныя при конструированіи понятія особо вредныхъ сектъ.

Вся дѣятельность 3-го Съѣзда въ этомъ направленіи сводится къ тому, что прибавляя рядъ новыхъ сектъ къ сектамъ, рассмотрѣннымъ 2-мъ Съѣздомъ, третій Съѣздъ уже всѣмъ сектамъ приписываетъ признакъ особой вредности, причемъ только относительно нѣкоторыхъ, какъ, на примѣръ, объ адвентизмѣ и менонитствѣ ¹⁾, Съѣздъ варьируетъ свой приговоръ выраженіемъ, что онѣ вредны все таки настолько, что имъ надо запретить общественныя моленія.

Такъ какъ, само собой разумѣется, официальное признаніе особой вредности лишило бы и всѣ остальные секты этого права моленія, то общая формула 3-го Съѣзда, совершенно ясно поставленная, звучитъ такъ: *всѣмъ сектамъ, за исключеніемъ поповщинскаго раскола,—вреднаго, впрочемъ, въ смыслѣ публичнаго оказательства—(выдѣлено еще Спасово согласіе, какъ допускающее священниковъ), надлежитъ запретить общественное моленіе.*

Для государства и свѣтской власти такая формула въ практическомъ примѣненіи открывала бы перспективу борьбы—вооруженною рукою уже не съ одной штундой и не съ двенадцатью языгъ, а съ 666-ю (употребляя число звѣрино) сектами.

Это число не воображаемыхъ, а дѣйствительныхъ, искусственно создаваемыхъ, враговъ надо представить себѣ съ коэффиціентомъ, имя котораго—прозелитизмъ, ибо это свойство признано обоими съѣздами за всѣми особо вредными сектами и, естественно, свойственно всякой воюющей сторонѣ, сама ли она таковой стала или другими поставлена въ такое положеніе.

Отъ этой картины недопустимаго будущаго, потому что есть же *modus in rebus*, обратимся лѣтъ на 30 назадъ къ періоду разгара молоканской и духоборческой сектъ и посмотримъ на примѣрахъ, какъ встрѣчали тогда зарождавшіяся новыя секты со страшными кличками и безъ нихъ; для этого из-

---

¹⁾ Дѣянія ст. 154 и 171.

слѣдованія у насъ подъ рукою переданный въ концѣ прошлой главы рассказъ о возникавшихъ въ то время новыхъ сектахъ.

Мы помнимъ молоканскую секту съ „особенностями въ ученіи“,—эпизодъ, завершившійся болѣе чѣмъ снисходительнымъ приговоромъ Саратовской уголовной палаты. Это былъ періодъ дѣйствія Уложенія при старой даже редакціи 197 ст., съ готовымъ преслѣдованіемъ за совращеніе въ особо вредную секту, указаннымъ въ законѣ, и что же—двое обвиняемыхъ—оба совратителя оставлены въ подозрѣніи; Воронинъ съ женой и Миронова признаны уже состоявшими въ расколѣ, ихъ не трогаютъ; остальные, „отвергающіе бытіе Бога и правительства, не признающіе никакой власти“ переданы для вразумленія; переписка закончена.

Такое же терпимое отношеніе сказывается и по отношенію къ штундѣ въ 1868 г., и хотя относительно „братства друзей Божіихъ“ констатируются коммунистическое и фаталистическое начало, но еще нѣтъ рѣчи о признаніи ихъ особо вредными.

Наоборотъ, въ отношеніи власти къ сложной сектѣ „воздыханцевъ“ въ 1871 г., заключающей „признаки секты духоборцевъ со слабой примѣсью раскола—старообрядчества“, уже тогда выдвигается, рядомъ съ вразумленіемъ отпавшихъ, указаніе на полнѣйшій матеріализмъ въ севтантахъ и на особую вредность секты. Не этому ли обязаны мы тѣмъ, что духоборческая эпопея пережита нами раньше штундистской? Недаромъ генераль-адъютантъ Тимашевъ по дѣлу о раскольничьихъ часовняхъ въ Остзейскомъ краѣ, тянувшемуся съ 1865 г. по 1874 г., отношеніемъ отъ 24 марта 1874 г. по поводу дознанія капитана Ремера, сочувственно передавалъ Св. Синоду мнѣніе начальника края, ген.-лейтенанта кн. Багратіона и бывшего генераль-губернатора Альбединскаго; эти мнѣнія сводились къ тому, что „закрытіе въ Дерптскомъ у. раскольническихъ моленныхъ можетъ быть мѣрою весьма вредною для существеннѣйшихъ видовъ правительства въ краѣ .... Что репрессивныя мѣры противъ религіозной свободы дерптскихъ раскольниковъ могутъ повести не только къ возбужденію религіознаго фанатизма, но и породить въ ихъ средѣ недо-

вольствіе противъ установленныхъ властей, которое не проявлялось въ настоящее время, благодаря лишь религиозной терпимости въ нимъ мѣстной администраціи“.

Въ виду этихъ данныхъ Св. Синодъ опредѣленіемъ ^{24 февраля}_{9 апрѣля} 1874 г. предоставилъ оберъ-прокурору сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, что дальнѣйшее распоряженіе относительно этихъ часовенъ не подлежитъ вѣдѣнію духовнаго начальства.

Другіе два изъ приведенныхъ выше случаевъ, о ереси Пушкина и о малоканахъ въ Сарapulьскомъ у. (молоканско-духоборческая), не имѣли серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ, несмотря на донесеніе Вятскаго преосвященнаго объ молоканской „противуправительствующей ереси“, все ограничилось угрозами; здѣсь рѣчь шла о выкупныхъ платежахъ, такъ что можно думать, что догматическіе мотивы особенной роли не играли, точно также, какъ въ дѣлѣ мѣщанина Пушкина, въ которомъ скорѣе можно предполагать фанатика освобожденія крестьянъ безъ платежа выкупа; онъ, впрочемъ, и не былъ судимъ, а отправленъ въ Соловецкій монастырь. Наконецъ, въ остальныхъ шести случаяхъ „святыхъ младенцевъ“, Голохова, отвергавшаго благодать и таинство православія (палата его оправдала), Семеновской численниковой вѣры (дѣло прекращено по отсутствію факта преступленія), трушавѣровъ— „избранниковъ Божіихъ“, наказанныхъ арестомъ за грубости, общества „избранной братіи“; (совратитель іеромонахъ Серафимъ заключенъ въ Соловецкій монастырь) „Тамбовской вѣры“ (слѣдствіе прекращено Московской судебной палатой)—все преслѣдованіе ограничилось ничтожными взысканіями ¹⁾ и вразумленіемъ виновныхъ въ соvrраченіи и въ отступленіи. И вотъ ни одна изъ этихъ сектъ, кромѣ штунды, имѣвшей свой мартирологъ въ послѣдующее время, не дожила до нашихъ дней.

Заканчивая очеркъ ученія особо вредныхъ сектъ, я укажу по вопросу объ антиправительственномъ направленіи штунды

---

¹⁾ Іеромонахъ Серафимъ, какъ духовное лицо, выступившее подстрекателемъ, очевидно, стоитъ внѣ счета.

на мнѣніе Рождественскаго, которой, основываясь на словахъ миссіонеровъ, говоритъ, что, отвергая существующій порядокъ соціально-политической жизни Россіи, штундисты *мечтаютъ* ¹⁾ о наступленіи новыхъ формъ жизни, что среди сектантовъ бродятъ идеи о свободѣ, равенствѣ и раздѣлѣ имущества.... Что въ ожиданіи будущихъ анабаптистовъ, царей и начальниковъ, такъ какъ штундо-анабаптистская братія еще малая сила противъ православныхъ, *необходимо стараться какъ можно исправнѣе* противъ православныхъ *платить подати и выполнять всѣ казенныя повинности*, чтобы въ виду этого не воспрещали бы отступать отъ православія и умножаться нашей братіи ²⁾.

Еще менѣе поводовъ для войны, если взглянуть въ тѣ письменныя и печатныя изложенія вѣроученій, которыя разсѣяны въ дѣлахъ о штундистахъ; эти изложенія исходятъ то отъ обвиняемыхъ, то отъ экспертовъ, и въ нихъ обыкновенно значится слѣдующее: „о гражданскомъ порядкѣ: вѣримъ, что правительство установлено Богомъ . . . . Мы признаемъ себя обязанными оказывать безусловное повиновеніе всѣмъ его законамъ, если только они не ограничиваютъ свободнаго исполненія и обязанности нашей христіанской вѣры, и тихою безмятежною жизнью во всякомъ благочестіи должны облегчать ему его трудную задачу. Мы признаемъ себя также обязанными по повелѣнію Божію молиться за властей и правительство. . . . Мы признаемъ, что клятва Всемогущимъ Богомъ воспрещена христіанамъ . . . . Можемъ произносить общаюся. Мы вѣримъ, что правительство и въ Новомъ Завѣтѣ не напрасно носить мечъ, но имѣетъ право и обязанность наказывать преступниковъ и употреблять мечъ противъ враговъ отечества, въ защиту подданныхъ его. А потому мы считаемъ себя обязанными, когда потребуетъ насъ къ тому начальство, нести повинности военной и гражданской службы“.

При разсмотрѣніи такихъ заявленій въ судахъ, духовные эксперты обыкновенно говорятъ, что это вѣроученіе бапти-

---

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Южно-русскій штундизмъ стр. 206—207. Курсивъ вездѣ мой.

стовъ ¹⁾, именемъ которыхъ штундисты прикрываются; подсудимые же и ихъ свидѣтели говорятъ, что это ученіе штундистовъ; послѣднее подтверждаютъ при разспросахъ нѣкоторые изслѣдователи, другіе же, отвергая самое существованіе штунды, утверждаютъ, что это ученіе баптистовъ, именуемыхъ штундистами послѣ закона 1894 г. ради его примѣненія.

Чтобы рѣшать такіе вопросы *in concreto* на почвѣ изслѣдованія религиозныхъ мнѣній лицъ, не проявившихъ себя въ поступкахъ, кромѣ моленій, общихъ всѣмъ сектантамъ, очевидно пришлось бы прибѣгнуть къ приемамъ инквизиціи.

Я полагаю, что такъ какъ въ этомъ направленіи современному юристу, не имѣющему ничего общаго съ забракованнымъ исторіею арсеналомъ ев. Германлады ²⁾, дѣлать нечего, то ему остается при основательномъ недовѣрїи къ экспертамъ ожидать поступковъ, а когда ихъ въ дѣлѣ нѣтъ, — не допускать замѣнъ ихъ рисованныхъ дедукцій изъ проблематической догматики духовной экспертизы.

Однимъ изъ благодѣтельныхъ послѣдствій такого образа дѣйствій будетъ то, что юридическая фивція, описанная въ циркулярѣ отъ 3 сентября 1894 г. за № 24 подъ именемъ штунды, перестанетъ, вторгаясь въ жизнь, смущать какъ духовную, такъ и судебную дѣятельность. Итакъ, желательно, чтобы въ сферѣ будущаго административнаго законодательства нашего времени не возражалось отжившее дѣленіе сектъ на болѣе или менѣе вредныя, ибо упорство въ этомъ направленіи, въ видѣ примѣненія закона 1894 г. путемъ распространительнаго толкованія или созданія ему законовъ эпигоновъ, было бы на самомъ дѣлѣ и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи вреднѣе всѣхъ вредныхъ сектъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Нѣтъ никакой возможности ограничить нашу экскурсію въ область законодательства разсмотрѣніемъ вопроса объ особливо вредныхъ сектахъ, такъ какъ корень недоразумѣнія, все бо-

---

¹⁾ Донского толка. Напомнимъ, что баптисты донского толка дѣйствительно подаютъ такія заявленія и что они частью уже обратились въ штундизмъ по мнѣнію мѣстной епархіальной власти.

²⁾ См. „Жатва“ С. Шарипова. Вып. 10 (т. IV) Москва, 1901, стр. 64.

лѣе и болѣе заполняющаго русскую жизнь въ дѣлѣ вѣры, гораздо глубже; нельзя, однако, не отмѣтить, что главные поводы къ неустройству, къ счастью, не въ основныхъ законахъ почему бѣдѣ гораздо легче помочь, чѣмъ на первый взглядъ кажется.

Статья 40 Основныхъ Законовъ гласить: первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская, Православная каѳолическая; статьи 44 и 45 даже говорятъ о полной свободѣ отправления вѣры и богослуженія для иновѣрцевъ до язычниковъ влючительно; слѣдовательно, религіозное приврѣпленіе личности, составляющее источникъ всѣхъ затрудненій, вовсе не такъ глубоко, чтобы относиться безнадежно къ будущему. Въ сущности только двѣ статьи—ст. 36 уст. пред. и пресѣч. прест. и 21 ст. уст. дух. конс. устанавливають у насъ крѣпость господствующему вѣроисповѣданію; смыслъ обѣихъ статей тотъ, что запрещается православнымъ, рожденнымъ или вступившимъ въ православіе, безразлично, отступить въ другую вѣру, хотя бы Христіанскую. Въ подобномъ случаѣ отступникъ подпадаетъ усмотрѣнію духовнаго начальства до вразумленія,—принимаются также мѣры къ охраненію дѣтей отступниковъ. Это создаетъ прежде всего своеобразное „преступное состояніе“ лица, ни въ какомъ преступленіи не обвиняемаго, это—состояніе невразумившагося лица, отпавшаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе или въ расколо-септанство, но безъ изувѣрства. Эти безъ вины виноватые по 162 ст. улож. даже не могутъ воспользоваться благодѣяніемъ давности; имъ закрытъ всякій другой выходъ, кромѣ возвращенія въ православіе; иначе, какъ принужденіемъ, очень долготерпѣливымъ, впрочемъ, такое отношеніе къ отступникамъ назвать нельзя.

Для лицъ, признающихъ свободу религіозной совѣсти, возможна только одна оцѣнка этого положенія; но если мы назовемъ такую обязанность не отступать отъ православія—обязанностью нравственной, ибо даже и законъ не рѣшается назвать ее юридической, такъ какъ не облагаетъ наказаніемъ, то и тогда мы получимъ нѣчто, не поддающееся юридическому анализу, т. е. невысказанное въ правовомъ государствѣ.

Если бы обязывать въ силу 106 ст. Хт. ч. 1 мужа любить свою жену, жить съ нею въ согласіи и т. д., и затѣять принуждать его къ этому внѣшними средствами, то одна попытка дѣлать это пала бы сама собой въ силу очевидной несостоятельности. Разумѣется,—есть выходъ. Можно ограничиваться требованіемъ исполненія обязанностей съ внѣшней стороны, но это дѣлу въ подобныхъ случаяхъ нисколько не помогаетъ: я могъ бы привести цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ это положеніе. По ст. 23 уст. о пред. и прес. прест., воскресные и т. д. дни посвящаются отдохновенію отъ трудовъ; кто бы могъ думать, что въ такой области возможно принужденіе? А между тѣмъ 1 іюня 1900 г. старшій стражникъ Давидюкъ, замѣтивъ что жители гмины Любенко (уніаты), не смотря на запрещеніе войта работать въ православные праздники, 29 мая въ день Св. Духа открыто производили домашнія работы, возбудилъ противъ нихъ преслѣдованіе по 29 ст. уст. о нак.; хотя одинъ изъ обвиненныхъ гминнымъ судомъ и писалъ въ сѣздъ, что нѣтъ закона, обязывающаго кого бы то ни было праздновать,—сѣздъ, однако, нашелъ возможнымъ тоже обвинить подсудимыхъ, и только Правительствующій Сенатъ зачеркнулъ эту каррикатурную исторію.

Здѣсь поучительны два вывода: 1) терминъ „законное требованіе“ въ 29 ст. очевидно нельзя понимать въ узкомъ смыслѣ обоснованія требованія какой-либо статьей, но объ этомъ рѣчь впереди. 2) Такія нравственныя обязанности, внесенныя въ законъ, обыкновенно сопровождаются, при попыткахъ осуществить ихъ принудительно, массою оговорокъ, такъ что и законъ и практика весьма скоро сводятъ ихъ къ нулю, какъ бы стираютъ ихъ со скрижалей закона, гдѣ имъ разумѣется не мѣсто. Такъ, напримѣръ, рядомъ стоящая съ 23 ст. 24 статья уст. о пред. и прес., запрещая *публичныя* работы въ праздникъ, уже исключаетъ изъ запрещенія не только чрезвычайныя, опасныя случаи, невыгодныя казнѣ или неудобныя для общества, напр., эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ и почту, но прямо зачеркиваетъ 23 ст. по отношенію ко всѣмъ вѣдомствамъ, уставы которыхъ „разрѣшаютъ праздничную работу“.

Я ужъ не говорю о цѣломъ рядѣ законовъ, относящихся къ фабрично-заводской промышленности, гдѣ рядомъ изъятій въ сущности введенъ совершенно другой принципъ, а въ томъ числѣ и соглашеніе съ рабочими. Такимъ образомъ, попытка превратить нравственную обязанность въ юридическую ведетъ къ противоположному результату—къ исчезновенію этой обязанности со страницъ закона, что во всякомъ случаѣ не полезное для самой нравственной обязанности явленіе.

Столь же неудобныя послѣдствія могутъ наступить и въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ задается цѣлью охранить чисто внѣшнимъ образомъ то, что такимъ путемъ охранено быть не можетъ; при этомъ обыкновенно случается, что вполне искренно поставленная цѣль, будучи очевидно недостижима, понемногу въ сознаніи населенія замѣняется другой, а эта въ свою очередь, будучи совсѣмъ инаго характера, порой ставитъ въ неловкое положеніе исполнителей закона, а слѣдовательно подрываетъ довѣріе къ послѣднему. Таковы, на примѣръ, перечисленные въ примѣчаніи къ 59 статьѣ устава о пред. и пресѣч. прест. дѣйствія, признаваемые публичнымъ оказательствомъ раскола, причемъ охраняются улицы и площади отъ соблазна пѣнія и процессій съ иконами, но такое же оказательство дозволяется на кладбищахъ, какъ извѣстно открытыхъ; 3 пунктъ 48 статьи того же устава запрещаетъ, напр., наружные колокола, дозволяя кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или молитвенное зданіе. Всѣ эти виды публичнаго оказательства, какъ явствуетъ изъ закона 1858 и 1864 г.г. и т. д., имѣютъ одну цѣль охранить православныхъ отъ соблазна; ясно, что такая постановка дѣла должна неминуемо приводить къ юридическимъ затрудненіямъ, несмотря на то, что *соблазнительное* оказательство повидимому очень точно опредѣлено; такъ, напр., въ 1901 г. въ Правительствующемъ Сенатѣ слушалось дѣло о томъ, что близъ раскольничьей моленной былъ вмѣсто колокола подвѣшенъ желѣзный рельсъ, звонъ котораго соблазнялъ, разумѣется, не православныхъ жителей, такъ какъ не являя никакой торжественности, но соблазнилъ мѣстное духовное и полицейское начальство: дѣло было проведено чрезъ 2 инстан-

ціи и кончилось ничѣмъ, если можно такъ назвать необходимость для полиціи, въ силу рѣшенія Сената, возвратить на свое мѣсто къ молельнѣ снятый ею релсъ.

То же случилось, какъ мы знаемъ, въ крупныхъ размѣрахъ вообще съ внутренней политикой по расколу, который законодательство и правитва до 1874 г. старались игнорировать, дабы не подавать повода православнымъ наблюдать картину скопленія отступниковъ въ городахъ и селахъ въ видѣ группъ, совсѣмъ оторвавшихся отъ церкви и не признающихъ подчиненія православному духовенству; мы видѣли въ подробномъ очеркѣ, что жизнь брала свое и, разумѣется, не безъ боя, но раскольники силою вещей нынѣ заняли положеніе государства въ государствѣ; такой успѣхъ, надо признаться, неизмѣримо соблазнительнѣе, чѣмъ спокойная терпимость въ вопросахъ совѣсти. Сюда же относится систематическое соблюденіе тайны въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего чрезвычайно важныя распоряженія оставались неизвѣстными населенію, какъ православному, такъ и сектантскому. Такому секретничанью неизбѣжно сопутствовали, что я выше показала на многочисленныхъ примѣрахъ, злоупотребленія мѣстныхъ властей; но главнымъ зломъ являлось распространеніе за все время существованія расколо-сектантства вздорныхъ слуховъ о сочувствіи правительства раскольникамъ-сектантамъ. Сюда, на примѣръ, относится обще-извѣстный фактъ, что одна изувѣрная секта считала Императора своимъ главой. Этотъ крупный и вредный соблазнъ причинилъ столько зла церкви и государству ¹⁾, что какъ бы въ укоръ свѣтской власти 2 миссіонерскій съѣздъ особымъ постановленіемъ призналъ полезнымъ и необходимымъ, чтобы административныя, циркулярныя и другія распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ, обращенныя къ органамъ мѣстныхъ властей, по вопросу о мѣрахъ и способахъ пресѣченія развитія сектантства въ той или другой мѣстности, не имѣли конфиденціального характера, а были оглашаемы къ свѣдѣнію мѣстнаго населенія,

---

¹⁾ Непостижимымъ образомъ секретность этихъ распоряженій держится до сихъ поръ.

и чтобы органы мѣстной свѣтской власти, дѣлая распоряженія, „объясняли отпадшимъ, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ народа, существующіе законы о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви“, приэтомъ „было бы полезно, по мнѣнію съѣзда, издать особое извлеченіе изъ сихъ законовъ и вывѣшивать его въ мѣстахъ проявленія сектантства при волостныхъ правленіяхъ въ сельскихъ управахъ и въ городахъ при полицейскихъ участкахъ“¹⁾. Мнѣ думается, что такая гласность, принципиально, разумѣется, весьма желательная и необходимая, поставила бы по послѣднему вопросу въ очень трудное положеніе того, кто вздумалъ бы дать доступный для народа конспектъ нашего законодательства по преступленіямъ противъ вѣры, такъ какъ отдѣлъ этотъ одинъ изъ наиболѣе запутанныхъ въ уложеніи; противорѣчивость и неясность его зависятъ не только отъ казуистичности, общей этому кодексу, но и отъ проникающей этотъ отдѣлъ общей тенденціи по возможности не выражаться ясно по вопросамъ о расколѣ и писать какимъ то архаическимъ языкомъ. Съ другой стороны, устарѣлость взглядовъ, диктовавшихъ въ свое время въ общемъ необычайно строгія статьи въ охраненіе неохраняемаго силой, привела къ тому, что постепенно выпадали части разныхъ статей и цѣлыя статьи, и затѣмъ получались пробѣлы или совпаденія отдѣльныхъ преступленій, въ разныхъ статьяхъ означенныхъ; чтобы доказать это положеніе, пришлось бы писать отдѣльное изслѣдованіе, для юристовъ излишнее;— для другихъ же такое изслѣдованіе оказалось бы совершенно неудобочитаемымъ, оно сводилось бы къ сопоставленію безчисленныхъ „или“, всякихъ плеоназмовъ и безразличныхъ деталей, предназначенныхъ, однако, отличать одну отъ другой статьи закона, даже въ существенныхъ частяхъ необыкновенно подробно и сложно составленныхъ.

Достаточно указать на мнѣніе составителей объяснительной записки къ проекту новаго уложенія²⁾, высказанное

---

¹⁾ Дѣяніе 2-го Всероссийскаго Миссіонерскаго Съѣзда, страница 337.

²⁾ т. IV, стр. 64, 65 і. с.

чрезвычайно энергично по поводу несогласимыхъ коллизій между 178, 2 ч. 196 и 180 ст. ул. о нак.

Минетъ ли эта бѣда съ появленіемъ новаго уложенія—судить нельзя, такъ какъ и здѣсь, какъ и въ распоряженіяхъ о расколѣ, царствуетъ тайна, непроницаемо покрывающая новѣйшее усовершенствованіе проекта.

Такъ какъ основная мысль моей работы сводится къ признанію бесплодности борьбы свѣтскими средствами съ отпаденіемъ отъ православія и совращеніемъ въ расколъ и къ доказательству невозможности для судебной и вообще свѣтской власти безъ вреда для себя же направлять наказанія не столько противъ дѣйствій, сколько противъ мысли, то мнѣ, за полной ясностью моего личнаго взгляда, не представляется никакой надобности останавливаться на вопросѣ о дальнѣйшемъ существованіи соотвѣтствующихъ вышеназваннымъ дѣяніямъ—189-й и 196-й ст. уложенія. Неужели еще нужно въ юридической печати пожеланіе, чтобы эти живые покойники не были перенесены въ новое уложеніе?!

Распространеніе изувѣрныхъ сектъ и принадлежность къ нимъ (203 ст. ул.), при наличности гнусныхъ дѣйствій, должно найти свое мѣсто въ соотвѣтствующихъ статьяхъ о преступленіяхъ противъ нравственности, тѣлесной неприкосновенности и т. д., такъ какъ мотивъ уже давно не входитъ въ составъ преступления въ такой степени, чтобы выдѣлять его въ особый родъ; также могутъ быть разнесены по соотвѣтствующимъ отдѣламъ публичныя хулы, кощунства въ зависимости отъ того, какіе удастся установить объекты для этихъ преступленій въ религіозной области, такъ какъ нѣтъ никакой возможности объединить въ отношеніи къ объекту главу I и III разд. 2-го ул. о нак., и это по той простой причинѣ, что и установить этотъ объектъ или эти объекты даже *in concreto* очень трудно, если не совершенно невозможно.

Чтобы не возвращаться къ 196 ст., я только укажу въ дополненіе ко всѣмъ приведеннымъ выше кассационнымъ рѣшеніямъ еще на рѣш. 97 г. 18 октября по д. Бѣлоконя и 17 января 98 г. по дѣлу Бѣляева и Гончарова (III отд.),

а также на руководящее департаментское рѣшеніе отъ 14 декабря 1909 г. (№ 45) по д. Савельевыхъ и др.; смыслъ всѣхъ этихъ рѣшеній одинъ, что необходимо признаніе судомъ при обвиненіи въ соvrращеніи существенныхъ и отличительныхъ положеній, „*входящихъ въ основаніе лжеученія*“, буде таковое не опредѣлено въ самомъ законѣ“, а также указаніе того, „въ какихъ именно способахъ. . . входящихъ въ составъ преступленія. . . состояли дѣйствія совратителей, вызвавшія отпаденіе. При доказанной выше невозможности догматической экспертизы такое требованіе представляется смертнымъ приговоромъ для 196-й статьи.

Мнѣ остается коснуться только двухъ крупныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ давно назрѣло и, можно сказать, уже состоялось въ практикѣ Правительствующаго Сената: это вопросы: 1) о примѣненіи 29 ст. уст. о нак. по отношенію къ штундистамъ и русскимъ баптистамъ, и 2) вопросъ, стоящій въ тѣсной связи съ предъидущимъ, объ уничтоженіи въ глазахъ судей и законодателя ничѣмъ въ настоящее время неоправдываемой разницы между раскольниками отъ рожденія и отступниками изъ числа принявшихъ въ свое время крещеніе въ православіе.

Вотъ типичная картина той современности, которая порождаетъ всѣмъ извѣстные безпорядки. Газета „Россія“ отъ 6-го іюня 1901 г. № 757 сообщаетъ:

„Съ юга получаютъ безпрестанно сообщенія о приговорахъ, постановляемыхъ мѣстными судьями противъ сектантовъ, именующихъ себя баптистами. Но такая самоквалификація обыкновенно судьями отвергается, и немалое число крестьянъ, крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ (даже въ годы неурожайные) приговаривались къ двадцатирублевымъ штрафамъ или къ мѣсячному аресту“. „Курьеръ“ сообщаетъ о новомъ такомъ же случаѣ:

На-дняхъ въ камерѣ одесскаго мирового судьи разсматривалось новое дѣло о сектантахъ. Обвиняемые именуютъ себя „евангелистами“. Въ апрѣлѣ текущаго года, они, въ числѣ 18 человекъ, устроили въ квартирѣ Евтихія Заболотнаго, на Слободѣ-Романовѣ, богослуженіе по обряду уче-

нія штундистовъ. На судъ явилось 12 обвиняемыхъ, которые на вопросъ о виновности отрицали свою принадлежность къ штундистской сектѣ, говоря, что они христіане, свято чтутъ завѣты Христа Спасителя и неуклонно придерживаются текста Евангелія. Свидѣтели по дѣлу—чины полиціи херсонскаго участка и понятыя—показали, что, когда они вошли въ квартиру Заболотнаго,—обвиняемые стояли на колѣняхъ и читали—кто Евангеліе, кто Псалтырь. По предложенію полиціи, молящіяся встали съ колѣнъ, и богослуженіе прекратилось.

Для выясненія догматовъ вѣроученія обвиняемыхъ къ разбору дѣла былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта миссіонеръ херсонской епархіи г. Кальвинъ. По настоянію судьи, они отвѣтили на два—три вопроса; на остальные же отвѣчать отказались, такъ какъ они требовали разрѣшенія имъ задавать отвѣтные вопросы г. Кальвину и вступать съ нимъ вообще въ бесѣду, въ чемъ имъ было отказано.

Изъ отвѣтовъ обвиняемыхъ выяснилось, что они: 1) крещеніе признаютъ, какъ знакъ союза съ Богомъ, но не какъ прощеніе первороднаго грѣха; 2) священства не признаютъ; 3) не признаютъ также ни таинства мѣропомазанія, ни таинства елеосвященія. По этимъ даннымъ г. Кальвинъ далъ заключеніе, что обвиняемые—штундисты. Мировой судья, по словамъ „Од. Нов.“, признавъ всѣхъ виновными, приговорилъ къ 20 руб. штрафа каждаго, съ замѣной при несостоятельности арестомъ на 1 мѣсяць.

Достаточно уже анализировалъ я рѣшеніе по дѣлу Головки ¹⁾ для того, чтобы, просто сославшись на него, указать, что подобное рѣшеніе судьи, если бы оно дошло до Пр. Сената, не осталось бы въ силѣ, такъ какъ оно вполне соответствуетъ по недостаточности признаковъ цитированному выше дѣлу Бедренко, гдѣ изъ всѣхъ признаковъ имѣлось только иконоборство, почему Прав. Сенатъ дѣло кассировалъ, за силою 1 ст. улож. и 1 ст. уст. угол. суд.

Здѣсь весьма кстати вспомнить мотивы Государственнаго

---

¹⁾ № 1 за 1900 г.

Совѣта, обусловившіе появленіе на свѣтъ закона 3 мая 1883 года, составившаго эру въ нашемъ законодательствѣ и скромно озаглавленнаго: о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ общегражданскихъ и по исполненіи ими духовныхъ требъ.

Вспомнивъ всю исторію расколосектантства вклучительно до 1874 г., всѣ особенности положенія этихъ отступниковъ, Государственный Совѣтъ подробно разсмотрѣлъ „облегчительныя предположенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, составленныя по сношеніи съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, объ исправленіи приходящихъ въ ветхость часовенъ и др. молитвенныхъ зданій, о порядкѣ распечатанія послѣднихъ, о наставникахъ раскольниковъ и о разныхъ формахъ оказательства; затѣмъ Государственный Совѣтъ нашель, „что означенныя предположенія, не давая въ руки послѣдователей толковъ новаго орудія для борьбы съ господствующей церковью, имѣютъ цѣлью ограничить усмотрѣніе мѣстной администраціи въ отношеніи къ расколу болѣе точнымъ нежели прежде опредѣленіемъ въ самомъ законѣ предоставляемыхъ раскольникамъ правъ. Привѣтствуя проектированное облегченіе, какъ ноее выраженіе заботливости правительства о той части народонаселенія, которая по причинѣ отсутствія въ средѣ ея правильныхъ понятій о вѣрѣ и богослуженіи пребываетъ внѣ общенія съ истинною церковью, Совѣтъ призналъ принятіе заключенія д. т. с. графа Толстого въ существѣ онаго не только вполне возможнымъ, но и необходимымъ“. Далѣе, Совѣтъ скептически отнесся къ правилу о невыдачѣ паспортовъ совратителямъ („едва ли существуетъ дѣйствительная надобность“), въ виду достаточно строгаго уголовного преслѣдованія и существованія мѣръ пресѣченія, а также нашель нужнымъ „во избѣжаніе недоразумѣнія, перечислить всѣ отмѣняемыя статьи свода законовъ“; засимъ, Совѣтъ поручилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ относительно тѣхъ правилъ о раскольникахъ, „которыя состоялись внѣ законодательнаго порядка ¹⁾“, принять мѣры къ прекращенію ихъ

---

¹⁾ Курсивъ мой.

дѣйствія тѣмъ же способомъ, какимъ они получили свое происхожденіе“. Въ заключеніе Государственный Совѣтъ вспомнилъ, что Временнымъ Комитетомъ по дѣламъ о раскольникахъ были проектированы для раскольниковъ съ шестидесятихъ годовъ слѣдующія два облегченія, не вошедшія въ цитированное выше заключеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ: 1) о дозволеніи раскольникамъ творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженія по ихъ обрядамъ въ частныхъ домахъ и 2) о разрѣшеніи на кладбищахъ при погребеніи творить молитву по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія. Таковыя заключенія Временнаго Комитета удостоились 16 августа 1864 г. Высочайшаго одобренія.

„По мнѣнію Государственнаго Совѣта, осуществленіе обѣихъ приведенныхъ льготъ нельзя не считать вполне возможнымъ и желательнымъ“.

„Молитва составляетъ одну изъ первыхъ духовныхъ потребностей каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Поэтому, какою бы строгостью ни было обставлено запрещеніе собираться на общественное богомоленіе въ частныхъ домахъ, послѣднее всегда будетъ существовать съ тѣмъ только различіемъ, что въ случаѣ преслѣдованія оно будетъ совершаться тайно, безъ всякаго надзора со стороны правительственныхъ властей“¹⁾.

Это авторитетное *impossibilia nemini obtruduntur* даетъ мнѣ право здѣсь же сдѣлать общій выводъ такого рода: узкое пониманіе главнаго термина 29 ст. уст. о нак. „законное требованіе“ уже не разъ подавало поводъ къ злоупотребленію этой статьей; масса диспозитивныхъ статей нашего свода закона, лишенныхъ санкции въ большинствѣ случаевъ потому, что онѣ формируютъ собой чисто нравственныя обязанности, а чаще просто благопожеланія, оказывалась однако вооруженной принужденіемъ чрезъ наказаніе: стоило только какой либо власти предъявить основанное на соотвѣтствующей статьѣ тре-

---

¹⁾ Мн. Гос. Сов. Выс. утв. 3 мая 1883 г. Мотивы.

бованіе. Продолжать такую систему было бы слишком опасно, что ясно указано Правительствующимъ Сенатомъ въ дѣлахъ о нерабочихъ праздникахъ, ясно, что слово „законное требованіе“ должно быть понимаемо не только какъ требованіе, на законѣ основанное, но и какъ *требованіе юридически и физически возможнаго*, а Государственный Совѣтъ только что отмѣтилъ, что лишать кого либо права богомоленія физически невозможно; нечего и прибавлять, что предъявлять такое требованіе и *юридически* немислимо, такъ какъ оно охраняетъ не правовой, а иной, незащитимый юридическими средствами, интересъ.

Само собой разумѣется, что я вовсе не игнорирую превентивной дѣятельности полиціи съ точки зрѣнія политическаго наблюденія, буде таковое оказалось бы нужно, ни заботы духовенства о пресѣченіи пропаганды, главнымъ орудіемъ которой считаются эти богомоленія. Вся исторія уже привела духовное начальство и законъ къ тому, что естественнымъ средствомъ для духовенства въ этомъ случаѣ является „вразумленіе“, чему отвѣчаетъ статья 21 уст. духовн. консист. ¹⁾ и слѣдующія. Естественно, что если даже и признать, какъ вполне возможное явленіе, что съ прекращеніемъ преслѣдованія штундистовъ къ нимъ станутъ являться на моленія и православные, то, казалось бы, православная церковь достаточно могла бы противодѣйствовать этому, привлекая къ себѣ своихъ сыновъ внѣшнимъ благолѣпіемъ, не говоря уже о духовномъ содержаніи ученія. Правда, что на этомъ пути встрѣчаются препятствія, образно и сильно выраженные маститымъ дѣятелемъ нашей церкви въ слѣдующихъ словахъ: „что же сказать о множествѣ, затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей, нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика.“

„Увы! не церковь повинна въ этой тупости и не бѣд-

---

¹⁾ Слѣдуетъ помнить, что вѣроисповѣдное прикрѣпленіе личности основано въ сущности только на одной 36 ст. уст. о пред. и прес. преступленій, изд. 1890 г.

ный народ повиненъ:—повиненъ лѣнливый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви, повинна по мѣстамъ скудость и беспомощность народная“ ¹⁾).

Въ этомъ отношеніи съ приведенной цитатой вполне умѣстно поставить рядомъ столь же искреннее и прочувствованное заявленіе миссіонера М. Новоселова, приводившееся уже мною отчасти при изложеніи Орловскаго эпизода и напечатанное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Почтенный членъ Орловскаго Миссіонерскаго съѣзда напоминаетъ что онъ „настойчиво указывалъ“ на „наше неправильное и несправедливое отношеніе къ нѣкоторымъ сектантамъ, выражающееся въ томъ, что мы видимъ хитрость и лукавство въ тѣхъ приѣмахъ и средствахъ ихъ пропаганды, которые мы почитаемъ нравственно одобрительными, когда прибѣгаемъ къ нимъ сами. Прошу вспомнить, какъ рѣшительно я высказывался, пишетъ онъ, противъ того ненаучнаго (выражаясь деликатно) метода изслѣдованія, при посредствѣ котораго такъ легко усматриваются проявленія зловредныхъ соціально—политическихъ тенденцій тамъ, гдѣ едва ли усмотрѣло бы ихъ самое недреманное прокурорское око. Прошу вспомнить, съ какою горечью и болью отмѣчалъ я тотъ фактъ, что въ представленіи сектанта православный миссіонеръ отождествился съ гонителемъ, отъ бесѣды съ которымъ онъ уклоняется изъ боязни оказаться въ рукахъ полицейскаго или судейскаго чиновника, уклоненіемъ этимъ произносится приговоръ надъ фальшивымъ (въ дѣлѣ миссіи) союзомъ миссіонера и урядника“ ²⁾).

Что касается политической стороны, то полиція болѣе чѣмъ достаточно вооружена 17-ю статьями 4-хъ главъ съ 4-й по 7-ую включительно уст. о пред. и прес. прест., дающими ей возможность дѣйствительно „пресѣчь въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную“, хотя бы ей пришлось

---

¹⁾ Москов. сборн. изд. К. П. Побѣдовосцева, пятое, дополнен. Москва 1901 г. стр. 261.

²⁾ „Россія“ 26 октября 1901 г. № 899.

для этого по французской системѣ, практикуемой французами въ разныхъ собраніяхъ, а турками и у Гроба Господня, стоять на стражѣ среди иновѣрцевъ; статьи главы VI разд. IV ул. о нак. достаточно строго караютъ за одну принадлежность къ противозаконнымъ сообществамъ и за покушеніе образовывать ихъ или недонесеніе объ ихъ существованіи, чтобы судьи знали, что имъ дѣлать въ необходимыхъ случаяхъ, такъ что и полиціи извѣстно, куда ей обратиться въ случаяхъ политическаго характера тайныхъ собраній, и не нуждается поэтому въ примѣненіи 29 ст. уст. въ цѣляхъ политической безопасности, какъ это однако указывается и приводится настойчиво во всей антисектантской литературѣ.

Вотъ основанія того, почему со всевозможныхъ точекъ зрѣнія и въ особенности съ юридической нежелательны дальнѣйшія ампутаціи закона 3 мая 1883 г., вродѣ произведенной въ 1894 г.; думается, что, если бы статья на точку зрѣнія Государственнаго Совѣта и отмѣнить постановленія, „которыя состоялись внѣ законодательнаго порядка... тѣмъ же способомъ, которымъ они получили свое происхожденіе“, то это молчаливое разрѣшеніе штундистскихъ моленій— „не давая въ руки послѣдователей толковъ новаго орудія для борьбы съ господствующею церковью“, привело бы къ тому, что ограничило бы „усмотрѣніе мѣстной администраціи“, и не возбуждаемая болѣе преслѣдованіемъ штунда испытала бы, вѣроятно, тотъ же процессъ перерожденія и вырожденія, который, какъ мы видѣли, похоронилъ въ свое время столько новыхъ сектъ.

Обзоръ практики Правительствующаго Сената по дѣламъ о расколѣ былъ бы неполонъ, и я не выяснилъ бы обѣщаннаго выше второго крупнаго вопроса этого изслѣдованія, если-бы не изложилъ, по возможности сжато, разумѣется, новѣйшее рѣшеніе по дѣлу Франца Нехуты и др.; дѣло это закончилось 10 апр. 1901 г. тѣмъ, что Уголовный Кассационный Департаментъ отмѣнилъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія все производство по обвиненію группы баптистовъ изъ православныхъ, обвинявшихся по 29 ст. уст. о нак. и 1106 ст. т. XI, изд. 1896 г. Дѣло это слушалось

публично, и хотя объявлена только приведенная выше резолюція, но сказанное публично заключеніе мое, какъ исп. об. тов. оберъ-прокурора, съ которымъ вполне согласился Департаментъ, позволяетъ судить о мотивахъ и о разрѣшенныхъ вопросахъ по даннымъ этого заключенія.

На первомъ планѣ дѣла стояла та юридическая несообразность, что русскіе баптисты, которыхъ администрація баптистами не считаетъ, должны были въ данномъ случаѣ, по мнѣнію обвинителя, испросить для законности учиненнаго ими общественнаго богослуженія (1106 ст.) разрѣшенія начальника губерніи, который, однако, разрѣшенія на основаніи этой статьи имъ дать не могъ. Кассаторы, отрицавшіе свою принадлежность къ какой-либо сектѣ, ссылались на то, что даже, предполагая ихъ принадлежность къ сектѣ баптистовъ, они не на основаніи 1106 ст. XI изд., а согласно пятому пункту закона 3 мая 1883 г., коимъ сектантамъ вообще дозволено творить общественную молитву въ частныхъ домахъ, вправѣ были собираться для моленія безъ особаго разрѣшенія губернатора (48 ст. уст. о пред. и прес. прест.). Такимъ образомъ, въ центрѣ дѣла стояло разрѣшеніе вопроса о томъ, касается ли законъ 1883 г. только раскольниковъ—сектантовъ отъ рожденія или и такъ называемыхъ отступниковъ, такъ какъ именно къ послѣднимъ принадлежали въ качествѣ баптистовъ изъ православныхъ осужденные съѣздомъ кассаторы.

Ислѣдованіе этого вопроса въ смыслѣ уничтоженія разницы между коренными,—такъ сказать, рожденными и новыми раскольниками, отступниками-сектантами, и составило задачу моего заключенія по данному дѣлу.

Наиболѣе удобнымъ элементомъ дѣла было отсутствіе обвиненія въ штундизмѣ, не отождествляемомъ Пр. Сенатомъ, согласно рѣшенію по дѣлу Александра и Крючкова, съ баптизмомъ. Такимъ образомъ, прежде всего, показавъ на осн. 187 и 189 ст. улож., что совращеніе въ баптизмъ наказывается легче, чѣмъ совращеніе въ расколъ, [наказуемое по 1 ч. 196 ст.] и что при этомъ въ самомъ законѣ совершенно уравнены (189 ст.) *христіанское исповѣданіе, еретическая секта и*

даже *раскольнической толкы*, я имѣлъ возможность сдѣлать выводъ, что русскіе баптисты не могутъ пользоваться меньшими правами чѣмъ русскіе раскольники, о которыхъ говорить 196 ст., иначе ихъ привилегированное положеніе въ отношеніи навазуемости за совращеніе, сравнительно съ раскольниками вообще, звучало бы какъ *privilegium odiosum*; отсюда, разумѣется, былъ одинъ шагъ, и вполне законный, къ установленію права русскихъ баптистовъ на льготу закона 1883 года, дающаго раскольникамъ свободу въ отношеніи общественнаго моленія. Оставалось рѣшить главный вопросъ о томъ, примѣнимъ ли законъ 1883 г. въ данномъ случаѣ въ этимъ баптистамъ, какъ бывшимъ православнымъ, т. е. отступникамъ, а не раскольникамъ отъ рожденія. Въ этомъ отношеніи удалось привести рядъ справокъ, показавшихъ, что различіе между коренными и не коренными раскольниками Департаментами Сената, до которыхъ онъ не разъ доходилъ, рѣшается нынѣ однообразно въ смыслѣ непризнанія никакой разницы между этими видами раскольниковъ; такой взглядъ однако сложился не сразу.

Въ рѣшеніи 18 марта 86 г. II департаментъ Правительствующаго Сената по вопросу объ установленіи добровольныхъ складокъ на содержаніе православнаго духовенства и сборовъ на поддержаніе и устройство православныхъ церквей еще признавалъ такіа *добровольныя* ¹⁾ складки въ пользу православныхъ попечительствъ, *обязательными* по отношенію къ раскольникамъ, не числящимся таковыми оффиціально, признавъ ихъ однако непримѣнимыми къ иновѣрцамъ вообще и къ раскольникамъ, записаннымъ въ установленныя ст. 1093 т. IX Свод. Зак. изд. 1876 г. метрическія книги; но уже 16 января 1891 г. I Департаментъ, разясняя вопросы относительно записи браковъ и рожденія раскольниковъ, вознишіе при примѣненіи закона 19 апрѣля 1874 г., принялъ на видъ, что главною цѣлью этого закона было „установить государственное благоустройство въ раскольничьемъ населеніи, которое, находясь въ семейномъ быту внѣ всякихъ правъ,

---

¹⁾ Курсивъ мой.

очутилось и пребывало слишкомъ долго въ ненормальномъ положеніи. Истолковавъ новый законъ въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ только принадлежности обоихъ супруговъ къ расколу отъ рожденія и не касается вопроса о томъ, были ли рождены въ расколѣ ихъ отцы и дѣды, Правительствующій Сенатъ высказалъ, что „вообще дѣленіе раскольниковъ на коренныхъ и не коренныхъ, съ изданіемъ закона 1874 г., потеряло всякое значеніе“; буквально то же было повторено I Департаментомъ и въ рѣшеніи 24 января 1895 г. по дѣлу Блинова. Наконецъ, въ проектѣ опредѣленія того же Департамента отъ того же числа по дѣлу старообрядцевъ Лазарева, Худяева и др. (вопросъ о завѣщаніи Батманова) и о Малолахотскихъ свитахъ Правительствующій Сенатъ истолковалъ законъ 3 мая 1883 г. „въ смыслѣ предоставленія дарованныхъ этимъ закономъ правъ по отправленію богомоленій— *всѣмъ вообще раскольникамъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ расколу отъ рожденія или совратились въ таковой впоследствии*“ ¹⁾).

1-ое общее собраніе Правительствующаго Сената, куда было перенесено это дѣло 17 ноября 1900 г., *подтвердило рѣшеніе I-го Департамента*, указавъ, что, насколько законъ 19 апрѣля 1874 г. преслѣдовалъ цѣли нравственно-полицейскія, настолько мотивы Государственнаго Совѣта къ закону 3 мая 1883 г. указываютъ на заботу объ охраненіи права „каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ человѣка“, свободно молиться.

Рѣшеніе по дѣлу Нехуты, насколько по этому можно судить, въ принципѣ стало на такую же точку зрѣнія, что вполне согласно и съ предшествующею практикою Правительствующаго Сената по уголовному департаменту, который, касируя рядъ приговоровъ относительно сектантовъ по 29 ст. о такъ называемыхъ штундистахъ, запрещалъ богомоленія только штундистамъ, *suī generis*, описаннымъ въ циркулярѣ и законѣ 1894 г., относительно всѣхъ же другихъ сектъ и

---

¹⁾ Курсивъ мой.

видовъ раскола, угол. касс. деп. Прав. Сената, признавая за ними льготы 1883 г., никогда не задавался вопросомъ о томъ, представляются ли они расколо-сектантами отъ рожденія или нѣтъ, и такого различія не дѣлалъ (рѣш. Головки, Рѣдичкина, Пурена, Бедренко, Рябинина; послѣднее не напечатано, оно отъ 12 апрѣля 1888 г.). Наконецъ, въ самое послѣднее время 6 ноября 1901 г. было внесено на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената (дѣло пока отложено) принципиальное разъясненіе сомнѣній, возникающихъ въ практикѣ по вопросу о томъ, подлежитъ ли 196 ст. улож. о нак. (именно III ч. ея объ исполненіи раскольниками требъ для православныхъ) примѣненію только къ раскольникамъ отъ рожденія или распространяется также на православныхъ, отпавшихъ въ расколъ.

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ, о нѣкоемъ начетчикѣ изъ отступниковъ, повѣнчавшемъ по раскольничьему обряду оффиціального раскольника съ дѣвицей, отпавшей отъ православія. Затрудненіе обвиненія заключается въ томъ, что если отступниковъ не считать раскольниками, то самъ начетчикъ обвиняться не можетъ, въ виду текста 196 ст., если же признавать отступничество, то въ повѣнчаніи раскольникомъ двухъ раскольниковъ также нѣтъ преступленія.

При такихъ данныхъ, очевидно, на очереди стоитъ чисто принципиальное рѣшеніе вопроса о наличности или объ отсутствіи разницы съ точки зрѣнія закона въ положеніи и правахъ коренныхъ и некоренныхъ раскольниковъ; какъ мы видѣли, утвердительное рѣшеніе этого вопроса состоялось уже не однажды и до самаго послѣдняго времени держится въ I и угол. кассац. деп. Пр. Сената, а также въ I-мъ общемъ Сената собраніи.

Мы прослѣдили многовѣковую борьбу свѣтской и духовной власти за православіе; въ перепетіяхъ этой борьбы принципъ гоненій, грозно звучавшій до XVI вѣка и особенно обострившійся въ XVI и XVII в.в., съ тѣхъ поръ перерождался постепенно въ руководящихъ сферахъ въ суровую и безпокойную заботу о сохраненіи цѣлости Церкви духов-

ными и свѣтскими средствами. На трудномъ пути вразумленія случалось, что монастыри, боясь соблазна, отказывались принять къ себѣ „несговорчиваго еретика (Яковъ Коваль), стойбаго въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ дьяволъ во злѣ“¹⁾; когда затѣмъ неудача приходскаго миссіонерства „орудія государства“²⁾, постепенно оказывавшагося орудіемъ несостоятельнымъ, рядомъ съ печальной эпопеей бѣглыхъ поповъ, замѣнилась, какъ новой надеждой, единовѣріемъ и собесѣдованіями, то всевыясняющее время, въ рядѣ фактовъ, приведенныхъ выше, думается мнѣ, достаточно показало эфемерность и этихъ двухъ средствъ.

„До сихъ поръ неудавалась еще ни одна церковная унія, основанная на соглашеніи: рано или поздно обнаруживалось фальшивое начало такого союза, и плодомъ его бывало повсюду умноженіе не любви, а взаимнаго отчужденія или даже ненависти. Сохрани Боже порицать другъ друга за вѣру. Пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему сроднѣе“³⁾. Развѣ это не осужденіе и притомъ столь авторитетное единовѣрія?

„Вѣра не можетъ держаться на одномъ *ученіи*, какъ бы ни было оно чисто и возвышенно; не можетъ держаться и на одномъ собраніи догматовъ. Могутъ они проповѣдывать жизнь, но жизни въ нихъ еще нѣтъ. Жизнь христіанской церкви *въ лицѣ* Христа, Богочеловѣка, въ коемъ вѣчно идеальное существо Божества воплотилось, и явилось человѣку“⁴⁾.

Если бы ученіемъ *жизни этой* и выводами его замѣнялись догматическія пренія на собесѣдованіяхъ!

„Вдумываясь въ жизнь, приходишь къ тому заключенію, что для каждаго человѣка въ ходѣ его духовнаго развитія всего дороже, всего необходимѣе сохранить въ себѣ неприкосновеннымъ простое, природное чувство человѣческаго отношенія къ людямъ, правду и свободу духовнаго представле-

---

¹⁾ Южно-русскій штунд. 121 стр. Рождественскій.

²⁾ Рейснеръ. Вѣсти. Пр. апр. 1901 г. стр. 48.

³⁾ 235 стр. Моск. Сборн. изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1891.

⁴⁾ I. с. 216 стр. изд. К. П. Побѣдоносцева.

нія и движенія. Это—неприкосновенный капиталъ духовной природы, въ которомъ душа охраняется и обезпечивается отъ дѣйствія всякихъ *чиновныхъ* формъ и искусственныхъ теорій, растлѣвающихъ незамѣтно простое нравственное чувство“¹⁾).

Здѣсь уже не приходится искать, на кого направлена эта симпатичная филиппика.

Оставляя чуждую мнѣ лично область церковную, состоящую, повидимому, подъ охраною столь возвышенныхъ принциповъ, я не вижу необходимости поэтому высказывать пожеланія о томъ, чтобы чиновническое направленіе миссіонерства вообще и приходскаго въ особенности постепенно уступило мѣсто живому слову добровольцевъ, пусть хотя бы „простецовъ“, „не миссіонеровъ, а собесѣдниковъ“, проповѣдующихъ „лицо Христа“, а не одно собраніе догматовъ.

Когда такъ ясно, что самой церкви не расчетъ прибѣгать, ради поддержанія православія, къ содѣйствію свѣтской власти, то странно было бы еще говорить о желательности устраненія себя этою послѣднею отъ несвойственныхъ ей и столь, въ свѣтскихъ рукахъ, опасныхъ для самого государства духовныхъ заботъ.

Я позволю себѣ только напомнить горячій возгласъ II Съѣзда о необходимости въ дѣлѣ расколо-сектантства широкой гласности²⁾).

— 207 —

---

¹⁾ 252 стр. I. с. изд. К. П. Побѣдоносцева. Курсивъ издателя.

²⁾ Дѣянія 337.